

16+

Ермек Турсунов

Кирпич

«Автор»

2020

Турсунов Е.

Кирпич / Е. Турсунов — «Автор», 2020

Вы держите в руках новую книгу казахстанского режиссера Ермака Турсунова под довольно символичным и емким названием «Кирпич». В ней собраны самые заметные публицистические материалы известного режиссера, которые были опубликованы им в отечественной периодике за последние десять лет. Темы тут разные. В совокупности все они сводятся к одной главной. Наша жизнь. Наша страна. Наша общая история. Совсем еще свежая. Еще не до конца осмысленная. А время идет, и каждый прожитый нами день наутро становится уже прошлым. А его нужно помнить. И знать. Анализировать. Чтобы понимать, куда двигаться дальше. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Турсунов Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От издателя	5
От меценатов	7
Вместо предисловия	9
Кирпич первый	14
Кирпич второй	20
Кирпич третий	23
Кирпич четвёртый	27
Кирпич пятый	29
Кирпич шестой	32
Год 2011-й	36
Кирпич восьмой	41
Кирпич девятый	44
Кирпич десятый	46
Кирпич одиннадцатый	61
Год 2012й	63
Кирпич тринадцатый	66
Кирпич четырнадцатый	74
Кирпич пятнадцатый	80
Кирпич шестнадцатый	85
Кирпич семнадцатый	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ермек Турсунов

Кирпич

От издателя

История это не учебник истории. Тем более что очень часто содержание таких учебников может попадать под идеологическую кастрацию или становится жертвой «косметической» операции, чтобы что-то увеличить, что-то уменьшить, а что-то вообще попытаться убрать из памяти.

Поэтому нередко интересными путеводителями в ту или иную эпоху были личные наблюдения, дневники или воспоминания людей, которые либо следили за теми или иными событиями со стороны, либо были их непосредственными участниками. Понятно, что свой налет субъективности есть и в таких источниках. Но, не претендуя на роль учебников истории, эта субъективность, наоборот, оживляет то, что уже стало прошлым, сдирает с него бронзу. Кстати, это объясняет, почему из 12 книг, которые мы издали в рамках моего частного культурно-просветительского фонда и литературного проекта «Сез» за последние несколько лет, большинство являются именно публицистикой и монографиями, посвященными истории нашей страны.

Одни книги мы издавали, чтобы рассказать правду о вырванных страницах из советской истории Казахстана. Так, например, было в случае с изданием книги Мустафы Шокая «Туркестан под властью советов. К характеристике диктатуры пролетариата», в которой можно найти много интересной и неприглядной информации о политической и социально-экономической ситуации в Туркестане при советской власти. Такую же цель преследовал перевод с английского на казахский язык, а также издание книги американского историка Сары Камерон о голоде 30х годов в казахской степи: «Аштык жайлаган дала. Ашаршылык, озбырлык және Кенестік Казакстанды орнату» («Голодная степь: голод, массовое насилие и создание Советского Казахстана»), чтобы объективно взглянуть на самую страшную трагедию в истории нашего народа глазами иностранного историка, который в своей работе опирался на разные источники и сохранившиеся архивные материалы.

Другие изданные нами книги были посвящены истории современного Казахстана. Кстати, в следующем году будет 30 лет с того самого момента, когда республика объявила себя суверенным государством. По историческим меркам срок небольшой. Но с точки зрения любого человека, это значительный отрезок его жизни, когда уже есть что вспомнить, переосмыслить и самое главное спросить себя: «Почему получилось то, что получилось?» И свое видение этой истории через призму своих личных впечатлений и размышлений нам рассказали авторы этих книг, которые были свидетелями разных событий, в том числе и тех, которые официальная историография опять пытается замолчать или скрыть. Но для нас важно донести в первую очередь до молодого поколения разные исторические пазлы, сложив которые можно получить более или менее объективную картину.

И еще одним таким пазлом является новая книга известного Казахстанского режиссера Ермека Турсунова, которую вы сейчас держите в своих руках, под довольно символичным и емким названием «Кирпич». В ней мы попытались собрать лучшие публицистические статьи кинорежиссера, которые он написал за последние 10 лет, как реакцию на наше бытие, чтобы сделать акцент на том, что оно не изменится к лучшему, если не поменять наше сознание. Именно поэтому, я бы даже отнес новую книгу Ермека Турсунова к философско-публицистическому жанру, который сейчас особенно дефицитный товар на современном рынке интеллектуальной продукции. Вообще, в глаза бросается очень тревожный глобальный тренд,

когда в мире практически не осталось философов. Хотя в течение веков многие мыслители были трендсеттерами интеллектуальной жизни разных эпох у разных народов, при этом часто именно за это подвергаясь гонениям и репрессиям со стороны тех, кому нужна была невежественная толпа, чем просвещенное общество. Да и сейчас постепенно исчезает привычка размышлять, копать вглубь и смотреть вширь, пытаться за деревьями увидеть весь лес, а за звездой всю Вселенную.

Неудивительно, что один из немногих представителей современной философской мысли профессор языкознания в Массачусетском технологическом институте, лингвист Ноам Хомский (которого в США называют «наш Сократ») в своем списке «10 способов манипулирования» акцент сделал на желании современных политических и экономических систем, а также массовой культуры делать упор на эмоции больше, чем на размышления, держать людей в невежестве, не только культивируя посредственность, но и побуждать граждан восторгаться этой посредственностью.

Для многих потеряли смысл прекрасные слова Антуана де Сент Экзюпери о том, что «быть человеком значит буквально то же самое, что и нести ответственность. Это значит испытывать стыд при виде того, что кажется незаслуженным счастьем. Чувствовать стыд перед нищетой, которая, казалось бы, и не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, и ты помогаешь строить мир». Примерно об этом говорит в своей книге и Ермек Турсунов: «От того, чем ты наполняешь свой мозг, зависит качество твоей жизни». От качества мыслительного кирпича и грамотного мыслительного строительства зависит прочность нашего бытия, а также чистота сознания. Но в слове «кирпич» есть и другой смысл. Ведь при определенных условиях он может быть не только материалом для строительства, но и орудием в руках бунтаря, «когда правда толпы часто может не совпадать с правдой личности». И, как пишет автор в своей книге, твой внутренний бунт также должен быть подкреплён прочной базой знаний и правдой выстраданных истин. А каждая такая выстраданная истина напоминает все тот же обожженный кирпич в мыслительной печи инакомыслия.

Досым Сатпаев

От меценатов

Люди, поддержавшие данный проект, попросили не называть их имен. Тем не менее автор и издатель выражают им свою благодарность. Приятно осознавать, что ситуация в стране по настоящему волнует многих. Понимание того, что все мы в одной лодке, заставляет наиболее сознательных проявлять таким образом свою гражданскую позицию.

Вот что пишет по этому поводу один из меценатов, видный представитель Казахстанского бизнеса, который поддержал данное издание: «Эта книга охватывает публикации автора за период последних десяти лет, и эти материалы полны критики текущей действительности Казахстана. За все это время бизнес страны, от малого до крупного, развивался, несмотря ни на что, хотя его развитие могло быть гораздо успешнее. Большинство представителей предпринимательской среды были и остаются пока за пределами активной политики, нас больше интересуют конкретные бизнес задачи, инвестиции, импорт ноу хау, технологий, международного опыта и интеграции. Мы приспосабливаемся к текущей замедляющейся действительности, достигая определенных результатов. Мы уже почти смирились со всепроникающей коррупцией и лицемерием власти, многие из нас свели сегодня контакты с ней к минимуму. Мы исправно платим налоги и не хотим иметь с властью фактически ничего общего. К тому же пришла пандемия и уничтожила последние иллюзии...

Мы ясно увидели, как глубоко Казахстан погрузился в трясины, как развращающая персональная безответственность и не подотчетность отдельных чиновников и государственной машины в целом уже развела ее изначально невысокую эффективность. Жадность и нерешительность, отсутствие реальных полномочий на местах и личной ответственности, полное отсутствие правовой культуры и преемственности обязательств, непрофессионализм и феодальная клановость всё это давно запустило часовой механизм мины замедленного действия, и мы все четче видим будущие черты шокирующего коллапса государственного аппарата перед лицом неизбежных будущих вызовов самой разной природы.

Предприниматели (зарубежные в том числе) довольно тесно общаются между собой. Нам стыдно перед нашими зарубежными партнерами, которые наблюдают и неплохо разбираются в нашей действительности, их интерес к Казахстану падает. Как быть внутреннему бизнесу?

Можно было бы уехать, как это делают многие, но большинство из нас все же надеются на потенциальные возможности дома. Мы профессиональны и прагматичны. Нам есть что терять, и мы оглядываемся назад. Нас не увлечь быстрыми решениями на митингах и, не дай бог, на баррикадах, мы не пушечное мясо политических игроков. Большинство из нас понимают необходимость начала глубоких и тяжелых перемен. И мы готовы на свою часть этого тяжелого труда. Но вопросов пока гораздо больше, чем ответов...»

«Кудай не жазса, соны кореміз деу» соқырлықтын белгісі. Тағдырдын жазғаны болар деу» – ақымақтықтың белгісі. Адам не тілесе, жаратқан соны тағдыр қылмақшы».

«Что решено Богом, то и увидим» так говорят слепцы. «Что судьбой уготовано, то и случится» так говорят глухцы. Господь посылает человеку ту судьбу, которую он выбирает себе сам».

Абай

Интересное, понимаешь, дело...

Задумал я тут собрать кое что из своей публицистики за последние лет десять.

Не все, конечно, а лишь фрагменты. Отдельные материалы. Занятный в итоге получился томик. Содержательный. Срез эпохи, так сказать. Люди, факты, события, судьбы.

Все, о чем я думал все эти годы, что видел, с кем встречался и на что как реагировал.

Читаю. Вернее, перечитываю и испытываю противоречивые чувства. Такое ощущение, будто темы, которые тогда заставляли меня обратить на себя внимание, никуда не девались. Ощущение, что я писал обо всем этом накануне.

Что это означает?

В широком смысле лишь то, что мы никуда не уходили. Мы топчемся на месте. А может, и наоборот, обратно пошли. Не берусь судить.

Впрочем, некоторые вещи потеряли свою остроту и теперь нуждаются в детализации. История на расстоянии видится по иному. Хотя десять лет срок вроде как небольшой. Но, опять же, как посмотреть. Мир ведь не стоит на месте. Сколько там всего произошло! А мы ведь часть этого мира. Мы ж не на Луне живем.

Однако читая себя, я делаю вывод, что глобально в нашей жизни мало что изменилось. Во всяком случае, лично я рассчитывал на большее.

Темы тут разные. В совокупности все они сводятся к одной главной. Наша жизнь. Наша страна. Наша общая история. Совсем еще свежая. Еще не до конца осмысленная. А время идет, и каждый прожитый нами день наутро становится уже прошлым. А его нужно помнить. И знать. Анализировать. Чтобы понимать, куда двигаться дальше. Если, конечно, есть такое желание двигаться.

Подумав, я решил собрать избранные свои публикации под одной обложкой. Так легче проследить эволюцию. Если она вообще случилась эволюция.

Не все, о чем я тогда писал, нынче меня убеждает. С некоторыми суждениями готов поспорить. Некоторые формулировки вызывают сомнения. Но я не стал ничего исправлять. Решил: пусть остается так, как было написано. Так честнее. И правдивее. И чувствуется нерв. Видно, что не врал. Возможно, ошибался, но не врал.

Единственное, на что могу надеяться, так это на то, что мои труды были не напрасны.

Вместо предисловия

Киношные дела заставляют меня часто колесить по стране. Приходится бывать в больших и малых городах, в забытых селах, на далеких чабанских отгонах. Иной раз меня заносит в такие места, куда ни один министр или депутат по своей воле не поедет.

И вот, беседуя с тамошним народом, наблюдая его житье бытие, я как-то подумал: если бы существовал прибор, которым можно было бы определить степень озлобленности людей, их отчаяния и равнодушия, то нынче бы он показал предельный уровень. Потому вроде как и не имеет смысла что-либо говорить. А зачем? И кому? Пациент, что называется, пребывает в состоянии сильного душевного расстройства. Осталась, наверное, небольшая часть, которым еще не все равно. Остальным...

Остальным не то, чтобы по барабану. Остальные, скорее всего, просто устали. От своего бессилия. Ощущения безысходности. От осознания того, что от них ничего не зависит.

Есть такое состояние, которое наступает сразу после приступа ярости. Или гнева. Опять же бессильного. Когда человек понимает, что изменить ничего невозможно. Остается лишь вздохнуть и принять. Смириться.

Ну действительно, как играть, если правила меняются по ходу игры? Да и судьи куплены. И поляна чужая. И караульные по периметру стоят. Контролируют. Потому и мало их желающих играть дальше. Словом, нет команды. Деморализованы. А потому слабы. А слабость в подавленности и разрозненности. А еще, я думаю, в невежестве.

Если бы существовал прибор, которым можно было бы определить степень озлобленности людей, их отчаяния и равнодушия, то нынче бы он показал предельный уровень.

Зато в этом сила власти. В одиночестве несогласных. Ее сила в бессилии оппонентов. Ей просто не с кем соперничать. Не с кем играть. Невольно возникает вопрос: зачем это самой власти? Ведь, по идее, чем сильнее соперник, тем интереснее игра. И потом, сильный соперник всегда держит тебя в тонусе. Заставляет постоянно расти. Следовательно, власть устраивает такое положение? Наверное, ей так спокойнее. И выгоднее.

А еще есть статистика. И она говорит: «В Казахстане проживают семнадцать миллионов человек». Это просто цифра. Тут не говорится ничего о качестве.

А чем отличается человек, гражданин, боец, личность, хозяин своей судьбы от статистической единицы? Умением критически мыслить. Желанием постоянно учиться. Развиваться. Не отчаиваться. Не опускать руки.

Помнится, был у нас в школе штатный второгодник. Здоровый такой малый. К нему все давно привыкли и относились как к школьной достопримечательности. Я уж не помню, по сколько лет он проводил в каждом классе, но учителям частенько приходилось отправлять его «на Камчатку»: могучая спина его заслоняла пол доски.

Ну действительно, как играть, если правила меняются по ходу игры? Да и судьи куплены. И поляна чужая. И караульные по периметру стоят. Контролируют. По тому и мало их желающих играть дальше. Словом, нет команды. Деморализованы.

А потому слабы. А слабость в подавленности и разрозненности. А еще, я думаю, в невежестве.

На уроках он жутко томился в ожидании звонка. На переменах с садистским удовольствием шмонал одноклассников. Вытряхивал мелочь из карманов. Некоторые набивались ему в «друзья». Получалась знакомая компашка: Шерхан и пара шакалов прислужников. Вели они себя вызывающе и чувствовали себя хозяевами жизни. И мало кто пытался им перечить. Себе дороже. Накостыляют еще после уроков. Легче отдать двадцать копеек и отвязаться. Наверное, в каждой школе была такая «бригада».

Чем закончилась история этого «мафиози»? Да ничем. Спился и помер, синяк синяком. Мало кто нынче помнит о нем.

Еще один пример от моего мастера ВалерСеменыча Фрида. Он отбарабанил двенадцать лет по известной всем пятьдесят восьмой...

Когда в конце тридцатых московскую интеллигенцию пачками ссылали на север, то перед отправкой в лагеря их сортировали: выгоняли на площадь Бутырской тюрьмы и дальше уже распределяли по эшелонам.

Когда дело о покушении на Верховного главнокомандующего было закончено, ВалерСеменычу, как одному из «участников террористической группировки», зачитали приговор. Дали на бедность двенадцать лет. Кинодраматург Фрид собрал в камере свой узелок, и вертухаи повели его длинными коридорами на воздух. Там, на Бутырской площади, бывшим университетским профессорами и измученным литераторам впервые пришлось столкнуться с блатными, то есть с настоящими уголовниками. Все это делалось, конечно, с ведома тюремной администрации, поэтому вели себя блатные весьма показательно: потрошили сумки и чемоданы, отбирали понравившиеся вещи, и никто не посмел им дать отпор. Хотя на всю площадь, на которой сидели несколько сотен арестантов, их было-то всего человек пять. Казалось бы, ну что такое пятеро против сотни...

Я не знаю, что должно про изойти, чтобы люди, населяющие эту благословенную землю, осознали себя людьми. Людьми, а не стадом. Не фраерами бесправными. Как им объяснить? Какие слова подобрать, чтобы они поняли: нельзя быть жвачным животным. Недостойно, уж коли родился человеком.

ВалерСеменыч вначале удивился, а потом понял. Сила блатных в разрозненности фраеров, и они этим умело пользовались. По одному тяжело добывать на пропитание. А так, небольшой стаей подонков. Но на то она и стая.

Потом лагерь. А в лагере дилемма. Или шлюмкать лагерную баланду и вместе со всеми валить лес, или же наняться к Хозяину и стучать. «Ссучиться» называется. Согласитесь, выбор невелик. А на кону жизнь. По сравнению с этим наше с вами существование просто мед. Хотя.

Я не знаю, что должно произойти, чтобы люди, населяющие эту благословенную землю, осознали себя людьми. Людьми, а не стадом. Не фраерами бесправными. Как им объяснить? Какие слова подобрать, чтобы они поняли: нельзя быть жвачным животным. Недостойно, уж коли родился человеком.

А что надо делать?

Могу предложить опробованный рецепт.

Ну, во первых, не надо отчаиваться. Уныние грех. Впрочем, как и гнев.

Во вторых, как это ни банально звучит надо заняться собой. Надо учиться. Умные люди говорили: «Настоящее образование это самообразование».

Затем.

Надо читать. И читать правильные книги. Надо выбросить всю эту макулатуру. Все эти «бестселлеры» и «хиты сезона», навязываемые «общественным мнением» и рекламными кампаниями. Настоящая литература не нуждается в раскрутке, и она не бывает модной. Ей не нужна популярность. Настоящие литераторы писали кровью, а не чернилами. И это всегда видно между строк.

Дальше.

Надо выключить телевизор. Войну у телевизора выиграть невозможно. Поэтому нужно просто взять и выключить. Ну хотя бы на день. На два. Глядишь, войдет в привычку. Есть вещи намного интереснее и полезнее, чем депрессивные откровения премьера про валютный коридор.

Потом.

Надо смотреть правильные картины, а не эту бессмысленную муть. Сериалы враг. Все эти аля комедии. Особенно наши. Отечественные. Хуже только шоу бизнес. Опять же наш. А что хуже нашего шоубизнеса, я уже сказать не берусь. Мне вообще не интересны байки о загробной жизни.

Еще.

Надо научиться слушать правильную музыку, а не эту дерьмовую пошлятину, что беснуется там же в телевизоре и в сетях. Вообще, дерьмо, как заметил один философ, имеет свойство скапливаться в одном месте. Ну так зачем копать в этом? Там уже и лицо не разобрать. Сплошное звездилово.

Кстати, учиться можно всю жизнь. Можно и нужно. И прежде всего нужно учиться быть человеком. И помнить: важен не объем информации, а качество знаний. Можно быть в курсе много чего, но при этом не знать самого главного.

Кстати, учиться можно всю жизнь. Можно и нужно. И прежде всего нужно учиться быть человеком. И помнить: важен не объем информации, а качество знаний. Можно быть в курсе много чего, но при этом не знать самого главного. А мозг требует постоянной работы. Как и вкус. В итоге включенный мозг и воспитанный вкус станут фундаментом для реализации самых дерзких планов. Они способны помогать смело ориентироваться по жизни, а не блуждать. Не шарахаться и не паниковать. Не отчаиваться и не грустить. Быть активным участником процесса, а не сторонним его наблюдателем.

Борьба с собственным невежеством (читай скукой, ленью, гневом и немощью) поможет понять, что культура это не «клево смотреться» и «дорого одеваться» и не вилка в левой, а ножик в правой. Культура это умение отличать настоящее от фальши. Подлинник от копии. Правду от лжи. Ведь что такое в сути своей глобализация? Это война культур. И здесь у нас нет побед. Наша страна в аутсайдерах. И это, на самом деле, грустный факт.

Остается принять бой в одиночку.

Борись со своим невежеством. С собственной темнотой. Я не могу предложить тебе другую страну. В наличии только эта. И если она не меняется, попробуй изменить к ней свое отношение. Это не значит, что тебе следует перестать ее любить, ведь матерей не выбирают.

Синто говорит: «Жизнь это испытание. Будешь мягким сомнут. Будешь жестким сломают. Будь водой. Холодных утопишь. Горячих потушишь».

Быть водой это значит жить в гармонии с собой и миром. А если ты так и будешь паяльником в ящик, слушать всю эту лабуду, листать графоманскую чушь и сидеть часами в интернете, у тебя отберут все. Выпотрошат до последнего. И не просто деньги, карьеру и свободу, а именно все. Мозги. Достоинство. Честь. Совесть. Самоуважение...

А главное у тебя отберут Будущее. Потому что вот такое у тебя сейчас настоящее. И ты сидишь посреди своего настоящего расстроенный и злой. Вернее, озлобленный. На учителя. На врача. На соседа. На таксиста. На продавца. На коллег. На отца. На сына. На дочку. На прохожего. На собаку. На весь мир вокруг.

И взглядишь: ты тут не один такой.

Борись со своим невежеством. – С собственной темнотой. Я не могу предложить тебе другую страну. В наличии только эта. И если она не меняется, попробуй изменить к ней свое отношение. Это не значит, что тебе следует перестать ее любить, ведь матерей не выбирают.

Полны злобы и отчаяния улицы и подъезды, магазины и офисы, автобусы и остановки. Они заполнены такими же, как ты. У них фальшиво снаружи и паршиво внутри. Поэтому они гадят вовне. Заполняют нечистотами все вокруг. Грязь и мусор имеют множество разновидностей.

Я понимаю: в тебе нынче кипит обида. Какой позор, думаешь ты! Какой стыд! И какая досада, что я живу посреди этого недоразумения.

Ведь было же! Было! В девяносто первом. Несколько лет эйфории. Настоящей свободы. Повезло! Свалилась сама! Упала в руки! Нате! Вы же хотели? Берите! Вот вам! За все страдания. За все неудачи и ошибки в прошлом! За подвиги дедов! Свобода! Сколько хотите. Берите и стройте свое будущее!

Не надо быть статистом. От того, чем ты наполняешь свой мозг, зависит качество твоей жизни.

Нет. Страшно. Не привыкли. Лучше будку, поводок и намордник. Как обычно. И снова по кругу.

Увы. Так было всегда. И так было с толпой. Но ты ведь не толпа.

Ты знаешь, люди как никто другой поддаются дрессуре. Людей легко научить ходить строем. Им даже нравится быть в марширующей колонне, где все как один, в едином порыве... И кричать «урра!». И превозносить. И чтобы курс жизни совпадал с курсом партии. А потом эта партия будет играть с этим курсом, как будет выгодно ей.

Что же делать?

Повторяю. Не надо быть статистом. От того, чем ты наполняешь свой мозг, зависит качество твоей жизни.

Я понимаю: «во времена всеобщей лжи говорить правду это экстремизм». Тем более если все уже свыклись с этой ложью и на всех площадях страны одна и та же песня. Следовательно, эта ложь уже живет в коллективном сознании и выдает себя за правду. Но ты должен научиться различать. Пусть ты и в меньшинстве. Пусть даже в единственном числе. Но редко, когда правда толпы совпадала с правдой Личности. Потому что индивид, как правило, бунтарь. Однако твой внутренний бунт должен быть подкреплен прочной базой знаний и правдой выстраданных истин. Ты должен научиться инакомыслию, поскольку «инакомыслие это и есть высшая форма патриотизма» (Т. Джефферсон). Просто мы привыкли жить скопом, а в основе американского патриотизма лежит свободолюбивый индивидуализм. Это такая здравая форма эгоизма.

Мне многое не нравится в Америке, но тут я вынужден признать.

У Платона есть: «Наказанием за гражданскую пассивность является власть злодеев». Я бы внес сюда маленькую ремарку: государство не враг. Просто наше государство из за своего непроходимого невежества постепенно приняло форму коммунизма первобытного племени, где все жизненно важные вопросы единолично решает вождь. Примитивно? Да.

Зато работает. А посему суть государства неизменна. На этот счет есть у нас замечательная поговорка «Каскырдын аузы жесе де кан, жемесе де кан». Другими словами: волк во всем похож на собаку, но это приносит пользу только ему одному. Следовательно, государство, по большому счету, ничего тебе не должно. И вообще, никто никому ничего не должен. Забудь слово «должен». Выбрось его из своего лексикона. Иначе действительно увязнешь в долгах.

Что касается меня, то я не политик. Мне не нужна власть. Я вообще не люблю диктат в любых его проявлениях. И поэтому могу позволить себе такую роскошь, как говорить то, что я на самом деле думаю, а не то, что имею в виду. Кому-то может показаться, что я слишком тут умничаю. Читаю нотации. Ничего подобного. Я просто рассуждаю вслух. И я хочу, чтобы ты почувствовал себя свободным. А ощущение свободы дает только Настоящее образование. И Культура.

Возможно, я надоел всем своими призывами к просвещению. Но я ведь и не навязываю никому своего мнения. Я всего лишь пытаюсь своими словами пересказать то, о чем говорили мудрые. А они говорили: «Смотри вперед с надеждой. Назад с благодарностью. Вверх с верой. А по сторонам с любовью».

Февраль 2010 го.

«Ты должен научиться инакомыслию, поскольку «инакомыслие это и есть высшая форма патриотизма»

(Т. Джеферсон)

Кирпич первый

**ГОД
2010-й**

Уди Аллен

Друг вернулся из Праги. Жил там некоторое время. По приезде, по велению сердца, отдал сына в первый класс. Казахский.

На одном из уроков учительница принялась рассказывать детям о стране, об успехах в строительстве новой жизни, о долгожданной независимости, о победах демократии, словом, о нынешней нашей замечательной жизни, которая превратилась в чудо сказку. Через слово она упоминала о неоценимой роли Елбасы, о том, что во всех этих достижениях имя его стоит особняком. При этом учительница старалась быть понятной и избегала сложной риторики все-таки дети малые, надо на доступном языке. Поэтому она называла Елбасы просто Нурсултана. То есть дедушка Нурсултан, он же Главный волшебник.

Закончила она свой рассказ на мажорной ноте:

– Вот, дети. Благодаря вашему аташке мы так замечательно живем, и поэтому надо его любить и быть благодарным за все то, что он для нас всех делает.

И тут поднимает руку сынишка моего друга, семилетний оралман из Чехии.

– Апай, говорит, у меня вопрос.

Да, Мухтарик. Спрашивай.

Вот вы говорите, что Елбасы наш аташка. Но у меня уже есть свой аташка. Его зовут Каиргалиата. А наш Елбасы Нурсултан Назарбаев. Поэтому он мне не аташка, а всего лишь президент. Разве не так?

Учительница слегка оторопела, не найдя, что ответить. А тут и все остальные руки потянули.

И у меня есть свой аташка!

И у меня!

А у меня их даже два!

И начался шум. Ор. Крики. До слез дошло. Словом, урок свернулся.

После обеда, когда отец заехал в школу забрать сына, учительница обратилась к нему с укором:

Ваш сын сорвал сегодня урок.

Как? растерялся отец. Как может маленький мальчик сорвать урок?

Ну учительница ему и рассказала как.

Слава богу, отцу хватило ума не затевать скандал. Смысл? Он объяснил это «тлетворным влиянием Запада». Все-таки жизнь в Европе реально действует на мозги. Пусть даже это ребенок.

Если помните, в наше время добрым аташкой был дедушка Ленин. Дело и имя его должны были жить в веках, но просуществовали чуть больше семидесяти лет. Впрочем, и этого, как оказалось, достаточно. Хватило всем по горло. До сих пор отмываемся и все никак не отмоемся. У каждого второго тавро на лбу.

А вот еще был случай. Мне его Асеке (Асанали Ашимов народный артист СССР) рассказал. Я смеялся. Поначалу даже не поверил, но он убедил.

Ну вот, значит.

Время от времени Асеке приглашают в разные места народ его любит. И уважает. Тем более есть за что.

В этот раз его позвали на родину в Южно Казахстанскую область. В Туркестан. Там ему всегда рады, на руках носят, облизывают...

Ну, понятное дело, бешбармаки, куырдаки, встречи в больших и малых аудиториях, чапанокрытие и все такое прочее. Это мы умеем лучше всех.

Вволю нагостевавшись, Асеке отправился обратно. На машине. С ним его старый друг детства, вместе школу заканчивали знаменитый театральный критик Ащирбек Сыгай. За рулем

Серик, здоровый такой малый, «тридцать два в отрезе», как сказал бы мой незабвенный мастер Валер Семеныч Фрид. (Так эки называли в тайге самые большие бревна)

Едут.

Ну, голова, естественно, трещит, в животе легкий переполох, во рту ощущение, будто там ночевала семья ежей. Хочется в тенечек и полежать на корпешках. И «умереть» на пару часов. Хотя бы. И чтобы тишина. Желательно кладбищенская...

И Аллах услышал! Послал приличную такую, умело оборудованную остановку у трассы. С кафешкой, кумысом, беседками, родничок журчит, орел гипсовый над ним нависает. Не Микеланджело, конечно, но определенный уют создает.

Гастролеры загнали машину на парковку, а сами отправились в тенек, туда, где беседки, зеленый чай и арбузы. По жаре это самое то. И только расположились, только сели подъезжают два здоровенных пыльных автобуса. И из них с шумом гамом высыпают детки разных возрастов. И все, как только увидели Асеке, побежали к нему. Облепили:

Агай! А можно с вами сфотографироваться?

И давай с ним селфиться. Сами, по всей видимости, не очень понимают, кто такой. Да это и не важно. Лицо засвеченное, значит, знаменитость какая-то. Звездень.

Асеке терпел, терпел, а потом и говорит:

Зря вы ко мне пристали. Лучше идите вон к тому дядьке. Видите? и показывает на Аширбека, который благоразумно ретировался и устроился в другой беседке и потихоньку арбуз трескал в одиночестве.

Детки:

А кто это?

Как кто? спокойно отвечает Асеке. Это же Мухтар Ауэзов.

Урра! закричали детки и побежали к «Ауэзову». Мухтарагай! Мухтарагай! А можно с вами сфотографироваться?

Аширбек от неожиданности чуть арбузом не подавился. Так и застыл с открытым ртом. Но было уже поздно. С ним уже вовсю селфились.

Но Ащеке Сыгай тоже не пропал. Все знают, что он никогда за словом в карман не лез. Посидел он для приличия с минутку, а потом и говорит:

Зря вы на меня время тратите, ребятки. Вон целый Тохтар Аубакиров стоит. Первый казахский космонавт! и на водителя Серика показывает.

Детки к Серику:

Ура! Первый космонавт! Первый космонавт! Агай, можно с вами сфотографироваться?

А Серику все равно делать нечего. Да и не привык он к такому вниманию. Обрадовался даже.

Конечно, дети! Давайте! И принял удар на себя с превеликим удовольствием.

А Аширбеку любопытно стало: что это за школа такая, откуда детки? Подозвал к себе молодую учительницу, что металась вместе со всеми от одного к другому и фоталась сама не своя от счастья.

Жизнь сама порождает анекдоты. Девятнадцать лет благодатного упадка привели к тому, что наша действительность становится частью народного фольклора. А что остается? Остается улыбаться и смотреть на свои беды сквозь призму смеха. Но это нехороший смех. Неприятный.

Скажи, айналайын, а кто эти школьники?

Это второй курс Жетысайского колледжа культуры, отвечает счастливая поклонница знаменитостей. А я руководительница ихняя.

Хотел было Аширбек выразить ей свое «фе», да некогда было. На поезд опаздывали, в Шымкент. Подождали они с Асеке, пока «первый космонавт» нафотается с учащимися культурного колледжа, ну и отправились дальше.

Прибыли на вокзал поезд уже на путях стоит, пытит. Побежали по перрону, и тут апашка какая-то, что пирожками торгует, навстречу:

Эй, Асанали! Чего ты как на пожар? Возьми вот пирожки, по дороге съешь!

Да я не люблю пирожки, отвечает на ходу Асеке. Вон сзади Мухтар Ауэзов бежит. Вот он от них просто без ума.

Бабушка глянула, куда Асеке показывает. А там Ащирбек с арбузом ковыляет чертыхается.

Ты что?! заругалась она на Асеке. Какой же это Ауэзов? Это же Ащирбек Сыгай. А Мука, да будет ему земля пухом, ушел от нас еще в 1961 году! Разве ты не знал? Как не стыдно! А еще в городе живешь! В театре выступаешь!

Асеке засмеялся и полез к себе в вагон.

Вот такая история приключилась.

Жизнь сама порождает анекдоты. Девятнадцать лет благодатного упадка привели к тому, что наша действительность становится частью

народного фольклора. А что остается? Остается улыбаться и смотреть на свои беды сквозь призму смеха. Но это нехороший смех. Неприятный.

Вот мне недавно еще анекдот рассказали. Жизненный.

Настоящее образование это то, что оста лось после того, как ты забыл все выученное в школе.

Училка просит детей написать сочинение на тему «Что бы я сделал, если бы стал премьерминистром Казахстана?».

Ну детки подумали подумали и написали. То сделаю, это сделаю, там порешаю, тут. Все разное. Но главное в концовке. У всех сочинение заканчивалось одной и той же мыслью: «И хрен кто меня потом найдет!»

К чему я все это?

Каждый раз, когда я слышу о назначении нового министра образования или культуры, о реформах в школе, о небывалых успехах в той или иной сфере, я уже мало чего жду. Понятное дело слов больше не осталось. И не хочется уже ни про учебники позорные лишний раз говорить, про зарплаты нищенские учителей, про ЕНТ это долбаное, на которое детки идут, как наши отцы шли в штыковую...

Какой умник вообще придумал это ЕНТ? Ну что это такое, в самом деле? Какие-то суровые дядьки и тетki с миноискателями на входе. Вопросы задают, потрошат, роются, ищут чего-то чисто вертухаи у ворот. Обстановочка, конечно: реальный шмон на зоне.

И как должен после этого чувствовать себя школьник?

Я понимаю аэропорт. И то, мера эта вынужденная, хоть и малопрятная. Но это же пока еще школа. Это же дети, а не эки, что вернулись с лесоповала и притащили с собой притыренные заточки.

Ну и какой после этого экзамен? Это же чистой воды профанация. Она в состоянии выявить разные таланты: умение извернуться, спрятать, способность обмануть систему, справиться с психологическим шоком. Все, что угодно. Но она не показывает главного научился человек мыслить или нет? Все эти вопросники с клеточками рассчитаны всего лишь на один день. Завтра они уже никому не понадобятся.

Настоящее образование это то, что осталось после того, как ты забыл все выученное в школе.

Я бы вообще предложил отменить экзамены. Пусть выпускник напишет на двух трех страницах, что он собирается делать дальше и почему.

И что он думает о школе, кстати? Какие итоги он может подвести, ведь он провел в ее стенах столько лет!

Все эти «баллы», вымученные, отражают однобокую картину. Пусть он покажет, что научился думать и грамотно излагать свои мысли. Пусть он продемонстрирует свой интеллект. Интеллект юного человека, который вступает во взрослую жизнь. По прочтении всех этих сочинений можно будет сделать много интересных выводов. И рекомендаций.

Надоело. Понятное дело, что образование наше это маленький островок в океане. И этот островок не может быть процветающим, когда его со всех сторон обступает гора разнородного мусора. Да и вообще, высказываться насчет уровня нашего образования все равно, что говорить о скверной погоде. Она существует, мало кого устраивает, но исправить ее никто не берется. Ясно одно школа знаний не дает. Она все больше превращается в формальность, нежели является реальным обучением. Просто надо чем-то занять детей. Пусть промаются одиннадцать лет, а там посмотрим. Хотя куда смотреть? Вузы нынче продолжение той же школы, правда, с другими тарифами и более мерзопакостной обстановкой. И что остается?

«За рубеж».

Но «за рубеж» не всякий потянет. Да если даже и потянет, куда потом этот ребенок, отравленный этим самым «за рубежом», приткнется? Даже с красивым иностранным дипломом. Приедет обратно в это же недоразумение? А в зарубежных вузах взятки давать не учат и разводить экзамены тоже. «За рубеж» живет по другим правилам. И про «всенародных аташек» там сказки не рассказывают.

Что в итоге? Замкнутый круг? А в современном мире не сырье и не ресурсы определяют могущество страны. Самое важное сегодня это наука и культура. О чем я все время и говорю.

Учителя твердят: «Надо найти себе место в жизни».

Кто ж спорит? Но надо, оказывается, еще найти такую жизнь, чтобы можно было найти себе там место.

Завтра все эти любители селфиться со знаменитостями пойдут рулить страной. Завтра кто-нибудь из них вполне может стать премьерминистром. Ну или просто министром, на худой конец...

Хотя почему завтра? Иные уже сегодня там сидят. И рулят. Больно смотреть.

Я вот что думаю: а что дальше? Есть ли дно у этой пропасти? Видимо, наша жизнь превратилась в нескончаемый такой полет. Сплошное падение. Стабильное состояние упадка. Как в кошмарном сне: летишь куда-то вниз, пока не проснешься в поту.

Бардак вообще устойчивее порядка. Поэтому количество бандерлогов на душу населения превзошло все мыслимые нормы. Они уже везде. Они уже в правительстве. Мы ушли от одной дикости и пришли в другую. Вернее, нас туда привели...

Мне хочется за что-нибудь зацепиться. За что-нибудь хорошее. Ну, допустим, за мысль, что не все невежды и прохвосты. Есть замечательная молодежь. Светлые, чистые, образованные. Но темноты больше. Несоизмеримо больше. В будущем это конфликт. Они не уживутся вместе. И не сработаются. Это факт.

А жизнь течет себе, течет. И не останавливается. Учителя твердят: «Надо найти себе место в жизни». Кто ж спорит? Но надо, оказывается, еще найти такую жизнь, чтобы можно было найти себе там место. В нашенской жизни место себе находят только те, кому этот абсурд кажется нормой. Они его, впрочем, и создали. Под себя. Остается или принимать эти правила, или валить «отсюдова» подальше. Что, собственно, и происходит. Я чувствую, как страна незримо ускользает все равно что песок сквозь пальцы. Я, видимо, скоро ослепну от блеска наших скорых перспектив. Мне их пихают в глаза и уши по 24 часа в сутки.

«В глубине сердца я не могу не признать, что мои дорогие соплеменники, за небольшим исключением, ничтожества». Это не я сказал. Это сказал Зигмунд Фрейд. И здесь я его понимаю.

«Когда стоишь спиной к солнцу, ты видишь только собственную тень». Это кто-то из умных сказал. И я привожу эти слова здесь не для того, чтобы сделать кому-то больно. Обидеть

там или поддеть. Нет. Просто я говорю об этом потому, чтобы потом не жалеть, что я все это видел и благоразумно промолчал.

Бардак вообще устойчивее порядка. Поэтому количество бандерлогов на душу населения превзошло все мыслимые нормы. Они уже везде. Они уже в правительстве. Мы ушли от одной дикости и пришли в другую. Вернее, нас туда привели...

Кирпич второй

Мать моя женщина

«Женщины творят историю, хотя история запоминает лишь имена мужчин».

Генрих Гейне

Георгий Петрович Федотов, русский историк и мыслитель, говоря о русской идее, однажды сказал, что методом русофобов был принцип «Если идею нельзя истребить, не убив вместе с ней историю, надо убить историю».

Мы свою историю знаем скверно. Фрагментами. Эпизодами. В основном «победительными». Вернее, у нашей истории слишком много вариаций. И этому есть объяснения. Их тоже, в свою очередь, немало. Но я не об этом сегодня. Я о нашей мифологии, поскольку она тоже в какой-то мере является частью общей истории и корни которой уходят в глубь веков.

Я помню какие-то отрывки из сказок, которые мне рассказывали в детстве ажешки, что жили по соседству (мама иногда оставляла меня им, когда уходила на работу). Помню то волшебное состояние, тот трепет, который охватывал меня, когда я слушал неторопливые рассказы о батырах, о жезтырнаках, о кубыжыках, о мыстан-кемпир, об албасты и прочей нечисти, о красавицах, томящихся в подземелье, и о гигантских птицах самруках, которые помогают храбрым джигитам спасти их из заточения...

Я тогда не знал, откуда берется эта красота. Я был лишь благодарным слушателем и не мог предполагать, что внутри меня происходит большая работа. Что культурный генокод, формулу которого знали мои великие предки, включается и отзывается каждый раз, как только начинается очередное повествование. И было этих рассказов и сказаний превеликое множество. И теперь они не дают мне сбиться с пути, заплутать в безмерном океане нынешнего информационного мусора. Они помогают мне отличать одно от другого, добро от зла, правду от лжи.

Позже, когда я научился читать сам, мама подсовывала мне книжки. Помню четырехтомник казахских народных сказок, эпосы, дастаны, мифы, легенды...

А совсем потом, когда я сам научился искать и находить, я прочел и услышал «наши» сюжеты у других народов.

Например.

Не все знают, что в мифологии тюрков есть история о Всемирном потопе и о праведнике Жайыке. ТенгриУлкен любил его и велел построить ковчег (кереп) и взять с собой «живых и дышащих, живущих на земле и птиц летающих». Потом сыновья Жайыкнаме Созунулу, Сарулу и Балыкши построили ковчег, на котором плыли по морю много дней и искали землю Казыгурт. И помог им в этом поиске голубь.

Или вот еще. У индейцев племени сиу есть легенда о том, как враги напали на их племя. Сожгли поселение и убили всех. Остался только маленький мальчик. Враги отрубили ему руки

и ноги, а самого бросили в болото. Вскоре на плач ребенка прибежала из лесу волчица. Она вскормила его своим молоком и спасла.

Эта история один в один повторяет легенду о происхождении рода ашина.

Как известно, братья Бумын и Истеми стояли у истоков создания Тюркского каганата в 552 году, еще задолго до появления арабов.

Так вот, «наша волчица» родила десять сыновей, от которых в свою очередь произошли еще пятьсот семей. В венах нынешних казахов течет их кровь.

А вот еще одна история.

Однажды Геракл искал своих коней и забрел на землю Гилея. Там его встретило некое существо: полу-женщина, полу-змея. Она сказала, что спрятала его коней и вернет, если он останется жить с ней. У бедного Геракла не было выбора, и он остался, и вскоре у них родились сыновья. Трое. Старшего называли Агафирсом, среднего Гелоном. А младшего Скифом. От него произошли все скифские цари (об этом пишет Геродот).

А что вы скажете об этом?... Жил когда-то на свете кочевник сак по имени СакьяМуни (Шакьямуни). Он был отшельником. Жил высоко в горах. Созерцал этот мир, пытался понять его суть. Позднее он получил имя Будда.

Приводя все эти индуистские, индейские, библейские и эллинские сюжеты, я хочу сказать, что фольклор кочевников вовсе не выбивается из общего контекста общечеловеческой культуры. Что люди всю жизнь пересказывали друг другу одни и те же сказки, потому что у всего человечества, по сути, духовный корень один. И имя ему мифология. И что мы казахи в этом смысле ничем не хуже и не лучше остальных. Это не качественное сравнение, это просто данность. Поэтому, наверное, фильм «Келин» принимался как свой и в Германии, и в Израиле, и в Италии, и в Канаде, и в Японии... Люди видели и узнавали в нем знаковые сюжеты, находили те ценности, которые высокопоставленные киноведы называют «гуманистическими кодами искусства».

По сути дела, люди в разных концах света издревле рассказывали друг другу один и тот же сюжет истории выживания человека в окружающем его враждебном мире. И главным условием этого выживания была и остается женщина.

В качестве иллюстрации приведу еще один красивый миф. Когда-то амазонки жили в своей амазонской стране по своим амазонским законам. Мужчины им были нужны в узких, если не сказать утилитарных, целях. Они захватывали их в плен, устраивая разбойные набеги на соседние племена. Все это продолжалось до тех пор, пока греки не решились прекратить это безобразие.

Война была недолгой. Армия амазонок в жаркой битве потерпела поражение. Тех, кто остался жив, погрузили на корабли и повезли в Грецию через Азовское море. По дороге случился шторм. Воспользовавшись суматохой, беспокойные пленницы перебили охрану, а бурные волны отнесли корабли к устью Дона. Там они, израненные и вконец измотанные, высадились, и первыми, кого они встретили на берегу, оказались косматые дикие скифы в звериных шкурах. Понятное дело, что они понравились друг другу с первого взгляда. Так появились на свет сарматы одно из многочисленных воинственных племен, населявших Великую степь. Было это 2500 лет тому назад.

Еще Табари писал: «У тюрков всего можно добиться через женщин», что перекликается со знаменитым французским шерше ля фам.

На протяжении долгого времени женщины наравне с мужчинами переносили все тяготы кочевой жизни. Археологические раскопки скифских курганов дали любопытные (с точки зрения антропологии) результаты. Кости женщин, так же как и мужчин, в области позвоночного столба были истерты таким образом, что свидетельствовало о постоянном пребывании в седле.

Это и немудрено. С двух-трех лет ребенка усаживали на лошадь, и так до последних дней человек проводил свою жизнь верхом. Отсюда и изображение кентавра-человека, слившегося с конем.

Зачастую в древних захоронениях центральное место отводилось женщине-жрице, которая занималась когда-то предсказаниями и являлась главной советницей вождя.

Конечно, по логике вещей пастушеское хозяйство предполагало патриархальные отношения. Тюрки в этом смысле не составляли исключения. У Никиты Бичурина есть такая запись: «По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках» (это он про традицию аменгерства говорит).

Все верно. Наследование жен имело несколько практических смыслов. Во-первых, в доме появлялась новая работница. А во-вторых, эта древняя традиция предусматривала охрану прав вдовы: ее не бросали на произвол судьбы, а дети не росли без отца. А посему о якобы приниженном положении женщины в тюркском обществе говорить не приходится. Статус женщины был весьма высок. Еще Табари писал: «У тюрков всего можно добиться через женщин», что перекликается со знаменитым французским шерше ля фам.

Наши предки испытывали особенный пиетет в отношении прекрасного пола. Чего, к сожалению, не скажешь о современных нравах.

Но самый показательный, на мой взгляд, обычай существовал в эпоху Тан. Я более чем уверен, что он имеет амазонские корни.

.. Тюркские нимфетки имели обыкновение заключать между собой эдакий братский союз, который основывался на сходстве характеров, общих вкусах и пристрастиях. В этом союзе было не меньше девяти девушек. Они называли друг друга братьями, а если какой юноша женился на одной из них, то получал женское имя. И все члены женского братства могли являться в дом новобрачных с целью «отведать невесту», то есть мужа. Молодая не ревновала, ее прочно защищал обычай, который существовал в VI-VIII вв. К сожалению, после монгольского нашествия все эти интересные традиции забылись.

Позднее, уже в исламское время, в Степи на женщину не стали надевать чадру, как это произошло в других мусульманских государствах. Тем не менее в Коране есть аят, который пришелся степнякам по душе. Вкратце он звучит так: «Матери, матери, матери, а потом отцу». Трижды сын (или дочь) обязан в этой жизни своей матери и лишь единожды отцу. Священный канон органично вписался в морально нравственный контекст кочевых народов Средней Азии.

Дошел он и до наших дней. Поэтому не случайно, что мы, казахи, называем свой язык ана тіні, т. е. язык матери. Это первое, что слышит ребенок, находясь еще в материнской утробе. Символически и буквально он связан с ней неразрывной жизненной нитью. А самое дорогое у народа это его язык и его память. Генетический код. Его мифология. Святость, целомудрие у казахов ассоциируются с образом матери, а потому женское начало в Степи начало всех начал. Так было всегда.

Наши предки испытывали особенный пиетет в отношении прекрасного пола. Чего, к сожалению, не скажешь о современных нравах.

Кирпич третий

Битва чужих интеллектов

«У моих детей, конечно, будет компьютер. Но первым делом они получат книги».
Билл Гейтс

В начале лета прошлого года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел интересные исследования. Их результаты таковы: 35 процентов россиян НЕ ЧИТАЮТ КНИГ ВООБЩЕ!

Мне думается, что наши цифры не сильно отличаются от российских. А ведь Казахстан, если верить речам рулевых, взял путь на инновационное развитие. Но о каких инновациях может идти речь, если народ не читает? Получается, за все годы независимости мы воспитали страну малограмотных, но технически оснащенных невежд.

Медведей тоже учат ездить на велосипеде. Но, заметьте, они ездят в цирке по замкнутому кругу.

Но о каких инновациях может идти речь, если народ не читает. Получается, за все годы независимости мы воспитали страну малограмотных, но технически оснащенных невежд.

Мир вообще переживает глубокий кризис в сфере культуры. Проблема в скорости и густоте коммуникаций. В необозримом потоке информации, где исчезают подробности и нюансы. Размываются оттенки. Мир стремится к универсализации и тонет в рационалистической пошлости.

Так что в этом смысле мы не одни. Да и той крупной литературы, какая существовала раньше, сегодня нет. Потому что умы сегодня не нужны. Нужны ощущения.

Вокруг происходит то, что отбивает интерес к чтению. Темпы развития техники опережают ее освоение. Мы не успеваем всё это осмыслить и разумно в такой технической среде жить. Мировой прогресс, как это ни парадоксально, отбросил нас назад. Как страна, мы и прежде не особо поучаствовали в толкотне тяжеловесов. Теперь же с ускорением технической мысли мы превратились в сторонних наблюдателей битвы чужих интеллектов.

Мировой прогресс, как это ни парадоксально, отбросил нас назад. Как страна, мы — и прежде не особо участвовали в толкотне тяжеловесов.

Теперь же с ускорением технической мысли мы превратились в сторонних наблюдателей битвы чужих — интеллектов.

И теперь мы уже не лаборатория дружбы народов и не тюрьма, мы не зона и не база. Мы рынок сбыта, покупательская масса. Наше движение поступательно обратилось вспять. Большие государства давно корпят над другими проблемами, а мы все еще никак не разберемся с национальной исключительностью и вопросами изучения родного языка.

Сама постановка и суть горячо обсуждаемых нами вопросов морально устарели. Многим в современном мире наши проблемы кажутся смешными. Их умы заняты другим, а мы все еще спорим: какой бог лучше тенгрианский или исламский? Кто наш предок Чингисхан или Аттила? Чей род древнее и чей батыр мощнее? Кто из казахов настоящий, а кто с примесью?

И мало кто понимает, что все эти навязшие в зубах вопросы по сути своей тормозят, а не развивают. Они вносят еще больший раскол в не самые тесные ряды любителей поговорить о судьбах Отечества.

Задача встать вровень с другими странами в нашем нынешнем положении утопия, потому что в корне многих наших мнимых достижений живет обычное фрондерство. Желание утереть нос соседу, закатив свадьбу на пятьсот гостей больше. Казалось бы, глупость несусветная. Но она работает. И, скорее всего, будет работать еще долго. А значит, мы так и останемся массовой в общечеловеческом контексте.

Потому что над нами довлеет невыносимая узость мышления, которую мы ошибочно выдаем за национальный колорит. И мы даже не понимаем, что войну за будущее мы проиграли. Смертоносное оружие не ракеты с ядерными боеголовками, а сотовые телефоны с расширенными опциями, не самозарядные автоматы, а компьютеры с навороченными программами, не скоростные танки, а народный автомобиль «тойота». Почему? А потому что все это придумали не мы.

Между тем Господь был к нам милостив. Он подарил нам не только нефть, но и много другого добра. Но мы не смогли всем этим правильно воспользоваться и накормить 17 миллионов. Мы закармлили небольшую горстку избранных. Касту неприкасаемых. Здесь мы обошли в заочном соревновании Нигерию. Тоже нефтяная держава, но примерно 70 процентов населения живут за чертой бедности. И тоже упиваются своей независимостью.

Конечно, дело не только в том, что люди перестали читать. Плохо, что люди перестали учиться. Перестали постигать. Люди обленились настолько, что обычное человеческое общение свелось к перепискам в сетях. И речь сегодня не столько о чтении, сколько об отношении к культуре в целом. Но мы и культуру подчинили коммерции. Мы забыли, что деньги есть не цель существования общества, а всего лишь средство достижения целей.

Есть армии, которые рубятся за Идею. И есть наемники, которые с равным усердием будут рубить и своих, и чужих. Но это разные армии!

И мы даже не понимаем, что войну за будущее мы проиграли. Смертоносное оружие не ракеты с ядерными боеголовками, а сотовые телефоны с расширенными опциями, не самозарядные автоматы, а компьютеры с навороченными программами, не скоростные танки, а народный автомобиль «тойота». Почему? А потому что все это придумали не мы.

И когда я говорю о книге, о честном образовании, о серьезном искусстве, я говорю о качестве населения. Оно будет быдлом, если относиться к нему как к быдлу, подсовывая обернутую в шелестящий фантик пустышку. И оно будет народом в высоком понимании этого слова, если относиться к нему как к сообществу людей. И само это сообщество будет способно сформировать то к себе отношение, какое заслуживает. А для этого надо, чтобы люди вернулись к книге. Чтобы люди вернулись к музыке. К театру и кино. Для этого в стране должна сложиться соответствующая обстановка.

Он смотрит на мир такими глазами, что даже на кладбищах вместо крестов видит одни только плюсы.

А что сейчас определяет образование и культуру? Телевидение.

Нынче это антиобщественная организация, обслуживающая клановые интересы. Тот же «Хабар», к примеру. Он смотрит на мир такими глазами, что даже на кладбищах вместо крестов видит одни только плюсы. КТК наоборот: питается мусором, который собирает по всему миру, особенно усердствуя на помойках.

Современное телевидение занимается разложением сознания. Главный герой ТВ террорист, вор, насильник и убийца. Телевидение сейчас это монолог. Цель этого монолога напугать и развлечь. Таким образом, телевидение крадет время и отбивает интерес к чтению. На пару с интернетом оно формирует неадекватное мировосприятие. Книга не может противостоять социальным сетям, огромному количеству телеканалов и пультудистанционнику. Книга скромнее.

Есть такой термин «заппинг». Его придумали для тех, кто не может усидеть на одном канале более трех секунд. Таких зомбированных прыгунов набирается примерно 47 процентов от всех смотрящих. При постоянных скачках с канала на канал составляется картинка из фрагментов. Человек в уме монтирует свою передачу из разнородного видео. Плюс здесь же реклама, сериалы, в которых одна история рубится на сотни кусков, и ее можно смотреть с любого места.

В последние годы наметилась тенденция: школьники теряют способность следить за сюжетом. Они не могут внятно пересказать прочитанный текст элементарный, не говоря уже о таких сложных вещах, как «Путь Абая» Ауэзова или «Кочевники» Есенберлина.

С введением в стране цифрового телевидения (и, как следствие, с увеличением количества каналов) такая тенденция будет только нарастать.

На противоположном конце цепи этих логических построений имеются другие примеры.

Когда Британская империя распалась, в английские вузы стали приглашать выходцев из колоний. Наиболее перспективных, кто в дальнейшем мог бы стать управленцем этих стран. Цель была проста: воссоздать целостность англоязычного мира. И инструментами в этом деле стали образование и культура.

Во Франции существует Министерство франкофонии. Занимается исключительно продвижением французской культурной политики в мире. В Англии Британский совет является неправительственной организацией, но занимается распространением глобального британского влияния.

У американцев есть Голливуд, и он молотит круче любых профильных организаций. Это такой широкоформатный каток, который ровняет с американским плинтусом все, что попадает ему на пути.

Ну ладно. Бог с ними, с американцами. Давайте лучше о тех, кто нам ближе об азиатах. Кто из них круче всех? Японцы, наверное.

Что главное в японской культуре? Опять же способность делать чужое своим и доводить его до совершенства. Тому есть множество подтверждений. Например, самые ранние письменные источники, касающиеся древнейшего периода Японии, являются китайскими.

Что еще отличает японцев?

Практицизм, своеобразное чувство юмора, изысканность и чувствительность, почитание традиций и соблюдение чести семьи, учтивость и вежливость, склонность к самоанализу, самоконтроль и зависимость от благожелательности других (по японски «амаэ»), умение восторгаться красотой, любовь к природе, подчинение личных интересов общественным, преданность властям и патриотизм.

Между прочим, первые японские источники, содержащие материалы о японской истории, появились лишь в VIII в. н. э. Ими стали известные хроники «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) и «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.).

Вывод: не надо бояться чужих культур. Надо считаться с ними, осваивать, но больше отстаивать Свое. Но как держаться за свое, когда вокруг все чужое? Вопросы культуры сегодня тесно переплетаются с вопросами политики и национальной безопасности. В современном мире не природные ресурсы, а наука и искусство определяют будущее страны.

Ждать нельзя, хоть и говорят, что мудрость приходит с возрастом. Иногда случается так, что возраст приходит один (М. Жванецкий).

Нам всего лишь девять лет. Но в этой гонке интересов мы смотримся беспомощными жалкими стариками.

Кирпич четвёртый

О морали

«Разумное и нравственное всегда совпадают».

Л.Н. Толстой

Был недавно в Германии. Вез свою «Келин». Это была двадцатая страна, в которую пригласили фильм. И в Чехии ее смотрели, и в Канаде, и во Франции, и в Италии, и в Израиле, и в Японии... Где-то ее критиковали, где-то хвалили. Запомнились слова Катрин Денев. После просмотра она сказала, что бывала в Казахстане и что «эта страна многое может рассказать миру из того, что затем обязательно войдет в сокровищницу человеческого духа». Запомнилась публикация Джея Кокса, киноведа журнала «Тайм». Он написал: «Келин» это вещь в себе. Она обманчиво проста. И, несмотря на нашу уверенность в том, что мы знаем, что такое кино или чем кино может быть, художники всегда могут изменить уже сложившееся определение». Пожалуй, стоит привести отрывок из The Hollywood reporter: «Возможно, нам не дано до конца понять этих загадочных наследников кочевых цивилизаций. Их экспрессию, их невероятную энергетику, которая преломляется в столь ошеломительный эмоциональный ряд. Понять и принять их образ мышления. И нужно еще отметить, что эта картина «не молчит». Ни в коем случае. Она «говорит». Говорит обо всем том, о чем мы, живущие здесь на Западе инфантильные в большинстве своем люди, давно перестали думать. А возможно, и не думали вообще. Эта удивительная картина говорит о простых, казалось бы, вещах: о матери, о женщине, о святости семейного очага. О самопожертвовании. О выживании. Как показывает практика, такие фильмы переживают само время».

Читать такое, конечно, приятно. И малость неудобно. Но уж тут никуда не денешься. Таков формат моей жизни. Вынужден жить в публичном поле, а там и мед, и уксус.

Так вот, насчет уксуса.

Звонят мне из АлмаАты и спрашивают, что я думаю насчет пресс-конференции, которую провели какие-то люди по поводу «Келин». Отругали ее в очередной раз ну и заодно призвали общественность как то повлиять на режиссера. Признаться, я давно привык к нелицеприятным высказываниям в свой адрес у себя дома, но так, чтобы целую прессконференцию посвятили...

И забыл про это. А тут вдруг на днях приносят мне газету «Ана тілі», где некие агрессивно настроенные люди, представляющие молодежные организации, вполне официально обращаются в Алматинскую городскую прокуратуру, Комиссию по правам человека РК, Министерство иностранных дел, в парламент. Суть их требований: «Фильм «Келин» наносит вред имиджу Казахстана, он аморален, и поэтому нельзя этот фильм представлять на «Оскар» от имени страны».

Ну что ж. Наверное, в тридцатых годах цены бы не было этим ребятам. С другой стороны, наверное, повезло мне со временем. В тех же тридцатых меня бы уже трижды расстреляли.

А если серьезно, то, знаете, иногда юмора уже не хватает. Не такие уж это безобидные вещи. Одно дело, когда ругают «профессиональные патриоты», на чью святую мораль я посмел замахнуться. А тут молодежь. Которые считают, что я наношу вред. Теперь они требуют «запретить!», «отозвать!», «наказать!».

Что тут скажешь?

Всю жизнь меня гнобили «радетели народа». В чем только меня ни обвиняли: и в предательстве, и в том, что я перевираю историю своего народа, что не помещаюсь в их понятийную линейку, в порнографии, что я вообще аморальный тип.

А что есть мораль в таком случае?

Я думаю, морально ли, когда умение нажить состояние на отчаянии целого народа оценивается как добродетель и талант? Морально ли, когда 90 процентов нашей прессы и ТВ принадлежат различным кланам и группировкам? Они показывают и пишут то, что им велено показывать и писать. Морально ли, когда огромная наша страна, за которую так болеют эти молодые люди, разделена на сферы влияния и поделена между единицами? Морально ли, когда страна на весь мир объявляет себя демократической, а парламент по сути является однопартийным? Морально ли, что у нас не осталось подлинной интеллигенции, а та, назначенная, что есть, поет по заказным партитурам и ест с высочайшей руки? Морально ли, когда успешные детки отдают в дома престарелых своих стариков, а скудоумие и продажность ассоциируются с чиновничьим сословием самого высокого ранга? Морально ли, когда даже похороны превратились в элемент показухи и престижа?.

Много чего еще я думаю. И я не знаю, кто стоит за этими молодыми патриотами. Если это их личная инициатива, то это не сильно меня расстраивает. Они еще вырастут. Перебесятся. Я надеюсь.

Еще я думаю, что лучше не стоит у нас заводить разговоры о морали, а то сразу возникают неудобные вопросы. И, наверное, заблуждаются те, кто считает, что других проблем, кроме морального облика гражданина Турсунова, в этой стране больше не осталось. Все остальные проблемы уже решены.

Что еще я думаю?

Да ничего я уже не думаю. Я просто улыбаюсь.

Я думаю, морально ли, когда умение нажить состояние на отчаянии целого народа оценивается как добродетель и талант? Морально ли, когда 90 процентов нашей прессы и ТВ принадлежат различным кланам и группировкам? Они показывают и пишут то, что им велено показывать и писать. Морально ли, когда огромная наша страна, за которую так болеют эти молодые люди, разделена на сферы влияния и поделена между единицами?

Кирпич пятый

Ценность личности определяется калькулятором

«Самое сильное чувство разочарование. Не обида, не ревность и даже не ненависть... После них остается хоть что то в душе, после разочарования пустота».

Эрих Мария Ремарк

Шариковы вырвались на волю и заполонили собой всё: парки, площади, школы, вузы, магазины, больницы, сцены, сенат, парламент...

Шариковы успели дать потомство. Те, в свою очередь, завели себе вожakov. Поделили сферы влияния. Их объединяют стадные интересы, они разговаривают на своем сленге и живут в своем понятийном контексте. У них общие радости и горести, свои маскарады и карнавалы. Они легко поддаются дрессуре: достаточно слегка ослабить ошейник и бросить кость пожирнее. Их можно выводить гулять на длинном поводке, и они не будут бросаться на прохожих, надо только заранее покормить и причесать. Их примитивные желания вполне предсказуемы. Если на время закрыть глаза на их шалости, то с ними вполне можно ладить. Самое главное их надо развлечь. Это несложно. Для этого существует магический ящик, где крутятся их любимые шоу и сериалы о придуманной жизни, где герои смеются «гургурным» смехом и обливаются глицериновыми слезами.

Есть множество и других нехитрых способов. Главное выключить мозг. Заставить их только желать. Для этого достаточно составить несложную комбинацию из наслаждений и развлечений. Все остальное никчемное грузило.

В итоге результат превзошел все ожидания: моя земля живет нынче по блатным законам, за которыми мрачно проступают контуры ее мутного будущего.

Почему так?

Колониальное сознание не могло измениться в раз. Шура Балаганов не смог удержаться стибрилтаки кошелек в трамвае. Это не красит Шуру, но многое в нем объясняет. Мы так долго жили впроголодь, что кинулись набивать брюхо про запас. Об остальном думалось не так усердно. Осознать свободу не успели. В итоге нам удалось опровергнуть один из основных законов мироздания: при фактическом единстве в пространстве у нас не случилось единства во времени. Внутри собственно Казахстанского общества мы до сих пор умудряемся жить в нескольких временных параллелях: кто-то застрял в лубочной древности, другой затаился, припрятав партбилет под подушкой, кто-то успешно суетится в акординских приемных, кто-то жирует в мутной воде, а молодежь завязла в соц сетях.

Наша разобщенность логически проистекает из всей нашей предыстории. Чтобы ее разглядеть, не нужен микроскоп. Нужна беспристрастность и беспощадная честность. Тем более что сегодняшняя наша реальность имеет исключительный дар убеждения.

Мы так долго жили впроголодь, что кинулись набивать брюхо про запас. Об остальном думалось не так усердно. Осознать свободу не успели. В итоге нам удалось

опровергнуть один из основных законов мироздания: при фактическом единстве в пространстве у нас не случилось единства во времени.

Замечено: великие почему-то часто высказываются о своих земляках в довольно резких тонах. Наверное, они видят все по другому. Под другим углом. И принимают острее через боль.

Вот у Пушкина есть: «...Презираю отечество свое с головы до ног». Оскар Уайльд: «Англия родина лицемеров». Фрейд в письме другу: «Не могу не признать, что мои дорогие соплеменники, за небольшим исключением, ничтожества». Джойс в письме жене: «Мне отвратительны Ирландия и ирландцы». А что говорил Абай о земляках.

Я не обладаю видением великих и вижу то, что видят все. Причем не особо напрягая зрение. Просто хотелось бы поразмышлять об этом вслух.

Как и все мы, я живу в атмосфере бахвальства и самодовольства, натужного смеха и подлинного горя, продажности и фарисейства. Я вижу, как мы стали жить в согласии с очевидно безнравственными вещами. Мои дорогие соотечественники, уверовав в культ денег, стали в некотором смысле идолопоклонниками. И если они уже окончательно поверили в то, что деньги могут сделать всё, следовательно, они теперь и сами могут сделать всё за деньги.

Показательно, что нас не интересует результат. Нас больше заботит наша правота. А поскольку у каждого из нас своя правда, то шансов на единение, опять же, нет. И мы носимся каждый со своей правдой.

Собственно, и жизнь наша превратилась в товар. Мы готовы пойти на любые сделки, лишь бы наши котировки на рынке повышались с каждым преодоленным шагом. Мы так и говорим: такой-то весит лим (\$1 млн), а такой-то ярд (\$1 млрд)... Критерием личности стали вполне конкретные вещи. Человек стал измеряться в цифрах. Ценность личности нынче определяется калькулятором.

Метафора эпохи: взятка приобрела созидательное значение. Развернут занимательный карнавал, в котором кондиционеры борются со взяточниками, крупные воры разоблачают мелких. Или незадачливых. Такая, знаете, возня нанайских мальчиков. Драка бульдогов под ковром. «Коммунисты в законе» бьются с окрепшими хозяевами новой жизни. Со стороны это выглядит забавно. Мы смеемся. С наших лиц не сходят улыбки. Попутно мы устраиваем споры вокруг очередной подброшенной темы: получится ли у нас пробиться в пятьдесят самых развитых или нет? Показательно, что нас не интересует результат. Нас больше заботит наша правота. А поскольку у каждого из нас своя правда, то шансов на единение, опять же, нет. И мы носимся каждый со своей правдой. Мы готовы пожертвовать своим счастьем ради своей правоты. В результате линия жизни непродуктивна. Она не работает. Наверное, поэтому у нас так любят затевать реформы: так легче скрыть неумение править.

Что делать, они не боятся своего народа. Не уважают. А должны бояться. Значит, это уже не тот народ, которого следовало бы бояться. И уважать. Поэтому они научились говорить лишь некоторую часть правды. А это самый изощренный вид лжи. В данном случае так называемому народу стоило бы помнить: чем глубже мы прячем свои головы в песок, тем беззащитнее выглядят наши задницы.

И что теперь? Я про общую картину.

Чудовищная статистика случаев суицида среди подростков, заброшенные аулы и малые города, прообразы Чайнатаунов в микрорайоновских многоэтажках, никудышная судебная система, силовики с моралью уголовников, непреодолимый статус сырьевого придатка, кумовство, трайбализм, кабальные нефтяные контракты, 120 миллиардов долларов внешнего долга и народ, посаженный на кредиты...

А могло ли сложиться иначе?

Честно говоря, вряд ли. Потому что это противоречит логике. Потому что.

– Первый театр появился в Афинах в 497 году до н. э.

– Дао дэ Цзин был написан еще в III веке до н. э.

- Леонардо умер в 1519 м в Италии, а не у нас.
 - Колумб перепутал Индию с новой землей.
 - Сырыма отравили, а Кенесары предали. Свои.
- И, в конце концов, альФараби ушел пешком в Дамаск.

Плюс ко всему семьдесят четыре года в большевистском гетто. А до этого, если быть точным, с 1731 года подданные Российской империи. Боролись с царским режимом бесстрашно и отчаянно, но разрозненно и стихийно. До царских порядков была невнятная автономия в виде отдельных княжеств с уездными князьками. У каждого свой царь. И не надо придумывать небылицы тогда тоже не было единства. Была общность. Временные союзы перед лицом общей опасности. Не было и не могло быть государства в его классическом смысле. Были, возникали и гибли могущественные племена, целые империи, но это было так давно. И всегда была обширная малоосвоенная территория, которая исстари использовалась как транзитный коридор, соединявший Европу с Китаем. Так уж сложилось, и не о чем тут спорить. Но еще Вольтер говорил: «Кто хорошо служит своей родине, тот не нуждается в предках».

Чем глубже мы прячем свои головы в песок, тем беззащитнее выглядят наши задницы.

Кирпич шестой

Время идет, а мы в нем стоим

«Падает тот, кто бежит. Тот, кто ползет, не падает».

Плиний Старший

Не помню точно момент, когда это произошло. С какого времени началось массовое и неуклонное вытеснение всего подлинного из нашей жизни. Когда наши детки запели их головами и начали танцевать их танцы. Когда мы стали повторять за ними все: от манеры одеваться до манеры преподносить себя. Наша действительность стала напоминать плохую копию сомнительного оригинала. Не осталось почти ничего настоящего. У каждого явления появился свой компилированный вариант. У литературы. У театра. У кино. Псевдо-книги, псевдо-спектакли, псевдо-фильмы. Как-то незаметно всему нашлась замена: подобие образования, подобие здравоохранения, подобие демократии... Суевливая беспорядочная возня в итоге породила подобие жизни.

Всей этой грандиозной фальсификации придумали название транзитный период. То есть мы еще в пути. При этом не совсем ясно, куда идем. Совсем не факт, что в верном направлении. Есть подозрение, что наши поводыри не знают дороги, поэтому часто сверяются с чужими картами.

Из прошлого нам досталось в наследство возвеличенное самолюбие, не подкрепленное ничем значительным ныне.

Честно говоря, я был бы рад, если бы все эти трансформации, вся эта ономастическая чехарда со сменой имен, прозвищ, названий и обозначений были вызваны к жизни лишь моей персональной болезненной рефлексией. Но ведь достаточно выйти на улицу, и через пару шагов я наткнулся на ларек мусоросборник, завешанный по кругу газетно-журнальной макулатурой. Магазины забиты товаром, привезенным в большинстве своем «оттуда». Все люди с головы до ног одеты во все «ихнее». Вдоль улиц висят рекламные щиты, с которых на меня смотрят красавицы с ничего не обещающими улыбками и рекламируют их продукцию: мебель, дома, машины, шмотки.

Мы живем в мире вещей, созданных чужими руками. В атмосфере чужих достижений и открытий. Увлечшись подражательством и копированием, мы потеряли собственное лицо. Утратили мироощущение великого воина и философа, творца и труженика, поэта и мудреца. А если говорить другими словами, то колонизация приобрела более цивилизованные формы.

Да что там шмотки! Недавно ко мне на кастинг привели двух девочек близняшек. Очаровательные первоклашки, чем-то смахивающие на Макпал Жунусову в детстве. На вопрос: «Как зовут?» младшая ответила: «Анжелика», а та, что на три минуты старше, Альбина. Подумалось: ну вот, даже имена у нас стали такие... со стразами.

А на днях друзья рассказали о молодой семейной паре, которая упорно держится за корни и первенца нарекла не заезженным именем Аттила. Бабушка зовет малыша на свой манер Ате-ленок. (Не спорю: наверное, это лучше, чем Орындык. Или Шайнек. Или Амсипаш.)

«Чему смеетесь?» обращался гоголевский городничий к своим.

И правда чему? (Ответ: Слово второе, Абай.)

Приходится признать: сейчас другие пассионарии. Они навязывают нам свои правила. И когда мы вспоминаем свои победы над джунгарами, на самом-то деле мы оплакиваем бывшее свое величие. В нас саднит утрата былых позиций.

Из прошлого нам досталось в наследство возвеличенное самолюбие, не подкрепленное ничем значительным ныне. Поэтому наши идеологи до сих пор празднуют Анракайскую битву.

Опять же почему так?

Наверное, потому, что всякое постижение требует усилий. С этим сложно. За нас все уже сделано. Мы живем в мире вещей, созданных чужими руками. В атмосфере чужих достижений и открытий. Увлечшись подражательством и копированием, мы потеряли собственное лицо. Утратили мироощущение великого воина и философа, творца и труженика, поэта и мудреца. А если говорить другими словами, то колонизация приобрела более цивилизованные формы.

Нет общенациональной политики есть отработки и имитации.

Нет истинных лидеров есть дежурные крикуны и площадные зазывалы.

Нет намоленного храма и есть дремучая паства.

Есть богатая земля и есть бедный темный – невежественный народ.

И, как назло, нет виноватых.

И вот мы принялись строить. Первым делом мы обустроили свои дома и квартиры. Такие же, как у них. Обставили мебелью. Как у них. Теперь мы строим свою столицу. Тоже красиво. Не Гонконг, конечно, но и не Целиноград уже. В ресторанах стали хорошо готовить, но, опять же, в меню половина блюд с иноземными названиями. И не хамят. И официантов мы перестали смущаться. И продавцов. И вахтеры попритихли. И как-то они помолодели все, эти вахтеры и охранники, стоянщики и парковщики. В их возрасте наши отцы воевали.

А эти сторожат. Выходит, они больше ни на что не способны. Они настолько темны и слабоумны, что годны только на то, чтобы караулить шлагбаум?

Если так будет продолжаться, то может наступить время, когда наши самоуверенные, но малограмотные внуки будут охранять здесь чужие конторы и офисы. Боюсь, что единственными плюсами в их коротеньких «сивишках» будут лишь положительные резус-факторы в анализах их жидкой крови...

Почему об этом надо думать сегодня?

Потому что есть некая точка, некий предел, за которым наступает апатия. Ипохондрия. Когда человек однажды понимает, что ничего изменить нельзя. И тогда им овладевает безразличие. Боюсь, что многие светлые головешки поникли, опустили руки. И все это на фоне набирающего силу провинциального балагана.

Конечно, мои размышлизмы далеки от реальных попыток что-либо исправить мгновенно. С системой ведь не борются. Систему возглавляют.

Надежд на нынешнюю оппозицию нет. Порой мне кажется, что наша оппозиция больше союзник, чем оппонент нынешней власти. У них своя договоренка и игра в поддавки. В этой «яростной борьбе» власть применяет словесный дихлофос. Судя по всему, действует и нейтрализует.

На кого тогда надеяться? Время же идет. Время, в котором стоим.

А что нам говорит это неумолимое время?

Нет постижения есть интернет. Он знает общие ответы на все общие вопросы.

Нет самобытности есть фейк.

Нет штучного есть вал.

Нет жизнелюбивых рефлексов есть агашки и их «разводы».
Нет объединяющей Идеи есть спекуляции на актуалитете.
Нет здорового самолюбия есть болезненная ущербность.
Нет реального движения есть наезженные движняки.
Нет общенациональной политики есть отработки и имитации.
Нет истинных лидеров есть дежурные крикуны и площадные зазывалы.
Нет намоленного храма и есть дремучая паства.
Есть богатая земля и есть бедный темный невежественный народ.
И, как назло, нет виноватых.

Сейчас мы пытаемся заново открыть себя. В то же время нас соблазняют достижениями Запада. Ну и Востока заодно. Как всегда недостигаемыми (если вообще их нужно «досесть»). Но нет ничего страшнее для самобытности этноса, чем духовная ассимиляция. Народы теряли языки, теряли имена и фамилии, даже собственную землю. Но самые живучие не теряли дух. Он должен оставаться жить, и когда-нибудь он обязательно вспомнит язык и воскресит духовную память. Это болезненный процесс. Ему свойственны ошибки и метания.

В конце двадцатого века мир залили религиозные течения различного толка. Они стали заполнять пустоты, что образовались в душах и сердцах. Появились святые отцы, возглавившие толпы новообращенных. С аятолловой страстностью люди пошли за ними, потому что больше не за кем было идти. Стали возводиться мечети, святителища и храмы. Потому что человеку нужно во что-то верить. Человек не может жить все время в неверии. Человеку необходимо прижизненное чистилище.

Недавно я искал для съемок в АлмаАте старую фактурную мечеть. Таковой нет. Они все новые. В граните и кафеле. И сидят там не белобородые старцы, а как-то все больше юнцы. Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что это опять же логично.

В такой ситуации умные правители не будут укреплять армию. Армия и полиция это последний довод. Это довод тех, кто уже проиграл битву за мозги и сердца граждан своей страны. Умные правители займутся образованием и культурой. Но, глядя на самый верх, я думаю: как же много там соратников с разбуженными инстинктами и уснувшей совестью.

Хотя есть, есть еще золотые люди, которые делают свое дело. Они есть везде. Я знаю, например, крутых бизнесменов, поднявшихся, как это ни удивительно, не на криминальных деньгах. Я знаю незамаранных ментов и совестливых чиновников, скромных начальников и грамотных подчиненных. Незаметные, честные пахари. Конечно, такие скорее исключение, чем правило. Потому что им тяжелее всех: находиться в системе и служить ей с глубоким противлением в душе. В основном же я вижу приспособленцев. Тех, кто не сеял, но пожинает. Высокопоставленных циников, спекулирующих на пустопорожних лозунгах, которые они сами же и выдумывают. Это такой неистребимый сорт внутренних предателей: неглупые, образованные, начитанные, смывленные. Когда-то они выносили врагам ключи от крепостей. Потом писали доносы на алаш ордынцев. Теперь сидят в президиумах и напряженно морщат лбы, не уставая восхвалять любой Его жест, готовые броситься за карандашом, если он вдруг соскользнет с Главного стола. Они же первыми и станут раскладывать костер, если вдруг затеется курс на разоблачение культа.

Рядом с Ним я вижу испытанных менеджеров государственного масштаба, сильных хозяйственников, бывалых силовиков, грамотных экономистов... Но на фоне всего этого нельзя не замечать и того факта, что в обществе не осталось духовных отцов. Столпов культуры. Носителей знания. Не осталось мостов, которые бы соединяли берега. У микрофона в большинстве своем льстецы и оплаченные словоблуды.

В такой ситуации умные правители не стали бы подкупать иуд и отщепенцев, впустую тратя на них казну. Не стали бы унижать аксакалов дорогими подарками, нивелируя их достоинство в глазах простолюдина. Умные правители не стали бы затыкать несогласных. Они бы

им дали возможность высказаться, чтобы люди сами решили с кем им идти. Умные правители не стали бы прилюдно баловать своих детей, дабы не вызывать у подданных ревности, которая перерастает затем в ненависть. Тем более что дети давно уже выросли и по усвоенной привычке балуют нынче своих.

Умные правители не стали бы устраивать красочные фейерверки, придумывая праздники, и заставлять там музыкантов играть громче для оглохших от шума. И, прежде чем думать, как повысить в стране рождаемость, умные правители задумались бы о том, как понизить вырождаемость.

Общая доля молодого поколения от 1 до 29 лет составляет примерно 50 процентов от общего населения. Каждый 113й гражданин Казахстана ребенок инвалид. 36 777 детей сироты. Прожиточный минимум детей инвалидов 17 119 тенге в месяц.

И еще я думаю: а кто придет потом?

Умные правители не стали бы устраивать красочные фейерверки, придумывая праздники, и заставлять там музыкантов играть громче для оглохших от шума. И, прежде чем думать, как повысить в стране рождаемость, умные правители задумались бы о том, как понизить вырождаемость.

Год 2011-й

Кирпич седьмой

Над пропастью во лжи

«1 декабря. Ученые Института геологических наук им. Сатпаева открыли новый минерал и назвали его нурназен, посвятив 20летию независимости Казахстана, сообщает Zakon.kz со ссылкой на пресс службу Министерства образования и науки.

Минерал был представлен среди 20 введенных в производство и готовых к внедрению научных разработок в рамках форума ученых, который проходит сегодня в Алматы с участием президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Главная тема форума обсуждение достигнутых за годы независимости свершений в научной сфере и горизонтов дальнейшего развития».

«Сейчас Казахстан подает заявку в комиссию по новым минералам и их наименованиям при Международном минералогическом обществе», сообщили в Министерстве образования и науки республики...»

Я не стал дочитывать... Скучно стало уже на втором абзаце. Попытался вспомнить: в какой жизни это было? Когда я в последний раз слышал этот нестройный хор? Вроде бы не так уж и давно. Происходило это так.

За трибуной сидели хмурые дядьки прискорбного возраста. Затем в зал врывались «пионэры» с горнами и барабанами. Высокими умильными голосами они признавались в преданности и любви шайке старых разбойников, то есть коммунистам в законе. Звонко декларировали бойкие вирши про преданность и верное дело, о том, «как они подхватят и понесут». И действительно подхватывали и несли...

Боже мой, какую чушь они несли! И кто им эти тексты писал? Руки бы поотрывать. Бедные детки.

Помнится, бровастый вождь ввел тогда в моду фривольное приветствие. Никого не пропускал. Целовал взасос всех подряд: сталеваров, комбайнеров, механизаторов, врачей, учителей, иностранных коллег подельников. Таким уж был, извините, партийный этикет. Приверженность генеральной линии носила демонстрационный характер. Традицией было и групповое признание, когда «.весь советский народ в едином порыве, под чутким бессменным руководством партии.».

Любовь и преданность принято было проявлять при большом скоплении свидетелей. На площадях и в торжественных залах. Там же раздавались и слоники. Оды и касыды правителям слагались в безмерном количестве. Сочинители касыд жили кучеряво: отдыхали в Барвихе, тарились в спец буфетах, лечились в кремлевских больницах. Никто в те времена не думал, что им придется сжигать партбилеты в кострах, которые они сами же разведут позднее на тех же самых площадях. Мало кто задумывался, что булыжники этих площадей помнят еще и другого вождя усатого. Он тоже любил устраивать широкие празднества с раздачей керамических коней вперемежку с раздачей сроков. Ему тоже обожали признаваться в любви. И, между прочим, многие делали это от чистого сердца.

Наши «отечественные» площади тоже помнят восторженные голоса профессиональных зазывал, перекрываемые шквалом аплодисментов. Хор статистов, готовых в любую минуту подхватить всеобщий радостный психоз. Глаза. Эти глаза. Широко распахнутые, обращенные на предмет обожания и поклонения, полные восторженного трепета и слез.

Но.

Но. Я помню при этом неизменное чувство конфуза. Какой-то внутренний дискомфорт. «Какое-то мокрое неудобствие», как говорил мой Мастер ВалерСеменыч Фрид. Как если бы в разгар торжества в трамвай влез нищий с гармошкой.

И не знаешь, куда деваться. И не убежать, не спрятаться. А он идет к тебе, продвигается сквозь толпу, горланя идиотскую песню про любовь и преданность. Причем эта песня обращена именно к тебе. Вот он уже совсем рядом. Уже близко. От него несет недельным перегаром и еще какой-то кислятиной. Он смотрит на тебя по собачьи преданно и тянет грязную пятерню... Надо бы, думаешь, дать, чтобы отстал, и начинаешь лихорадочно шарить в карманах в поисках мелочи. А ее нет! Что делать? Купюру жалко. И ты в бессилии отворачиваешься к окну. А бродяга, постояв чуток, проходит мимо, тихо тебя матеря.

Эти коллективные письма. В поддержку. В осуждение. Одних превозносят, других клеймят. Я полагал, их времена прошли. Оказывается, нет. Ошибся.

А так оно легче. Когда ты в толпе, ты защищен высокой волной показательной любви. Или ненависти. И, значит, безнаказанности. А когда ты один это личная ответственность. Это позиция. Ты обнажился, а значит беззащитен. Обратного хода нет.

Наверное, с точки зрения идеологии такая всеобщая истерия, то есть, извините, благонадежность, нужна, и те люди, которые составили это просительное письмо, а потом, не полевившись, обошли всех, чтобы собрать подписи. Тоже ведь большая работа. Сколько терпения! Найти всех, объяснить, доказать, уговорить. Тем более ученых.

А так оно легче. Когда ты в толпе, ты защищен высокой волной показательной любви. Или ненависти. И, значит, безнаказанности. А когда ты один это личная ответственность. Это позиция. Ты обнажился, а значит беззащитен. Обратного – Хода нет.

К сожалению, я не вижу за этим письмом личностей. Группа это не Личность. У толпы размытое лицо и неразборчивая речь. В толпе трудно различить отдельные фразы и уж тем более услышать отдельное слово. Я хочу сказать, что составители этой просьбы сослужили подписантам плохую службу. Они отняли у них право на собственное мнение. Они забрали у них шанс быть услышанными. Они выстроили в жалкую шеренгу наших любимых и обожаемых. Они выставили их как тех пионеров с барабанами. Они сунули им под нос микрофон, в который каждый произнес по фразе из плохо состряпанной речи. Как куча родственников со стороны жениха на разгульной аульной свадьбе. Словом, они сделали так, что я снова почувствовал досаду. Эту неловкость за тех немногих, кого я искренне уважаю. Их в очередной раз подставили. Мне хочется оправдать их в собственных глазах. Я в замешательстве перебираю в уме различные варианты: наверное, кто-то торопился, кому-то неверно объяснили, кто-то не так понял. Хотя допускаю, что кто-то попросился и сам. Но я не об этом. Я о другом.

Я думаю. А интересно...

Что заставляет людей, умных, зрелых, заслуженных, бросаться прилюдно на алтарь любви? Кому из них выкручивают руки? Кто из них озабочен проблемой выживания или же неблагополучным завтрашним днем? Что за всем этим стоит? Помутнение разума? Паралич воли?

Я привык к мысли, что все младенцы мужского пола, рожденные в Казахстане шестого июля, не имеют шансов. По меньшей мере, будет странным, если нерадивые родители назовут мальчика, допустим, Алибеком... Или не дай бог, Акежаном. Но камень то тут при чем?

Я, например, тоже воспринимаю Назарбаева. Он президент. И я понимаю, что Нурсултан Абишевич масштабная личность. И он останется в истории. Другой вопрос в какой? Но я также уверен, что далеко не все из того плохого или хорошего, что происходит в нашей стране, зависит только от него. Нельзя связывать с ним восход солнца или неожиданный выигрыш сборной по футболу. И все ярлыки, которые на него наклеивает оппозиция, или, наоборот, гимны, которые ему поют сторонники, лично для меня мало что значат. Я просто пытаюсь понять: почему обязательно надо рвать рубашку на груди и прилюдно клясться в верности? Ну присваивают имена улицам и площадям, заводам и пароходам, заново открытым звездам наконец.

В УзунАгаше есть бензозаправка, которую почему-то называли «Принцесса Диана». Я знаю ресторан «Попробуй у Афанасьича». У моего друга есть собака Терминатор. Но зачем называть в честь президента. камень? Причем исковеркав собственно имя нурназен. Между прочим, минерал изготовили по нанотехнологиям. Следовательно, такого в природе нет. Его создали искусственным путем. Что, интересно, наши ученые имели в виду? Что они хотели этим сказать? Мне, к примеру, лезут в голову всякие непристойности.

Я привык к мысли, что все младенцы мужского пола, рожденные в Казахстане шестого июля, не имеют шансов. По меньшей мере, будет странным, если нерадивые родители назовут мальчика, допустим, Алибеком. Или, не дай бог, Акежаном. Но камень то тут при чем?

Помнится, многоуважаемый аксакал, поцеловавший высочайшую Руку, породил в обществе противоречивые суждения. Кто-то осудил его. А кто-то позавидовал. Боюсь, что вторых у нас зримо больше. Им по душе мораль уходящего поколения?

Отцов понять можно. Им не повезло с эпохой. Им туго пришлось в этой жизни. Они долго терпели унижение нуждой и пресмыкательством. Им приходилось жертвовать многим, иногда даже совестью, чтобы нам их детям жилось лучше. И мы в какой-то мере должны быть им благодарны. Мы надеялись, что с ними уйдет из нашей жизни и ген фарисейства. Но недавно я видел на трибуне молодого, пышущего здоровьем... штангиста. Из его волнительной речи

я понял, что он не смог бы рвануть штангу, если бы не почувствовал за спиной отеческую поддержку Нурсултана Абишевича.

Что это за вирус такой? Как он проникает в мозг? Как овладевает душами? Как он клонируется?

Известно: богатство порождает надменность. Бедность множит льстецов. Тут есть над чем задуматься. Может ли страна с рабским сознанием и колониальным прошлым в короткий срок стать свободной, даже если повесить ее всю из конца в конец мажорными плакатами? Такое, кстати, мы тоже проходили. И тоже сравнительно недавно.

«Психология у русских людей собачья. Их бьют они скулят. Чешут за ухом ложатся на спинку». Это из Чехова. Вы, наверное, думаете, что Антон Павлович ненавидел свой народ. Нет, ошибаетесь. Просто он его так любил, что не мог смириться с его «псиной натурой». Это его сильно корбило изнутри. У него страдало самолюбие. У Абая это тоже есть. Почитайте.

Помнится, незабвенный Жданов задавался вопросом: «С кем вы, мастера культуры?» Как видим, наши высказались вполне определенно. Ну что ж, наверное, их тоже нужно понять. Наверное, у них есть какие-то скрытые мотивы. Непонятно только нужно ли это Ему?

Я представляю, как Ему трудно. Эта гармошка в трамвае. Она так надоела. Этот заезженный назойливый мотив. Честно говоря, вряд ли это Ему нужно. Неудобно как-то. «Конфузливо». И нам это не нужно. Тогда кому это нужно?

На Западе в одно время широкое распространение получили исследования Ричарда Докинза. В книге *The God Delusion* он пишет о вирусах мозга. Докинз полагает, что распространение компьютерных вирусов, обычных биологических вирусов и религиозных идей основано на одном и том же механизме. «Эгоистичный» и вовсе необязательно приносящий пользу своему носителю фрагмент информации может самопроизвольно распространяться в системах, специально предназначенных для исполнения и копирования определенных инструкций. Главное, чтобы код «информационного паразита» совпадал с тем, к которому приспособлено данное считывающее пирующее устройство. Клетка идеально приспособлена для выполнения и копирования инструкций, записанных в виде последовательности нуклеотидов в молекуле ДНК или РНК. Поэтому живые клетки идеальная среда для распространения информационных паразитов (вирусов), представляющих собой записанные тем же кодом инструкции: «размножай меня», «синтезируй для меня белки, которые позволят мне проникнуть в другие копируемые устройства».

Известно: богатство порождает надменность. Бедность множит льстецов. Тут есть над чем задуматься. Может ли страна с рабским сознанием и колониальным прошлым в короткий срок стать свободной, даже если повесить ее всю из конца в конец мажорными плакатами?

Могут ли в подобном «копируемом устройстве» не завестись вирусы? Типичный пример вирусов мозга это всем известные «письма счастья»: «Кто разошлет это письмо десяти своим друзьям, у того сбудется самая заветная мечта! Кто этого не сделает, того постигнет несчастье!» Нетрудно заметить, что письмо наших Самых Самых отчетливо перекликается с ними по содержанию.

«После коммунистов я терпеть не могу антикоммунистов». Это Довлатов. Ничего не поделаешь, людям нужны божки. Без них они чувствуют себя обездоленными. Им нужны поводыри. А в стране слепых и одноглазый ясновидец.

Обычно в качестве резюме предлагают какие-то оптимистические прогнозы. Обнадеживающие хлопки по спине. Так вот, должен признать, у меня нет никаких предложений. У меня вообще нет никаких иллюзий насчет нашего с вами будущего. Страна не может перестать быть рабской, если даже ее вдруг однажды громко объявили страной свободных людей. Это просто декларация. Если вы в этом сомневаетесь, включите «Казахстан» и посидите так минут пять. Ну, десять. И если там какой-нибудь деятель: будь то бизнесмен, ученый, писатель или ком-

байнер в своей речи не вспомнит в высокопарных тонах Елбасы, то это сегодня признак дурного тона. Мне иногда кажется, что упоминание Его имени все служит у нас уже обычной связкой слов. Есть ощущение, что у этого тоста не будет конца. Словом, той явно затянулся...

Соловей поет не оттого, что у него хорошее настроение, а оттого, что у него нет другого голосового аппарата.

Наверное, пора одуматься? Не все нормально в обществе, интеллектуальная элита которого увлечена такими душевными порывами, как «письма счастья». Мне думается, тут явно присутствует путаница. Есть признание, и есть пресмыкательство, есть благодарность, и есть лизоблюдство, есть человеческое достоинство, и есть неприкрытое подбострастие. Ладно бы если я замечал подобные жесты только со стороны политиков. Это нормально. Популизм это их рабочая зона, двуличие благоприобретенный рефлекс. Как заметил кто-то из мудрых, соловей поет не оттого, что у него хорошее настроение, а оттого, что у него нет другого голосового аппарата. Он так выражает свое, по сути, воробыное кредо. Соловьиная трель не предмет его бравады. Как, допустим, не является предметом особого бахвальства хвост павлина. Он его распускает не для того, чтобы им любовались. На языке орнитологов это просто признак самца. Кстати, замечено, когда со двора исчезают павлины, их место занимают индюки. Издали они вполне смахивают на птиц с царственными манерами. Так вот, павлинов у нас не осталось. Были да и исчезли. Повыселись. Теперь и смотреть то не на кого. Приходится наблюдать клонов.

Между прочим, никто не задумывался, почему на проспекте АльФараби так много фонарных столбов? Говорят, пессимисты смотрят на них с грустью. Оптимисты с вождением. Пахнет крамолой, но я все-таки задам еще один вопрос.

А что если вдруг все перевернется и начнется курс разоблачения? Кто, интересно, выступит первым? Наверняка все бесхозные подшивки нынешних газет и диски с передачами «Хабара» резко подскочат в цене. И тогда наверняка многие из нынешнего списка благодарных переметнутся в лагерь хулителей. Уверяю вас, им будет что вспомнить. Вряд ли тогда обойдется одним микрофоном. Придется ставить ряд. Так что любителям коллекционировать компромат рекомендую запастись сегодня нынешним типографским хламом. Припрячьте куда-нибудь и это письмецо. Как подсказывает исторический опыт, может пригодиться.

Кирпич восьмой

Выдумка, вымысел, домысел... промысел

«В нашей стране всегда было щепетильное отношение к земле. Не изменилось оно и сегодня. Как отметил председатель сената КасымЖомарт Токаев на парламентских слушаниях, посвященных этой актуальной теме, «надо не только давать заверения, что сельскохозяйственные земли иностранцам продаваться не будут, но и правовыми и иными средствами обеспечить реализацию этого важнейшего положения, чтобы ни у кого не возникло желания обойти данное требование путем разного рода хитроумных схем».

Из сообщений информагентств.

Помню, когда был еще школьником, мать, уходя на работу, говорила, чтобы я прибрался дома.

Что я делал? Я запихивал по шкафам все, что валялось на виду, а мусор заметал под холодильник. Вечером родители приходили домой и радовались. Особенно отец: мол, смотри, какой молодец растет, учится да еще и матери помогает.

Через недельку начинало откуда-то фонить. Дома настораживались. Принимались искать источник по запаху. Вскоре обман раскрывался, и мне доставалось по полной.

К чему я это вдруг вспомнил?

Существуют две правды. Одна стерильная, отредактированная: газеты, сайты, телеканалы. И вторая стихийная. Сетевая. Непричесанная.

В первом случае хозяева обозначают фарватер и строго следят за глубиной кия.

Во втором хозяев нет, а значит, и порядка особого не наблюдается. Каждый пишет все, что ему вздумается.

Существуют две правды. Одна стерильная, отредактированная: газеты, сайты, телеканалы. И вторая стихийная. Сетевая. Непричесанная.

Разрешенные властью СМИ живут по уставу: об этом можно говорить, а об этом нельзя.

Сеть живет, как ей вздумается, и там нет запрещенных тем.

Все СМИ существуют за счет одних и тех же событий, просто каждый подает их под своим соусом.

Сеть всеядна. Она одинаково легко усваивает деликатесы и не брезгует отбросами.

Что в итоге?

В итоге мы наблюдаем пеструю картину мира, где каждый находит себе то, что ему по душе. И по мозгам.

В итоге границы между полуправдой и необходимой ложью размываются. Вследствие чего правда у нас имеет множество вариантов. Есть правда толпы, и есть правда единиц. Правда власти и правда обывателей. Правда чиновников и правда простых людей.

В итоге правда становится многоликой. Ею всячески маскируют. Пытаются упрятать за байкой, выдумкой, вымыслом, домыслом... В конце концов она превращается в промысел.

Разрешенные СМИ живут в пределах допустимой отваги: пиши, но подбирай выражения.

Сеть часто безрассудно смела и, увы, столь же часто анонимна. Сетевые донкихоты предпочитают скрываться за ширмой и оттуда грозить расправой. Читая их высказывания, я иной раз удивляюсь как неожиданно технический прогресс обернулся катастрофой в гуманитарном развитии человечества.

При таком раскладе любой спор превращается в непримиримое противостояние. Любое высказывание перерастает в перепалку. Общество раскалывается на своих и чужих, на врагов и единомышленников, на предателей родины и на ее радетелей.

Какие мысли приходят мне в голову в этой связи?

Дорогие мои! Друзья, товарищи, граждане, братья! Людики!..

Что такое культура спора?

Это когда каждый имеет возможность высказаться с трибуны, не боясь затем сойти с нее под всеобщее улюлюканье. У нас вошло в правило: оратор, осмелившийся высказать свое частное суждение, сходит с трибуны оплеванный с головы до ног и следующее свое выступление начинает с неодобрительного свиста публики.

Так вот, насчет темы, которая снова разделила людей на «своих» и «чужих». Я по поводу пресловутых поправок в Земельный кодекс.

По большому счету, все разговоры сводятся лишь к одному вопросу: «Каждый может купить или только гражданин РК?»

«Каждый» в значении любой иностранец. А если «гражданин», то, значит, свой.

Когда мы говорим «иностранец», мы имеем в виду китайцев.

Китайцы нам не нравятся. Исторически. Их слишком много, и они слишком рядом. Мы опасаемся, что сегодня они купят по кусочку земли, а завтра перелезут к нам через забор со своими небольшими семьями по сто тысяч человек каждое. Такого нам не надо.

Эти опасения на уровне генетики. Страх, который складывался веками. Примерно такое же чувство неприятия испытывают те же китайцы по отношению к монголам.

А чехи недолюбливают немцев.

Арабы евреев.

Весь западный мир русских...

Так что дело это такое, можно сказать, на уровне инстинктов.

В итоге границы между полуправдой и необходимой ложью размываются. Вследствие чего правда у нас имеет множество вариантов. есть правда толпы, и есть правда единиц. Правда власти и правда обывателей. Правда чиновников и правда простых людей.

Вот если бы в поправке было написано «любой американец» или, скажем, «любой француз». Тогда б мы задумались. Наверное. Тогда б мы, может быть, даже обрадовались. Мы ведь ничего не имеем против французов. Они хорошие. У них еда вкусная, духи пахучие, язык красивый, да и вообще они далеко.

Но так прописать в кодексе мы не можем. Как не можем написать «все, кроме китайцев».

Что же делать?

Кто-то считает, что земля это такой же товар, как нефть или газ. Другие считают, что это не товар. Что это нечто другое. А как тогда?

Мораторий вроде как был объявлен. Время «на подумать» есть.

И вот здесь я не понимаю, почему нельзя все эти газеты и радио, все эти сайты с телевизором, которые, между прочим, сидят на госзаказе, переключить на интересующую всех тему и затеять реально всенародное обсуждение.

Конечно, на первых порах будет стоять привычный ор. Микрофон вообще с некоторых пор превратился во врага нации. Но это только на первых порах. Желающие размять голосовые связки отсеются. И потом, их все уже знают, горлопанов этих, готовых пошуметь на любую тему. Как говорят японцы, «большая собака никогда не мешает лаять маленьким собакам».

Такие в каждом ауле были и есть. Они покричат по лают и переключатся на новую тему: благо внимание у них рассеянное и память, как у аквариумной рыбки. Останутся люди заинтересованные, разумные и знающие. Те, кто в теме. Надо будет послушать их. Послушать, что они будут предлагать и что отвергать.

Еще, я не очень понимаю, почему нельзя использовать опыт других стран? Например, тех, что находятся в списке, в который мы так настойчиво стремимся попасть. Они ведь наш ориентир? Наверняка там этот вопрос обсуждался. И давно решен. И наверняка какие-то общие моменты применительно к нашим реалиям найти у них можно.

Я не понимаю, почему надо устраивать из этого, реально касающегося всех дела, некий междусобойчик? Почему нужно всячески избегать этой темы и считать ее провокационной? Зачем создавать искусственное напряжение и без того в не очень спокойном нашем мире? Другими словами, зачем заметать мусор под холодильник?

Для справки.

Конституция США была принята 17 сентября 1787 года и не изменилась до сих пор.

Один из проектов Конституции Исландии начинался со слов: «Мы, народ Исландии, хотим создать справедливое общество. Наше разнообразное происхождение обогащает всех нас, и мы, все вместе, ответственны за наше наследие, землю и историю, природу, язык и культуру...»

Кирпич девятый

Самая долгая дорога путь от двери до помойки

«Гражданственность это донести свой окурок до урны. Государственность это сделать так, чтобы путь до очередной урны был не слишком утомительным».

Фазиль Искандер.

Поехали мы как-то на Или. Искали подходящую натуру для съемок. Было это в начале весны. Снег только стаял. И что же мы там увидели после снега?

Первое впечатление: Или это вторая после Ганга река по загрязненности. Там есть все, кроме недогоревших трупов.

Хотя, может, я не все знаю...

Примерно часа два мы ехали в одну сторону в поисках небольшого пятака, но так и не нашли. Всюду следы костров, бутылки, пластик, пакеты, мешки.

Пришлось перебираться на противоположный берег и ехать в обратную сторону. Там то же самое.

В итоге мы остановились и стали расчищать полянку для съемки. Собрали весь мусор, замаскировали следы костров и сняли наконец свою сцену.

Через пару дней поехали в горы по Навои вверх. В АлмаАрасанское ущелье. Неземная красота если смотреть издали. Заплатили, как положено, на эко посту денежки и поднялись в горы (на Или, кстати, тоже стоит эко пост).

И что же мы там увидели?

То же самое. Наши горы самые «засранные» горы в мире.

И тогда я задумался. Интересно, что надо сделать, чтобы поменять нашим людям чип, отвечающий за сознание? Почему у них, Там, все чисто, а у нас бардак? Как они решили проблему с мусором и отношением к окружающей их природе?

Мы же не пакостим у себя дома. Почему же за дверью чувство дома заканчивается? Почему уже в подъезде можно вести себя по-свински?

Про Швейцарию говорить не буду у них все вылизано так, что любой окурок, брошенный на землю, вызывает осуждение.

В Барселоне, например, всюду стоят баки. Мусорные. Как правило, их четыре: для стекла, для органики, для бумаги и для пластика. И что необычно нет характерного запаха. Даже в жару.

Как-то я оказался в лесу под БаденБаденом. Там деревья пронумерованы!

Японцы...

Я даже не знаю, куда они девают свой мусор. Такое ощущение, что его там нет.

В наших домах пакеты с мусором нередко оставляют в подъездах. Вешают на заборы. На деревья. Иные ушлаганы «забывают» пакеты у соседских дверей. Да и сама помойка общая: и пищевые отходы там, и бытовые, и все прочие.

Это в АлмаАте. А что в других городах и селах, я не берусь говорить.

Мне думается, что это большая государственная проблема. Ментальная. И системная. И с ней надо что-то делать. Не обозначать, а именно делать. И пока мы будем рассуждать, когда нас наконец примут в состав тридцати самых развитых, не мешало бы психологически к этому подготовиться.

Что имеется в виду?

Ну вот, представьте себе: нам подали знак и распахнули двери в святая святых, в число самых развитых. А как мы туда со своими пакетами и мешками?.. Конфуз может случиться.

В западных школах детям с начальных классов прививают экологическую культуру. В семьях воспитывают в человеке бережное отношение к природе и окружающей среде.

Я понимаю, что у нас этот вопрос запущен настолько, что решить его в раз не удастся. Ну хотя бы обратить на него внимание. Хотя бы базовые какие то вещи людям объяснить. И начинать нужно с детских садов. Чтобы в подкорке оставалось. Мы же не пакостим у себя дома. Почему же за дверью чувство дома заканчивается? Почему уже в подъезде можно вести себя по-свински?

Я знаю, что об этом говорится давно. Я также знаю, что у нас как бы этой проблемой занимаются. Есть целое Министерство экологии (или как оно правильно называется?). Есть какие то специализированные службы. Но все это не то. Потому что никакие министерства не реформируют мышление и не поднимут гражданское сознание на новый уровень. Другими словами, никакой эко пост не прочистит человеческий мозг. Все эти посты точки сбора черного нала. И мы все об этом знаем.

Возможно, все это бесполезно и не совсем ко времени. У нас ведь есть вопросы поважнее. Например, стоит ли переходить на латиницу или же, скажем, устраивать дискуссии на тему, носить хиджаб нашим женщинам или не носить? Много ведь у нас споров на разные важные и суперважные темы.

Мне думается, нам всем было бы намного комфортнее спорить в прибранном мире. Когда мы наконец наведем порядок не только внутри собственного жилища, но и вокруг него. Когда экологически чистые помыслы будут сочетаться у нас с экологией внутреннего дворика.

Или я ошибаюсь?

Мне думается, нам всем было бы намного комфортнее спорить в прибранном мире. Когда мы наконец наведем порядок не только внутри собственного жилища, но и вокруг него.

Когда экологически чистые помыслы будут сочетаться у нас с экологией внутреннего дворика.

Кирпич десятый

Алтынбек

«Угрюмо думал я сегодня, что в нашей тьме, грызне, предательстве вся милость высшая Господня в его безликом невмешательстве».

Игорь Губерман.

Мы с ним учились вместе. На журфаке КазГУ. Он на казахском отделении, а я на русском. Вместе оба потока собирали лишь на военку. А так, естественно, учились мы отдельно. Возле общаги нашей номер пять был стадиончик. Вернее, поляна такая небольшая. Там мы играли в футбол.

Алтынбек хорошо играл. С головой, что называется. Соображал быстро. Он вообще спортивный был. Боролся неплохо, кстати.

Мы с ним иногда затевали борьбу, по дурости. Он был посильнее меня. Но я брал техникой. Занимался тогда самбо и дзюдо. У Досму хамбетова Темирхана Мынайдаровича. Секция у нас в те годы была очень сильная. Чемпионы мира там занимались. Призеры международных турниров.

Из меня чемпиона не вышло. Выполнил норматив кандидата в мастера и перешел на футбол. К Чену Андрею Буировичу. Был в КазГУ такой футбольный тренер, легендарная личность. Он когда-то сформировал костяк той сборной Кореи, которая наделала шороху в Англии на чемпионате мира 1966 года.

Они обыграли итальянцев в подгруппе и в четвертьфинале попали на португальцев. Вели 3:0 в первом тайме. Но потом включился Эйсебио и похоронил корейцев 5:3. Говорили, что потом тех несчастных корейцев, игроков сборной, пересажали по тюрьмам...

Может, врут. Не знаю.

Ну ладно, это так, небольшое отступление.

Не скажу, что Алтынбек чем-то сильно отличался от других. Знаниями, например. Или старанием. Нет. Вроде как все, ничего особенного. Но позднее некоторых наших студентов перевели в Москву. В МГУ. В том числе и Алтынбека. А в то время это был самый знаковый университет «нерушимого Союза». И туда, конечно, просто так люди не попадали. Или дарование надо было иметь исключительное, или же блат основательный. Ну и, соответственно, биографию. Некоторые ради такого дела вступали в партию.

Через какое-то время я тоже оказался в Москве. Правда, в другом учебном заведении на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Не МГУ, конечно, но тоже, скажу я вам, не хрен собачий. Серьезное заведение. Но я попал туда, скорее, по случайности. Просто повезло.

Довольно часто я приходил к своим казахам в дом аспиранта и стажера на Шверника. Алтынбек жил в большой комнате, человек на пять шесть. Жил с ними еще там приятель один. Адам его звали. То ли из Чада он был, то ли из Нигерии. Черный как смоль.

Тогда ведь советский партаппарат сильно рекомендовал дружить с народами Африки, и благодаря этой дружбе «новые африканцы», то есть детки высокопоставленных вождей Черного континента, оказывались в ведущих вузах Москвы, Ленинграда и Киева.

Так вот этот Адам, вкусив московской демократической жизни, крепко пристрастился к выпивке. У него под кроватью всегда стояла «маленькая». И он время от времени к ней прикладывался. Потом напевал приятным мелодичным голосом. То есть буквально сначала пил, потом пел.

Закончилось это тем, что в один прекрасный день за ним приехали хмурые люди в белых халатах. Если не ошибаюсь, их прислали с Канат чиковой дачи. «Скорую», по моему, Алтынбек и вызвал, потому что это уже перестало быть смешным. Адаму все время мерещились за окном какие то черти, и он порывался с ними пообниматься. А комната находилась то ли на десятом, то ли на двенадцатом этаже.

Прощались с Адамом всей комнатой. Он упирался. Грозил отмщением за подставу и обещал, что папенька направит в Москву своих головорезов и те устроят тут ночь длинных африканских ножей.

С тех пор я Адама не видел. Как и обещанных его отцовских всадников апокалипсиса.

Там же, в Москве, Алтынбек влюбился.

Она была армянкой. Знойной, высокой, ухоженной. Забыл, как ее звали. Но красивая, черт возьми.

Поначалу я посмеивался. Тупо шутил. Мол, когда вы целуетесь, куда носы свои деваете?

Дело в том, что природа одарила Алтынбека не совсем казахским носом. И, если уж совсем честно, шнобель у него был во всех смыслах выдающийся. И это еще при его худобе и несколько сутуловатой фигуре.

У «знойной женщины, мечты поэта» нос тоже был, надо сказать, традиционно кавказский. Но это ее не портило, а даже наоборот придавало особый аристократический шарм. Чего не скажешь про Алтын бека. В те годы шарма в нем не было никакого. Студентишка жалкий. Как и все мы.

Ну да ладно, с лица воду не пить, как говорится, любовь слепа, и так далее.

Влюбленный джигит, как и положено, повез свою любовь домой. Знакомить с родителями.

Насколько я понял, родители не очень обрадовались выбору сына, и прелестная армяночка из любви романтической превратилась в любовь трагическую.

Перелистнув с горем пополам эту страницу, Алтынбек застрял на симпатичной странице по имени Салтанат.

Салтанат. Ах, Салтанат! Не описать словами. Остается лишь вздыхать и возносить хвалу Аллаху за такую красоту.

На этот раз родители были четырьмя руками за, и Алтынбек устроил в Москве небольшой такой забег в ширину. почему-то в грузинском ресторане. Я, помнится, был кемто вроде свидетеля со стороны жениха.

Помню, еды было столько, что тарелки ставили одну на другую, в два ряда. И выпивкой было заставлено все так некуда рюмку пристроить. Мы тогда здорово шаркнули по душе.

А потом притащили счет. Я помню, как вытянулось лицо Алтын бека и запотели очки. Пришлось мне в дополнение к оплате снять свои часы. Золотые, между прочим. На днюху когда-то кенты подарили. Я ими очень дорожил.

Короче, улыбнулись мне напоследок мои часики. Но зато мы знатно погуляли, и повод был стоящий.

Вскоре Алтынбек закончил свою учебу и укатил обратно в АлмаАту. И вроде как устроился там на непыльную работу в КазТАГ.

А я все еще учился.

Иногда мы перезванивались. Однажды он появился ко мне во вгиковскую общагу на Галушкина. То ли в командировку куда летел, то ли еще что. Остановился у меня, решил сэкономить на суточных.

А я позарился на его пиджак. Строгий такой. В цвет киношного режима. Я его тут же надел, и меня неумолимо потянуло к девочкам. Тогда у нас с ним размеры совпадали. Почти. Ну, может быть, он был пошире в плечах и повыше ростом. Но это несущественно. Я так думаю.

Курсы жили на последнем, шестнадцатом, этаже. Я подселил Алтынбека на ночь к одному нескучному додику по кличке Чайковский. У того место было, кровать пустовала сосед уехал.

Насчет Чайковского тут нужно сказать пару слов. Я уж и не помню, как его понастоящему звали.

Парень он был, что называется, с достоевщиной. К тому же сибиряк. Мог заявиться в полночь, поврубать везде свет и пластинку с «Лебединым озером» на полную мощь. Потому и Чайковский.

Не знаю, то ли он на самом деле не мог жить без Чайковского, то ли ему нравилась атмосфера похорон членов политбюро (тогда ведь их хоронили исключительно под лебедей). Сложный вопрос, конечно, и ответов на него может быть множество. Как от самых незатейливых типа: «Да он дол. б полный!» До самых закомуристых: когда вкрадчивые мозгоправы ковыряются у причудливых людей в их расшалившихся подкорках и вытаскивают на свет зубодробильные диагнозы.

Как назло, на этот раз случилось то, что со страхом ожидалось, но втайне надеялось, что не случится. Только было Алтынбек ушел спать, только было закемарил появился Чайковский. Повключал везде лампы, зарядил свою пластинку да еще и окна нараспашку раскрыл. А на дворе декабрь. Зима московская. Даже Наполеону запомнилась. Он из-за нее, можно сказать, войну проиграл.

Утром захожу Алтынбек лежит, завернутый во все, что только смог найти: половики, коврики, скатерти со столов... Разве что линолеум с пола не содрал. Укутался весь, лишь один носяра его выдающийся торчит.

– Калайсын? спрашиваю.

– Мынау, ептвamat, терезені ашып тастап уйыктайды екен, говорит («этот типок, е. мать, к которому ты меня так любезно пристроил, оказывается, спит с раскрытыми окнами»).

А потом в Москву появились посланцы от ОлжасОмарыча. Посланцы сказали, что ОлжасОмарыч затевает в Казахстане общественное антиядерное движение и что ОлжасОмарыч велели передать, что родина отчаянно нуждается в добровольцах. И что явка строго обязательна и что обещается всемерная поддержка и что пора стать хозяевами своей судьбы и вообще патриот ты в конце концов или говно безродное?!

Я не хотел быть «говном» да еще и «безродным», экстерном закончил свои курсы и отправился спасать отечество от ядерной угрозы. «Кина» все равно в те годы не было. По территории «Казахфильма» бегали стаи бродячих собак.

К тому времени Алтынбек перешел в журнал «Арай» «Заря», куда его позвал Аширбек Копишев. Итересный, кстати, был журнал. И люди там работали талантливые.

Потом, после «Арая», Алтынбек стал главным редактором студенческой газеты «Оркен» «Горизонт».

Я к тому времени успел уже поработать в газете «Избиратель» «Аманат» органе антиядерного движения, и кое-какой опыт редакторства у меня имелся. Первое время я чем мог помогал Алтынбеку. Но довольно скоро он в этом перестал нуждаться. Сам потащил.

А потом в Москву появились посланцы от ОлжасОмарыча. Посланцы сказали, что ОлжасОмарыч затевает в Казахстане общественное антиядерное движение и что ОлжасОмарыч велели передать, что родина отчаянно – нуждается в добровольцах.

Редакция «Горизонта» находилась там, где нынче располагается Академия искусств имени Жургенова. А до академии в этом корпусе базировался факультет журналистики КазГУ имени С.М. Кирова. Когда-то здесь мы сдавали вступительные экзамены.

Газета Алтынбека стала стремительными темпами набирать тиражи. Вскоре она стала чуть ли не самой популярной газетой страны. Конечно, погоду в ней делал не столько редактор, сколько его звездный коллектив. Ребята там работали замечательные. Тем не менее надо признать, что роль редактора в те времена имела колоссальное значение.

Алтынбека заметили в высших кругах. Он стал вхож в высокие кабинеты, которые ютились там, где нынче сидит Далматинский аки мат. В разговорах с ним я все чаще стал слышать говорящие фамилии: Нуркадилов, Жолдасбеков, Султанов, Абдрахманов...

Газета Алтынбека стала стремительными темпами набирать тиражи. Вскоре она стала чуть ли не самой популярной газетой страны. Конечно, погоду в ней делал не столько редактор, сколько его звездный коллектив. Ребята там работали замечательные. Тем не менее надо признать, что роль редакторов те времена имела колоссальное значение.

Короче, агашки проявили интерес, и это было логично. Алтынбек подходил по всем параметрам: молодой, амбициозный, с московским дипломом, контактный, одинаково хорошо говорит на обоих языках, да и вообще симпатичный малый. Схватывает все на лету. К тому же в связях, порочащих его, на тот момент он еще не был замечен.

Мы стали реже видеться. Алтынбек стал суетлив, деловит и сильно стеснен во времени. А потом я в обиде на все казахское и вовсе улетел в Штаты и оказался в SLC (Эсэлси), Солт-ЛейкСити столице мормонов.

Зря улыбаетесь. Любопытное, я вам скажу, место. Народ здесь живет очень набожный. Высоконравственный. Хоть и соседствует с Невадой, где официально разрешена проституция.

А вообще, история этой земли, как и многое в Америке, тоже начиналась с кровушки.

Заявились переселенцы, устроили войнушку, отобрали земли у шошонов, перевешали вождей и основали город. Возвели храмы и церкви. Построили конторы и кабаки.

Каждое воскресенье Монти мой сосед по дому, в котором я снимал комнату, будил меня, и я отправлялся в церковь, на службу с одной прелестной бабушкой по имени Мерил. Мы с ней подружились. Она преподавала мне язык.

Так вот старушенция эта была очень набожной. Не пойдешь в церковь обидится. И сидел я потом, часами, в плотном ряду мормонов и слушал ихнего попа. Батюшка что-то там бухтел про праведный путь, про то, что надо воздерживаться от грехов, про счастье всего человечества, читал отрывки из ихней главной книги «Книги мормона». Потом обходил ряды и давал каждому по кусочку пресного хлеба. Я послушно съедал кусочек тела Христа и запивал этот кусочек его же кровью.

Если честно, жилось мне первое время несладко. Экономил на всем. Питался с черными друзьями в «Макдоналдсе», то есть там, где люди, следящие за здоровьем, стараются не есть. Стирался дома. Сам. В пластмассовом тазике.

Неожиданно для себя полюбил сырые овощи. Которые с детства терпеть не мог. Однажды даже пошел и сдал кровь. За деньги. Чтобы заплатить за жилье.

Короче, как мог сводил концы с концами.

И тогда мормонский бог, видимо, решил проявить милость к чужеземцу и познакомил меня с крутыми мормонскими деятелями. Они представились как служители Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (так оно называется полностью) и задали свой любимый вопрос: как я отношусь к Христу? Я, не задумываясь, признался, что души в нем не чаю. Не то, чтобы мечтаю с ним встретиться, но очень уважаю и ценю. Тогда они дали мне книгу Мормона, велели прочесть и назначили встречу почему то в уикенд.

Я добросовестно просидел над книгой несколько дней. Там, где не понял, спрашивал у Мерил.

Книга как книга. Та же Библия, только с выкрутасами. Мне особенно понравился пункт, в котором честному мормону разрешается многоженство.

В назначенный день я оказался за городом в огромном доме, где на заднем дворе мои влиятельные знакомцы жарили сосиски. В неформальной обстановке состоялась беседа, которая мне понравилась не меньше, чем сами сосиски. В результате чего меня наняли снимать социальные ролики для церкви под условным общим названием «Как узреть Бога».

Месяца через три я уже перестал питаться в «Макдоналдсе» и чаще стал посещать церковь. Я уже внимательнее слушал батюшку и иногда ловил себя на мысли, что полностью разделяю его убеждения.

Так прошло года три. Я уже подал на гринкарт, обрел привычный круг общения, снял квартиру в престижном районе, каждую пятницу ходил слушать блюз в полуподвальный бар «Черная вдова» и стал уже почти своим в определенных кругах, как вдруг в 1993 году раздастся звонок. Из прошлой жизни.

Алтынбек:

Эй, какгыбас, кайда жнрсін? (Эй, прохиндей, где ты болтаешься?) Я не сразу сообразил так это мне казалось далеко.

Но Алтынбек стал названивать чуть ли не через день. Сообщил, что стал министром, что располагает определенными ресурсами, что грядут крутые перемены в стране, а для этого нужны свои люди и что я был бы тут очень даже кстати. Одним словом, Родина мать снова зовет, возвращайся назад, старая ты сволочь.

Во мне проснулся дух реваншиста. Огонь возмездия вспылал во мне самым нешуточным образом. Я не стал долго кочевряжиться, упаковал чемодан и дернул назад. К своим.

Мормоны напоследок покрутили пальцем у виска и с сочувствием похлопали меня по спине. Видимо, они знали о казахах нечто такое, чего не знал о них я.

Алтынбек встретил радушно. Как мне показалось, даже обрадовался.

Я тоже, надо сказать, порядком соскучился по родным лицам и первое время пребывал в приятной эйфории.

Алтынбек не врал. Он действительно стал министром. Если не ошибаюсь, министром печати и массовой информации. Так вроде это ведомство тогда называлось? Оно ж постоянно меняет свое название...

Но даже не это суть важно. Важно, что он пролез в обойму. В ближний круг, что называется. А там, как известно, в кругу этом ведется игра по крупному и ставки делаются высокие. И там не важно, какой ты именно пост на данный момент занимаешь. Там, на самом верху, движение идет не по вертикали, а по горизонтали. Сегодня ты министр культуры, а завтра секретарь Совбеза, послезавтра вице премьер, госсекретарь, зам председателя КНБ и так по круговой.

По правилам игрокам нельзя покидать стол, поскольку карты тасуются постоянно. И нельзя терять бдительность, потому что в любой момент тебе могут подбросить паленую карту и попросят освободить место. Иногда по доброму, иногда по плохому. Короче, там идет драчка нешуточная. Ну и дивиденды на кону не грошовые.

По правилам игрокам нельзя покидать стол, поскольку карты тасуются постоянно. И нельзя терять бдительность, потому что в любой момент тебе могут подбросить паленую карту и попросят освободить место. Иногда по доброму, иногда по плохому. Короче, там идет драчка нешуточная. Ну и дивиденды на кону не грошовые.

Об этом мне наперебой стали рассказывать и объяснять по ходу дружки приятели, с которыми я также встретился после долгой разлуки и не мог сразу войти в новую реальность. Поначалу мне даже показалось, что я вернулся в другую страну с заново отстроенной систе-

мой государственного обустройства. И что самое удивительное, во всей этой системе Алтынбек занимал чуть ли не ключевое место. Говорили, что он пинком открывает главную дверь и решает вопросы тетатет. То есть пользуется неограниченным доверием и способен решать любые вопросы. Что, по сути, он является на сегодня главным преемником и многие за глаза называют его серым кардиналом. Вполне допускаю, что мне привирали, но, как говорится, в каждой сказке есть только доля сказки...

Я встретился с «кардиналом». Поговорили.

Я заметил, что Алтынбек изменился. Былой простоты в нем уже не было. Это уже был не тот худосочный студентика со Шверника. И мальчишества в нем никакого не осталось. Он стал осанистее. Солиднее, что ли. Застегнулся на все внутренние пуговицы и надел универсальный чиновничий камуфляж. И смотришь: вроде тот же самый, но уже совсем не тот. Мелькнет на секунду в глазах бывшее ребячество, и тут же внутренним усилием он его гасит.

Короче, Алтынбек соответствовал. Он стал агашкой.

Отчасти тому способствовало окружение. Он уже редко бывал один. Ну это уже, как водится, издержки положения. Рядом всегда толпились угодливые нукеры, готовые ухототаться до слез любой несмешной шутке шефа. Мало кто такое выдержит. Перетерпеть надо или перерасти. Кому-то это удастся, кому-то нет. И остается человек, травмированный властью, уже до самого конца в пубертатном возрасте.

Ну и хрен с ним, думаю. Если ему так нравится. Наиграется, надоест, пройдет. Он ведь головастый. Главное ведь дело делать, а там уже каждый решает за себя, по какой дороге двигаться дальше. И в какой позе.

Да и потом, мне ж объяснили умные люди: здесь так принято. По другому не получится. С волками жить.

Хотя... какие там волки... Так, падалыщики одни.

И пошел я работать. На телевидение. Занялся тем, что более-менее мне знакомо. А именно спортом. Открыл внутри канала «Казахстан» отдельную программу «Спортплюс». Неплохо пошло. Программа стала набирать рейтинги. Спорт всегда вызывает всеобщий зрительский интерес.

В 1997 году Алтынбек назначил меня гендиректором РК ТРК Республиканской корпорации телевидения и радио Казахстана. В корпорацию также входили телеканалы «Казахстан» и «Алатау». Плюс радио с газетой.

Первым делом я затеял ремонт в главном корпусе. Старожилы не могли вспомнить, когда там это было в последний раз. Поменяли, почистили все. Побелили. Запахло свежей краской.

Обновили значительно сетку вещания. На канал потянулись рекламодатели.

Время от времени мы с Алтынбеком встречались. На футбольном поле.

Была у них там своя заруба: то ли правительство против парламента, то ли Министерство печати против остальных министерств. Словом, принципиальные матчи с участием звезд политического истеблишмента, многих из которых я на тот момент еще не знал.

Да мне, по большому счету, все равно было, с кем играть. Как говорится, в бане все одинаковые.

Я запомнил лишь некоторых.

Алихан Байменов, помню, очень прилично играл. Думающий. Не жадный.

Серик Конакбаев тот почти мастер. Интеллектуал на поле.

Шарип Омаров вообще был от природы наделен и ростом, и атлетизмом. И техникой обладал своеобразной. Забивной был.

А вот Ертысбаев не нравился никому. И играть толком не умел, и орал больше всех. Что такое пас, не знает. Партнеров не видит. Все норовит сам забить. Понторез, короче. Таких в футболе не любят.

Алтынбек звал меня на особо важные матчи. Где на кону стоял ящик пива с последующим походом в баню.

Ну что я могу сказать? Мылись мы довольно часто за чужой счет. И пиво пили.

Я придумал ему забавное погоняло Пиночет. За излишне напускной грозный вид. Он в ответку стал называть меня Чон Ду Хваном.

Все вроде более-менее налаживалось.

И тут в 1998 году начали происходить непонятные вещи.

Телеканал «Хабар» стал переманивать к себе людей. Потом потихонечку начал подгрести под себя площади. Однажды хабаровские начальники выставили свою охрану и перестали пропускать сотрудников с телеканала «Казахстан» в АСК2. Так называлось примечательное здание с бетонными сосульками на Мира Тимирязева. Исторически здание принадлежало телеканалу «Казахстан».

Я пошел к Алтынбеку. Спрашиваю:

– Конфликт назревает. Что будем делать? Ты объясни, а то я человек новый, могу не знать.

– Будем держать стойку, сказал Алтынбек.

– А сил хватит? спросил я.

– Хватит, уверенно ответил он.

И я пошел держать стойку.

Запахло жареным. Я это чувствовал. В «Хабар» вкачивались деньги. Они закупали новую аппаратуру и по-прежнему переманивали к себе лучших специалистов. На фоне нашего унылого болота «Хабар», конечно, выглядел предпочтительнее.

К тому же нам безбожно урезали бюджет. Начались сокращения. Росло недовольство. Я людей понимал, но помочь ничем особо не мог. А одними запретительными мерами ситуацию не спасешь.

Оставалось рассчитывать на рекламные доходы, и я стал самостоятельно вести переговоры с крупными игроками. Многие готовы были к сотрудничеству: все-таки республиканский канал, метровый диапазон, значительный охват территории. Намечались серьезные сдвиги. Мы могли стать главными конкурентами «Хабара» и вырвать себе нехилый кусок от общего рекламного пирога.

Ерлан Сатыбалдиев на тот момент президент телерадиокорпорации фигурой был вялой и несамостоятельной. Он такие вопросы не решал и кивал в сторону Алтынбека.

– Есть министр, к нему и иди.

И я пошел убеждать Алтынбека заключить новые контракты.

Алтынбек как-то невнятно отреагировал, сказал, что надо все взвесить, все обдумать и лишь потом, может быть, как-нибудь...

Но сроки горели, конец года, и ждать было нельзя. Надо было спасти канал. Тем более что частоту «Алатау» тоже собирались забрать, а сотрудников распустить.

И тут вдруг появляются какие то brave хлопцы в дорогих костюмах с московским говорком и визитками компании «ВидеоинтернейшнлАзия». Они суют мне под нос контракт, согласно которому все рекламное время на канале «Казахстан» давно уже продано, причем на кабальных условиях и за смешные деньги. И прозрачно так намекают, что поезд уже ушел, что я не совсем владею информацией и лучше всего подумать о плодотворном творческом сотрудничестве на будущий год.

Я в непонятках начинаю искать правду, а это дело, как вы сами понимаете, бесперспективное и в каком-то смысле опасное. Но теперь то уж можно об этом говорить. Все ведь осталось в прошлом.

Господин Сатыбалдиев на мои вопросы лишь развел руками и по обыкновению своему показал наверх. Я стал искать встречи с Алтынбеком, чтобы поговорить с ним «на понял

понял». А если прямо, то я просто хотел предложить ему разорвать имеющийся контракт и заключить новые. Более выгодные для канала.

И тут уже нарисовались серые люди из конторы. Они показали мне корочки в чине подполковника и капитана и предложили выпить по чашечке кофе. За разговором они, как бы между прочим, обронили фразу, что «хорошо бы этого жирдяя Сатыбалдиева» сдвинуть с нагретого места. Типа давай ты сунешь ему взятку и мы его накроем на рабочем месте. Взятку мы, мол, обеспечим.

Сейчас, по прошествии лет, я думаю, что кукловоды, стоявшие за этим делом, рассчитали все правильно. Сатыбалдиев ставленник Ал тынбека. Удар по Сатыбалдиеву это удар по Сарсенбаеву. И удар практически стопроцентный. А я всего лишь торпеда. Исполнитель. Мелкая пешка. В случае чего мной можно пожертвовать. Никто особо не заметит и запрыгаться не станет.

Так оно и получится в итоге. Но в тот момент догадываться об этом я не мог и прямиком отправился в кабинет к Ерлану предупредить, что против него готовится нехитрая операция из серии «Борьба с коррупцией и мздоимством». И чтобы он это имел в виду, поскольку не только я захожу к нему в кабинет. Любой случайный посетитель может забыть здесь конвертик с купюрами или какой невзрачный пакетик в углу с дорогим и меченым подарком.

У Ерлана Абеновича от этого разговора глаза сделались круглыми, он схватился за сердце и срочно слег.

А через пару дней к нам в офис уже без всякого приглашения заявила толпа сотрудников. Они быстренько опечатали бухгалтерию, ловко надели на меня наручники и под белы ручки повели по длинным коридорам на выход.

Помнится, Галина Леонидовна Кузембаева, с которой у меня намечалась рабочая встреча, наткнулась на меня в дверях и, заполошная, по своему обыкновению, не особо замечая плотного сопровождения, стала спрашивать, куда это я направился и скоро ли вернусь.

– Тут цель была другая. Или цели. Покрупнее, надо полагать. Хотя формально я ведь был «человеком Алтынбека».

Правда, не посвященным во все тайны мадридского двора.

Мы ж должны показать тебе отснятую передачу и обсудить эфирное время, удивилась она, показывая мне Аудиокассету.

Я честно ответил, что догадываюсь, куда сейчас поеду, но не могу сказать точно, когда именно вернусь. И вернусь ли вообще, поскольку запястья мои сжимали казенные браслеты, а товарищи в штатском предусмотрительно прикрыли их моим же пиджаком.

Наутро я проснулся знаменитым. Не было, пожалуй, ни одной газеты, не осталось ни одного телеканала, по которому бы не показали, как бравые ребята сажают меня в «бобон». Естественно, все фотографии и все видео сопровождались бесчисленным количеством комментариев. Выдвигались самые разные версии. Порой совершенно фантастические.

Один депутат, помнится, даже предположил, что я заслан коварной Америкой и прибыл сюда с некой тайной мормонской миссией, как некогда в Старгород бывший предводитель дворянства. И вот теперь я, «гигант мысли и предводитель команчей», будущий отец казакпайской демократии, пробрался на идеологически важную позицию руководителя телеканала и вещаю на всю страну, сея, так сказать, разврат и смуту.

Одним словом, арест гендиректора Казахстанского телевидения превратился в новость дня. С него начинались все информационные ленты. И во всем этом театре абсурда неизвестные режиссеры отвели мне ведущую роль. Я внутренне чувствовал, что она мне не подходит. Ну не тяну я никак на злодея международного масштаба. Кто я такой, если без дураков? «Веселый нищий. Безвредный насекомый». Разменная монета. Причем самая мелкая.

Тут цель была другая. Или цели. Покрупнее, надо полагать. Хотя формально я ведь был «человеком Алтынбека». Правда, не посвященным во все тайны мадридского двора. Ну а кто

там будет разбирать, во что я посвящен, а во что нет? Ходит в бани, играет в футбол, допущен к телу, значит, доверенный. Логика прокурорская по сути верная. Но нуждалась, конечно, в уточнениях.

Вот за этими уточнениями, надо думать, меня и повезли в неприметное здание на углу улиц Байзакова Абая.

Конечно, читателям хочется страстей. Живописных подробностей.

Вынужден разочаровать. Не было ничего такого. Меня не били, не пытали и иголки под ногти не загоняли. Все было чинно, благородно, но давление оказывалось нешуточное. Мне, во всяком случае, хватило. И надолго. Так что не стану я тут геройствовать.

Как ни странно, про Алтынбека меня не спрашивали, хотя я и ожидал. О нем вообще тут разговоров не заводили.

С Байзакова меня уже ночью перевезли в ИВС, что возле кинотеатра «Целинный». Там, в ДВД, спустили в подвал, велели раздеться донага, провели внешний медосмотр не прячу ли чего в интимных местах, сняли шнурки с ботинок и запихали в камеру.

Так, в одночасье, меня, что называется, спустили не то, чтобы с небес на землю, а даже глубже в подземелье.

«В хате» было откровенно тесновато и душновато. И народ в нем собрался, надо сказать, самый разношерстный.

Перезнакомились. Милая компания: воры, наркоманы, бомжи, аферисты, мошенники. Сюда пресса не поступала, и это, наверное, на тот момент было единственное место, где меня еще не узнавали в лицо.

Ближе к ночи стали устраиваться спать. Легли рядком на длинные нары.

Вынужден разочаровать. Не было ничего такого. Меня не били, не пытали и иголки под ногти не загоняли. Все было чинно, благородно, но давление оказывалось нешуточное. Мне, во всяком случае, хватило. И надолго. Так что не стану я тут геройствовать.

И тут у какого-то нарика началась ломка. Его в буквальном смысле выворачивало наружу. Как назло, он оказался без одной ноги и не мог самостоятельно сидеть на параше приходилось поддерживать.

И тут мне явилась еще одна истина: оказывается, не только в бане и на футболе все люди одинаковые. В изоляторе временного содержания тоже не считается, кем ты был до этого. Поэтому я оказался четвертым в очереди. Имеется в виду очередь из тех, кто должен был помогать «наркополоскуну» добираться до параша, как только его потянет «до ветру», и там держать его за плечи, чтобы он не свалился в дырку к своим экскрементам, извините...

Рассвет я встретил, таким образом, в не очень добром расположении духа.

А потом принесли завтрак кашу с воткнутыми в нее ложками без черенков. Внешне она была похожа на овсянку, но не овсянка это точно. И тут до меня окончательно дошло, что я в полной ж.е. И сочувствующие улыбки таможенников СолтЛейкСити я вспомнил тогда с особенной ясностью.

Прошло время. Не знаю точно сколько.

И тут меня вдруг неожиданно выпустили под подписку о невыезде. Вроде как Хитрин вмешался (тогда генпрокурор РК). До него достучались сочувствующие.

Началось следствие. Оно тянулось полтора года. Мне показалось вечность.

Вначале моим делом занимались комитетчики. Затем дело передали в ДВД. В конце концов оно оказалось в налоговой полиции, руководителем которой на тот момент был Рахат Алиев, и я ходил давать показания в серое здание по улице Барибаева. Это рядом с парком Горького.

В это же самое время Ерлан Абеневич решил откреститься от греха, в спешном порядке подготовил приказ об отстранении меня с должности, хотя следствие еще ничего не доказало. Кабинетик мой опечатали, а дощечку с именем и фамилией спрятали подальше с глаз долой.

Когда же я через полтора года, выбритый, выглаженный, с помытой головой появился в побеленных стенах родного «Казахстана», держа в папочке постановление о прекращении уголовного дела, не могу сказать, что тут мне сильно обрадовались. В особенности господин Сатыбалдиев.

А потом принесли завтрак кашу с воткнутыми в нее ложками без черенков.

Внешне она была похожа на овсянку, но не овсянка это точно. И тут до меня окончательно дошло, что я в полной ж...е. И сочувствующие улыбки таможенников Солт-ЛейкСити я вспомнил тогда с особенной ясностью.

Состоялась «теплая» беседа. В ходе которой стороны, как говорится, пришли к компромиссу.

Ерлан Абенович вытащил заготовленный козырь и начал с того, что «в результате внутренних расследований удалось установить», что я вел частные беседы по казенному сотовому телефону и должен внести в кассу корпорации сумму, потраченную на эти разговоры. А это 28 тысяч тенге. А вообще, «нам лучше расстаться, поскольку работать в тандеме мы уже не сможем». Борясь с невероятным искушением воткнуть Ерла ну Абеновичу в глаз остро наточенный карандаш, который лежал перед ним, я согласился. «Да, действительно, работать так дальше не имеет никакого смысла», сказал я и пошел к себе в свой запечатанный кабинет. Выломал замок и расположился в своем кресле. Мне хотелось провести напоследок несколько встреч с людьми, которых сотрудники силовых структур вынудили дать против меня «разоблачительные показания». (Делото мне дали почитать следаки.) Не то, чтобы я хотел устроить им там «железное болерро или краковяк вприсядку». Нет. Эмоций не осталось. Мне было просто любопытно. Мне хотелось посмотреть им в глаза и попытаться разглядеть в них раскаяние. Или хотя бы стыд. (Сейчас вспоминаю, думаю зря.)

Помню один из них заслуженный человек с проседью в волосах даже пустил скупую слезу:

Они сказали, что дочку мою из института попрут и жизнь ей испортят, если не подпишу...

Другой сказал, что ему до пенсии рукой подать, а тут такое.

Я постарался всех понять. Войти в положение каждого. По правде говоря, они то тут, по большому счету, ни при чем. Тем более их было много подписантов. Сработал стадный рефлекс. Ну или страх. Называйте, как хотите. Все это не ново.

Что радовало и вдохновляло: были и те, кто с самого начала за меня, что называется, впряглись. Тянули мазу. Поддерживали, как могли, не верили, что я украл, стащил, затарил.

Всех помню. Всем благодарен. Такое не забывается.

В итоге мне выплатили компенсацию. Я в ответ внес в кассу штраф за свои «частные разговоры» и в тот же день, написав заявление «по собственному», тихо прикрыл за собою дверь.

Деньги мне понадобились. Потому что борьба за восстановление справедливости требует, как правило, серьезных издержек. Квартиру пришлось продать. Машину тоже. Вообще, все, что можно было продать, я тогда продал. Надо было закрывать расходы по адвокатам, переводам, рассылкам, поездкам, встречам, объяснениям и прочей лабуде. К тому же у меня на тот момент родилась дочь. И помню, как-то я вышел на улицу за хлебом, выскреб из карманов все, что оставалось, и застыл в двух шагах от магазина. У меня набралось ровно сорок шесть тенге. Я стал лихорадочно соображать что купить: молоко или хлеб? На большее денег не хватало...

Деньги мне понадобились. потому что борьба за восстановление справедливости требует, как правило, серьезных издержек. Квартиру пришлось продать. Машину тоже. Вообще, все, что можно было – продать, я тогда продал.

И тут в моем воображении с хроникальной последовательностью стремительно стала отматываться назад пленка трехчетырехлетней давности.

Я вспомнил, как покидал страну с билетом в один конец, чертыхаясь от омерзения, как учился жить в Америке, не зная ни слова по английски, как сидел в мормонских церквях, слушая нудные проповеди священника, как снимал «коротыши» для мормонов, как ходил слушать блюз в «Черную вдову», как смотрел по вечерам на красивейший закат с высоты тридцать четвертого этажа, как радовался и жил полной жизнью и строил какие то планы и планы эти манили своими реальными перспективами.

Я вспомнил, как жил и кем был до этого дня.

Мог ли я тогда предполагать, что однажды вернусь домой, полный надежд и благостных ожиданий, готовый потратить силы на что-нибудь полезное, а вместо этого мне придется шлюмкать баланду в камере, долбиться полтора года в глухую стену, доказывая, что дважды два в моем понимании всегда было четыре, и в ужасе ждать, что день грядущий мне готовит. Заглядывать далеко вперед я тогда не решался, поскольку будущее мне светило не самое радужное обещали восемь лет с конфискацией. А дело в итоге закончилось тем, что меня заставили заплатить штраф (!) за разговоры по сотовому телефону.

Я задавал себе вопрос: а ради чего тогда все это было? И как вообще получилось, что здоровый образованный мужик, у которого было столько вариантов для построения красивой биографии, выбрал самый идиотский и теперь стоит посреди улицы, считает мелочь и не знает, как экономнее ее потратить...

Какой позор!

Я ненавидел свою ситуацию. Ненавидел город. Ненавидел страну. Ненавидел мерзкую погоду. Этот грязный снег. Эти неубранные улицы. Эти замызганные машины. Эти несчастных прохожих с их унылыми затюканными физиономиями.

Я ненавидел всех и все. Но больше всех я ненавидел себя. Я ругал себя самыми последними словами. За все. За доверчивость, за слепоту, за глупость, за свое старомодное понимание вещей. Словом, я стал превращаться в неудачника. Да я и был им, если уж называть вещи своими именами.

Я был на грани отчаяния. Я вообще не мог поверить, что все это происходит со мной. Неужели конторские такие дураки, думал я? Неужели они не понимали, что за тот короткий период (чуть больше шести месяцев работы) я смог бы украсть три с лишним миллиона долларов, как это было написано в обвинительном акте? Причем откуда? С телеканала «Казахстан»? Да там отродясь таких денег не было. А если и были, то до меня. В мое время там на зарплату еле хватало.

Ну ладно. «Подними руку и опусти» как говорил герой Шукшина. Надо было как-то жить дальше. А как?

И тут на выручку пришли друзья.

Кайрат Оразбеков, президент компании «Кайнур». Я когда-то играл за его команду в минифутбол.

Кайрат дал мне контейнер с «Галиной Бланкой». Была такая добавка куриная к супам. В маленьких брикетиках. Она меня и спасла.

Я ненавидел всех и все. Но больше всех я ненавидел себя. Я ругал себя самыми последними словами. За все. За доверчивость, за слепоту, за глупость, за свое старомодное понимание вещей. Словом, я стал превращаться в неудачника. Да я и был им, если уж называть вещи своими именами.

Я поехал на базар, расположенный на углу Розы бакиева Ташкентской, взял там в аренду место, разложил на столике свой нехитрый товар и, мучительно преодолевая остатки стыда и достоинства, напроочь растоптанные в следовательских кабинетах, стал торговать.

А там, где нет логики, вряд ли можно рассчитывать на справедливость.

Через пару месяцев «Галина Бланка» закончилась, и тогда Кайрат дал мне пятьдесят ящиков водки. И сказал, как Фрунзик Мкртчян Бубе Кикабидзе с колесом от КрАЗа в «Мимино»:

– На. Продай!

И я снова отправился на свой уже базар и стал продавать водку.

Вопросы гордости и самолюбия отошли на второй план. Надо было выживать. Надо было как-то справляться с положением. Потому что жизнь продолжается. И я не один. Есть зона мужской ответственности. И, главное, я на воле. И должен пытаться что-то делать. Брыкаться. Копошиться.

Но по ночам я часто просыпался в холодном поту. Мне казалось, что я до сих пор в камере.

Я помню, пока шло дело, постоянно менялись следователи. То ли текучесть у них такая, то ли никто не хотел особо заниматься моим делом. И каждый предлагал побыстрее сознаться, признать, тряс Уголовным кодексом, обещая услать в Сибирь «давить жопой клюкву за хищения в особо крупных размерах».

В тюрьму не хотелось, и я, как мог, цеплялся за свободу. Хотя, если по правде, не особо верил, что выкручусь. Потому что не видел логики. А там, где нет логики, вряд ли можно рассчитывать на справедливость. Мысленно я уже смирился, примерно предполагал, какой намотают срок, и решил построить напоследок мазар родителям в родном селе. Потом уже не будет возможности.

Кирпичи мне подарил Сержан Жумашов. Тот самый, которого сейчас многие ненавидят за то, что он возвел Esentai Tower, а потом хотел построить в горах курорт «КокЖайляу».

Десять рейсов на ЗИЛе к себе в аул я проделал с одним словоохотливым водилой. По дороге он все травил мне байки про то, как несправедливо осужденных эков вдруг освобождали, и я делал вид, что верю. Бодрости духа мне эти поездки не прибавляли. Тем более что конечной точкой нашего маршрута было сельское кладбище. Там мы и сгружали кирпичи.

Время от времени я звонил Алтынбеку. Он трубку не брал. Тогда мой двоюродный брат, известный писатель Баккожа Мукай, предложил позвонить от него. А лучше с домашнего телефона. Тогда, мол, Алтынбек возьмет.

Так и сделали. В назначенный день и час я пришел к Баккоже домой и набрал номер. Алтынбек трубку поднял.

Я спросил:

– Ты можешь мне объяснить, что происходит?

Он ответил:

– Ты сам во всем виноват.

– В чем именно?

– Со временем поймешь.

И бросил трубку.

Признаться, я до сих пор не очень понимаю подоплеку всей этой мутной истории. Хотя на многое, конечно, глаза у меня раскрылись.

К примеру, я понял, что, ложась спать, человек не может доподлинно знать, что с ним произойдет завтра. Что жизнь, какая бы она ни была, имеет свойство преподносить сюрпризы. И не всегда сюрпризы оказываются приятными. Что прописные истины потому и называются прописными, что их прописали «милion лет назад», но человека частенько подводит память.

Короче, я стал склонен к философии. К самокопанию.

Да, говорил я себе, скорее всего я просто оказался не в том месте в не самое подходящее время. Но я точно знал, что я не та фигура, из за которой стоило ломать столько копий.

Как я понял из того нашего разговора, Алтынбек вмешиваться не собирался и рассчитывать на него я больше не мог. То есть стойку держать придется теперь самому. В алтынбе-

ковских причинах копать мне не хотелось. У политиков они найдутся всегда. Тем более у больших политиков.

И тогда я уехал к себе в аул. Жизнь в городе была нам уже не по карману.

В поселке Первомайском, что в сорока трех километрах от АлмаАты, я снял неказистый домик, и мы стали жить там.

Если честно, я, наоборот, пишу по возможности кратко. Чего зря размазывать? Все равно, как мучается бык, знает только плуг.

Кто-то, наверное, подумает, что я так подробно описываю все эти события, чтобы показаться героем или вызвать сочувствие. Это не так. Смысл?

Если честно, я, наоборот, пишу по возможности кратко. Чего зря размазывать? Все равно, как мучается бык, знает только плуг.

Возможно, я сильно отклонился от темы, от нашей с Алтынбеком истории. Но из песни слов не выкинешь. Что было то было. И у меня нет цели собирать теперь дешевые дивиденды. У многих людей истории случались покруче и позабористее. Ну а моя такая. Попроще.

С машиной воевать сложно, пусть ее даже олицетворяют вполне конкретные персоналии.

Сегодня я ни о чем не жалею. И мне незачем придумывать слезоточивые легенды. Я лишь рассказываю, что было и как. Тем более многих уже нет в живых.

В ауле я занялся обычными колхозными делами: топил печку, убирал снег, ходил за скотиной, чистил сараи, колол дрова. Все, как в моем далеком детстве. И, надо сказать, мне это помогло отвлекся душой и мозгом.

Земляки расплачивались со мной натурой: молоком, творогом, сметаной. Хлеб я покупал в городе, куда ездил регулярно для дачи показаний.

Так прошло еще какое-то время. Я все так же ходил по инстанциям, обивал пороги больших и маленьких начальников, слал письма, прошения, заявления, обжалования...

Все это тянулось невыносимо долго и медленно.

Все-таки тяжелое это дело пытаться доказать бездушной системе, что ты не верблюд. Буквально каждый день ты засыпаешь и просыпаешься с одной и той же мыслью посадят не посадят? С машиной воевать сложно, пусть ее даже олицетворяют вполне конкретные персоналии.

И вот однажды я, как обычно, явился в главное управление комитета налоговой полиции по городу Алматы, зашел в знакомый кабинет, готовый к очередному длительному допросу, и тут вдруг мой следователь протягивает мне журнал.

– Прочитай и распишись, говорит.

Я пробежал глазами по строчкам и не понял. Вгляделся внимательнее. Снова прочитал, и опять не дошло.

А там было написано суконным протокольным языком следующее: «Уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ст.176 ч.3 УК РК, 10 февраля 1999 года в порядке ст. 37 ч.1. п.2 УПК РК прекращено производством за отсутствием в ваших действиях состава преступления».

Я прочел несколько раз подряд эту коротенькую запись, досадуя на свой мозг, с которым происходила какая-то странная аберрация. Я никак не мог въехать в нехитрый смысл прочитанного.

– Ну чего уставился? недовольно буркнул следователь. Все. Расписывайся. Дело закрыто. Иди домой.

Я почувствовал, как у меня подгибаются ноги, и опустился на краешек стула.

– Чего уселся? рассердился следователь. Подписывай, говорю, и вали отсюда.

Я расписался негнувшимися пальцами там, где мне указал следка, и с трудом поднялся.

– Что теперь? спрашиваю.

– Иди.

– Совсем?

– Ну да, заулыбался он. Или хочешь остаться?

– Нет.

– Ну и иди давай. Не мешай работать. Возьми вон постановление и катись.

Я взял бумажку с синей печатью, сунул ее себе во внутренний карман и пошел вон.

До Зеленого базара оттуда рукой подать. Я пробирался туда, как вор, прячущий у себя за пазухой украденную вещь. Я все боялся, что выроню эту бесценную для меня бумажку или еще как-то потеряю ее по дороге.

На базаре я нашел какой-то комок, в котором стоял ксерокс, и с ходу сделал с оригинала пятьдесят копий. И тут же рассовал их по всем карманам. На всякий случай. Если вдруг потеряю одну, то у меня останется еще сорок девять. И я смогу доказать, что я свободен. Что я восстановлен во всех своих правах. Что они все это время ошибались. Что они наконец то разобрались.

Словом...

Это была моя охранный грамота. Мое железное алиби. Мой непробиваемый бронежилет.

Все-таки интересно человек устроен. Я в тот момент не думал, что эта бумажка наверняка прошла множество инстанций, собрала множество подписей и наверняка над ней долго пыхтели, прежде чем дать ей ход. А значит, везде сохранились свой оригинал и копия. Но мне нужна была Моя копия и Мой личный оригинал.

И еще мне нужна была встреча с Алтынбеком. Все-таки он знал больше всех и мог бы мне наконец объяснить, почему они все спрыгнули, когда меня «закатывали в асфальт».

Алтынбек долго избегал встречи. Под разными предлогами. Потом мы наконец встретились. В Астане.

Я прилетел туда. Разговор длился не больше минуты. На улице. Перед зданием министерств.

Я был плохим директором. Во первых, я не знал правил игры. Во вторых, я вел себя нестандартно. То есть непонятно. Не носил никому конвертов, не дарил никому дорогих подарков, не угождал агашкам, не разливался сладким елеем на высоких приемах.

По ровному счету, разговора не получилось. Он снова повторил, что я сам во всем виноват и что повел себя неправильно и что если бы я был умнее, то стал бы народным героем.

Но я не собирался становиться тут каким-нибудь героем. Я просто приехал к себе домой сделать что-нибудь нужное. И позвал меня он сам. Искал, нашел и уговорил. Хотя я его об этом не просил.

Короче, ничего внятного я от него тогда не услышал, и мы расстались, так и не попрощавшись.

Сейчас я уже думаю, что Алтынбек был прав в одном. Я был плохим директором.

Во первых, я не знал правил игры. Во вторых, я вел себя нестандартно. То есть непонятно. Не носил никому конвертов, не дарил никому дорогих подарков, не угождал агашкам, не разливался сладким елеем на высоких приемах. Короче, по всем параметрам я был и остался человеком вне системы.

Не было во мне, да и не смог я со временем приобрести начальственный апломб. Вес. Степенность.

Не умею я жить за шлагбаумом и держать всех на расстоянии недоступной улыбки. Я так и не уразумел, что мироустройство по казахски не претерпело изменений со времен Абая. Система лишь модифицировалась и приобрела внешне благопристойный вид. Но она по-прежнему готова проглотить любого человека. Любое начинание. Любой незнакомый порыв.

Чужака эта система метит клеймом и тут же отторгает. Выталкивает. И это тот самый урок, который я вынес из своего заключения.

Ну что ж. Все уже в прошлом. Пора, пожалуй, закругляться.

Конечно, история наших с Алтынбеком отношений не такая кровопролитная, к коим нас прикормили, и не такая душещипательная, к каким мы привыкли. Но уж, как говорится, чем богаты. Были в них и радостные моменты, были и смурные. Всякое было. Выдумывать мне незачем. Подробности я опускаю. Это уже совсем личные вещи. И без того я чересчур тут разоткровенничался. Не знаю стоило оно того или нет? Просто слишком много разных версий и домыслов я слышал на наш счет. Захотелось внести ясности.

И, как мне теперь думается, история эта в каком-то смысле послужила началом конца. Далее уже последовали события, за которыми следила вся страна. И люди знающие понимают, о чем я говорю. Но это уже было без меня, потому что с Алтынбеком мы уже не общались. Не могу сказать, что мы расстались с ним врагами или я остался на него в обиде. Нет. Просто мы разошлись, и каждый из нас пошел дальше своим путем.

И все же я ему благодарен. Потому что он был хорошим другом. И он умел дружить.

И когда он меня выдергивал из Штатов, у него не было плохих мыслей. Были только благие. Я в этом уверен. Просто жизнь еще раз доказала, что всякий, кто прикасается к власти, не всегда понимает, что дракон бессмертен даже тогда, когда он убит.

А когда убили самого Алтынбека...

Когда его застрелили какие то ублюдки, в затылок, там, на горе.

Я уж и не помню, кто мне сообщил об этом. Помню лишь сидели в какой-то кафешке. Пили кофе. О чем-то болтали. И тут кто-то сказал.

Не хватило воздуха, подался на улицу. Пошел в ближайший сквер. Сел прямо в снег. Перед глазами поплыли кадры кинохроники. Вот мы на военке, изучаем зенитную установку, вот мы за общагой гоняем в футбол, вот дурачимся на полянке боремся, вот Москва, улица Шверника, эмгэушная столовка, Салтанат, студенческая свадьба в грузинском ресторане, мои часики, недовольный официант, АлмаАта, журнал «Арай» на Фурманова, «Горизонт», редакторский кабинет, тяжеловесные люди, Заманбек, что-то решительно внушающий Алтынбеку, Белый дом на горке, звонок в Америку, Астана, гладкие рожи разных правил, непонятки, недо-молвки, мутная история, последний разговор.

Не знаю, сколько я там просидел, на этом грязном снегу, отматывая пленку. Никаких мыслей в голове не было. Никаких чувств. Пустота.

Оглушило. И оборвалось внутри что-то. На полуслове. На полувздохе. Ведь мы так и не договорили. Не простили. И не простились. И какая теперь разница, кто из нас был тогда прав, а кто виноват? Ясно лишь одно: теперь мне с этим жить...

А потом столпотворение у Академии наук.

Я не смог подойти к телу. Просто не смог. И не потому, что на похоронах было много народу.

Я не стал толкаться и тихо ушел. И долго еще потом сидел в машине.

И у меня не было сил повернуть ключ в замке зажигания.

Вот так все это было.

А мазар родителям я все-таки построил. Ровно через год.

Не умею я жить за шлагбаумом и держать всех на расстоянии недоступной улыбки. Я так и не уразумел, что мироустройство по казахски не претерпело изменений со времен Абая. Система лишь модифицировалась и приобрела внешне благопристойный вид. Но она по-прежнему готова проглотить любого человека.

Любое начинание. Любой незнакомый порыв.

Кирпич одиннадцатый

С собой по душам

«Откровенность вовсе не доверчивость, а только дурная привычка размышлять вслух».
Василий Ключевский.

Когда пишу, я как бы затеваю разговор с собой. Не в том смысле, что потихоньку схожу с ума. Просто так больше шансов обмануть собственную ложь. Она ведь присутствует в каждом из нас. В той или иной степени. А так... не станешь же врать самому себе. Глупо. Хотя многие умудряются прожить так всю свою жизнь.

«Ауруын жасырган оледі», говорим мы. «Если замолчишь свою болезнь, помрешь». Примерно так.

Говорят: правильно поставленный вопрос это уже половина ответа.

Недавно я для себя понял. Все, о чем я думаю и о чем боюсь, сводится по существу к одному вопросу: что в нас не так? Затем следуют другие. Почему все так криво? Получится у нас или нет? Что такое вообще казахский образ жизни? Ну, Казахстанский, если хотите.

Разумные люди такие вопросы перед собой не ставят. Они благоразумно помалкивают. И правильно делают. Это мудрые умеют жить в мире с неразумными. У меня на это мозгов не хватает.

Ну и что делать? Как быть, когда тотальная ложь фактически стала образом жизни? Национальным брендом. Проявление свободы мысли и критической оценки ситуации воспринимается в штыки. И я понимаю, что с такими мыслями я всегда буду в меньшинстве. Но правда большинства меня не устраивает. И она, между прочим, никогда не была

Истиной. Бывают ситуации, когда «неверные» убеждения более искренни, чем «верные».

Может, Черчилль прояснит в чем-то ситуацию? Вот что он писал о России:

«Эти русские непредсказуемы. Они уморили своих крестьян голодом...

У них небольшая плотность населения, но и при этом они ухитрились загадить свою страну настолько, что теперь вынуждены покупать зерно.

В годы коллективизации от голода и лишений погибло свыше пяти миллионов казахов.

В 1956 году страна впервые сдала миллиард пудов зерна «в закрома Родины», а сейчас мы тот самый сырьевой придаток. Земля вокруг Семипалатинского полигона превращена в помойку, и до сих пор к нам возят на захоронение отработанный ядерный шлам.

Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая ранее всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха.

Сталин захватил огромную аграрную страну и превратил ее в сырьевой придаток и ядерную помойку. Через пару поколений они еще или уже деградируют и не смогут даже самосто-

ятельно добывать полезные ископаемые. Народ будет вымирать, а диктаторы и их слуги будут жить, покупая у нас предметы роскоши и продавая соседним странам концессии.

Для русских лидеров это самый выгодный бизнес. Так что если мы сможем предотвратить их военную агрессию, то в интересах Великобритании да и прочих западноевропейских стран сохранять СССР как можно дольше: это выгодная сырьевая база и хороший рынок сбыта морально устаревшей продукции. Кроме того, за символическую плату в Россию можно будет сбывать ядерные отходы.

Достаточно остановить советскую экспансию, и они уничтожат себя сами, без каких бы то ни было активных действий с нашей стороны.»

Прошу прощения за столь длинную цитату, но у вас нет ощущения, что Черчилль писал про нас? В качестве иллюстрации достаточно вспомнить факты.

В годы коллективизации от голода и лишений погибло свыше пяти миллионов казахов. В 1956 году страна впервые сдала миллиард пудов зерна «в закрома Родины», а сейчас мы тот самый сырьевой придаток. Земля вокруг Семипалатинского полигона превращена в помойку, и до сих пор к нам возят на захоронение отработанный ядерный шлак. Что касается «морально устаревшей продукции», то мы сильно помогли Европе и Восточной Азии, которые не знали, куда девать свои изношенные автомобили, всю свою устаревшую технику, и успешно сбавили нам. Весь этот технический мусор до сих пор находится у нас в эксплуатации. Мы давно превратились в мировой рынок сбыта с явным китайским креном. Из своего у нас только казы, карта и баурсаки.

Насчет того что «уничтожат себя сами», можно было бы, конечно, поспорить с сэром Черчиллем, но такого градуса озлобленности, как сейчас, такого отчаяния, пофигизма и неприязни ко всему происходящему в стране я раньше не наблюдал.

Между тем Черчилль писал обо всем этом не так давно. И вряд ли кто-то сможет обвинить его в глупости. Или в экстремизме. Британский премьер рассуждает весьма трезво, жестко, местами цинично. Но он политик. И он, как это ни обидно звучит, прав.

Да, жить в Казахстане стало лучше, но кому от этого стало легче?

При совке мы были рабами. И до совка мы были рабами. Потом мы получили независимость и шанс стать царями своей судьбы. Но испытание рабством это одно, а испытание свободой это совершенно другое. И мы к ней оказались не готовы. Мы не смогли понять и принять ее должным образом. Мы поняли свободу как вседозволенность. И мы слишком доверились нашим поводырям. Они оказались проходимцами. Банальными ворюгами с примитивными повадками. Мы забыли, что комсомольский кизяк в юности был обыкновенным дерьмом. А как возмужал, то окаменел окончательно.

И что теперь?

Теперь мы делаем неправильные шаги, потому что топчемся на месте. Мы хотим сразу сдвинуть гору, хотя еще не таскали камней. Мы ищем не там, где потеряли, а там, где нам вкрутили лампочку. Мы смешны и нелепы, потому что застегиваем ремни безопасности ради гаишников. Мы все время торопимся. Это говорит о том, что мы все время отстаем. Со стороны мы похожи на ребенка, который оказался в кругу взрослых и изо всех сил хочет походить на них. Хочет им понравиться. Наверное, это выглядит забавно, но мне почему то не смешно.

Мы давно превратились в мировой рынок сбыта с явным китайским креном. Из своего у нас только казы, карта и бурсаки.

Год 2012й

Кирпич двенадцатый

Мой многоликий аул

«Когда я за границей, я скучаю по Родине, а когда возвращаюсь я в ужасе от государства».

Михаил Задорнов

Одна из пятнадцати. вторая по величине после России. Девятая в мире. Народу меньше половины Токио. Амбиций на два Вашингтона. Из всех существующих «станов», пожалуй, самый репрезентативный.

Биография моей земли драма с элементами трагикомедии.

В последние два века здесь с поразительной быстротой менялись парадные вывески. Неожиданные экспозиции получали развитие во втором акте и неумолимо неслись к раз-

вязке сквозь череду головокружительных перипетий. И никто не мог предугадать, каким будет финал. Впрочем, думаю, и сейчас никто не возьмется его предсказать. можно лишь строить осторожные предположения, однако фантазии на этот счет нередко наказуемы.

Пару веков назад мы были колонией. Позже, в середине прошлого столетия, Казахстан стал ядерным полигоном. Военной базой советской армии. А чуть раньше тюрьмой и каторгой разных народов, сосланных сюда с насиженных мест...

Со временем моя родина перестала восприниматься как одна большая зона и приобрела вполне благозвучное название «Лаборатория дружбы народов». В этой лаборатории пришлые приспособились вполне комфортно соседствовать с местными, и бывшая ссылка стала для них вторым домом.

Жестокий эксперимент дал в итоге положительный результат. с точки зрения истории ничего удивительного не произошло. обычно случалось наоборот: пленники обустроивали территорию, на которую их изначально привозили в качестве рабов. Ассимилировавшись, они подминали коренных. в качестве удачного опыта часто приводят в пример вечного жида. Есть вариант и без подтекста: во всех уголках планеты имеются свои китайские кварталы.

Одна из пятнадцати. Вторая по величине после России.

Девятая в мире. Народу меньше половины Токио. Амбиций на два Вашингтона.

Из всех существующих «станов», пожалуй, самый репрезентативный. Биография моей земли драма с элементами трагикомедии.

У нас все так удачно сложилось из-за традиционно почтительного отношения к гостю. Тем более к лишенцу. Бутылка в этом деле тоже сыграла свою не последнюю роль. она оказалась главным доводом для установления контактов многих ни в чем не похожих укладов. Исторически «огненная вода» часто служила железным аргументом на стороне тех, кто ставил задачу порабощения.

Кстати, в заключении совета туркестанского генерал-губернатора есть такие строчки: «... Русские переселенцы страдают особым пристрастием к вину. с этим недостатком они не могут быть успешными колонизаторами края.»

Это 1911 год.

Потом были национализация, коллективизация, голод, репрессии, война, разруха. вновь менялись афиши. моя земля превратилась в одно большое кладбище. мой народ целенаправленно уничтожали. особенно старались, как это часто бывает, свои.

Прошел еще десяток другой лет. Лысые вожди приходили на смену усатым. кукуруза вытеснила пшеницу. Потом лысого сменил бровастый, и потихоньку все утряслось, и мы в конечном счете тепло обжились.

Затем случился беловежский передел. в результате на все пятнадцать республик обрушилась свобода, за которую больше всех боролись мы. Так, во всяком случае, утверждают наши нынешние летописцы. Что еще раз подтверждает банальную истину: история дама своенравная, но податливая.

Нынче, когда нам нечем хвастать в настоящем, мы зовем на помощь историю. но там тоже, честно говоря, хватает темных пятен. Просто осветители Акорды, выражаясь языком кино, научились так выставлять свет, что в результате в первую очередь бросаются в глаза «победительные» эпизоды. к тому же исторические факты имеют неприятную особенность они «изнашиваются». Поэтому историю приходится все время реставрировать. опять же, как правило, с точки зрения осветителей.

Запахло реальной свободой. Но тут, как назло, проснулись инстинкты. Они смешались с благоприобретенными советскими рефлексам. И случился сбой. И стало ясно: как бы по новому ни называлась теперь родина, природа наша осталась прежней.

Но не буду отклоняться. Буду о том, что произошло в последние двадцать с небольшим лет и о логике исторического провидения.

Заснув в одной стране, мы волшебным образом проснулись в другой. в новой, где, казалось бы, не останется ничего из того, что мешало нам строить жизнь самостоятельно.

Мы стали связывать свое будущее с последующими сказочными превращениями, потому что у родины вновь сменилась «обложка». нам показалось: если ее поменять, то вместе с ней сменится и содержание. Поэтому первым делом мы кинулись менять названия сел, деревень, городов и улиц. И хотя нам не стало от этого комфортнее по ним ездить, оставалась еще надежда, что понятия двадцатого века перестанут работать в веке двадцать первом. И действительно. обновилась лексика, обновились установки. Запахло реальной свободой. но тут, как назло, проснулись инстинкты. они смешались с благоприобретенными советскими рефлексами. И случился сбой. И стало ясно: как бы по новому ни называлась теперь родина, природа наша осталась прежней.

Осиротевшее хозяйство коммунистов не могло долго оставаться без хозяев. После непродолжительной, но кровопролитной драчки «руины империи» с приусадебными участками, заводы и фабрики, отрасли и выпасы короче, весь хлеб с икрой и маслом отошли к новым владельцам. Этот болезненный процесс внешне напоминал национализацию. с другой стороны, его не назовешь в полной мере мародерством. что-то вроде узаконенной клептократии.

Когда страсти за наследие социализма поутихли, распрямила плечи затаенная мечта обывателя. все самозабвенно занялись ее реализацией. Попробовали анчоусов с омарами. наездили по турциям и эмиратам. Заставили дома китайской мебелью. Приделались «как в журналах».

На мгновение выдержали паузу, чтобы перевести дух. неожиданно вспомнили Бога. Правда, не учли, что Аллах (Иисус, Будда) не делает никого лучше. он просто помогает стать не хуже. как, впрочем, и власть. она не способствует улучшению человека, равно как и не портит гражданина. но в ее силах создать условия, при которых присущее изначально человеку психическое не проявит себя в своей откровенной животной наготе. к сожалению, этого не случилось. Инстинкты победили.

На мгновение выдержали паузу, чтобы перевести дух. Неожиданно вспомнили Бога. Правда, не учли, что Аллах (Иисус, Будда) не делает никого лучше. Он просто помогает стать не хуже.

Кирпич тринадцатый

Спасение рядового Атабаева

«В Алматы в пятницу, 15 июня, сотрудниками КНБ задержан режиссер и оппозиционный политик Болат Атабаев.

– Меня при выходе из дома задержали сотрудники КНБ Нурғалиев и Кузембаев, сразу начали крутить руки и привезли сюда в наручниках. Сейчас я нахожусь в СИЗО КНБ по улице Карасай батыра. Мой адвокат не в курсе, мне не дали права на звонок адвокату перед задержанием, сказал Болат Атабаев корреспонденту радио «Азаттык» по телефону. Мне показали постановление на арест, не знаю, не говорили, пока повезут в Актау или останусь здесь.

Задержание оппозиционера подтверждают его соседи.

– Где-то после 10 часов утра, когда Атабаев вышел из подъезда и шел по тротуару, к нему подошли люди в гражданском и начали, заламывая руки, вести к машине. Начался шум, сбежались жители дома. Мужчины представились сотрудниками КНБ и попросили не шуметь, рассказал один из жильцов дома Олег Кусков...»

Из сообщений информантов когда я ехал к Атабаеву в актауский следственный изолятор, в голове было пусто. И такое состояние, будто врезался с ходу в стеклянную дверь. Прибыла фраза следователя, с которым говорил до этого: «12 лет без права на амнистию».

Его завели в наручниках, так что мы даже обняться не смогли. И взгляд у Болат ошарашенный смущение, радость, недоумение: а ты как здесь? волосы взъерошенные. одежда с чужого плеча.

О чем говорить? следы ухмыляются: «ни хрена у тебя не выйдет. он ни с кем не разговаривает. Бумагами швыряется». А до меня не доходит: как это? Почему человек решил закончить жизнь на нарах? неужели его высокий эгоизм настолько слеп, что он готов смириться с горем родных и близких? разве можно так легко разбрасываться жизнью? А театр? А вообще жизнь?

Мы проговорили часа четыре. один на один. Потом еще. И еще. никогда прежде мы не разговаривали с ним в таких тонах. видимо, обстановка располагала. «Декорации» самые что ни на есть фактурные: стол, два табурета, обшарпанные стены, решетки на окнах. Духота. какая-то противная влажность во всем. Даже сам воздух какой-то липкий.

Когда уже не хватает слов, отхожу к окну. Передохнуть. смотрю сквозь решетку.

Ласточки гоняются друг за другом в знойном воздухе. кричат.

Разливаю давно остывший чай. не потому, что хочется пить, а просто чтобы заполнить паузу каким-то простым привычным действием. начинаем заново.

Вот ты. Тебе шестьдесят. сахар, давление, нервы. Полгода и все.

Ну и что? Я готов.

А семья?

Они поймут.

А дело? А театр?

Значит, не судьба.

Слушай, может, ты денег кому должен? скажи. Пустим шапку по кругу.

Нет.

Не пойму: ты что, к власти рвешься?

Нет. Я хочу пойти на это судилище и превратить его в фарс.

Зачем?

Надо с этим что-то делать. надо менять.

Почему именно ты?

А кто?

Несколько дней в газетных заголовках и все. Тебя забудут.

А я это не для них, это я для себя.

Ты просто трус. Тебя щелкнули по носу, а ты и сдулся. сломался после первого же тычка.

Это ты так считаешь.

Справедливость капризная баба. Она любит правых.

– А правда сегодня не у тех, кто правее, а у тех, кто сильнее.

Я смотрю со стороны и мне виднее. Ты перепутал театр с жизнью. Тебе дорог твой личный понт. Ты в образе Прометея. но он тебе не идет.

Нет. нужно создать прецедент и тогда они задумаются.

Да никто на хер не задумается! скажут придурок! старый клоун. А твои партийцы набьют твой труп опилками и устроят пляски у костра с барабанами и бубнами. Ты этого хочешь?

Нет.

Тогда чего ты хочешь?

Справедливости.

Справедливость капризная баба. она любит правых. А правда сегодня не у тех, кто правее, а у тех, кто сильнее.

И что ты предлагаешь делать?

Надо становиться сильным. И тогда настанет время твоей правды.

А что сейчас?

А сейчас тебе могут отрубить башку. отдай им лучше руку и пойдем жить дальше.

А как же потом жить?

Ничего. Залижешься и будешь жить. Без руки. А без головы не проживешь. волки так делают, когда в капкан попадают. отгрызают себе лапу и уходят...

Пошел ты в жопу с такой философией! Тебя наняли каэнбэшники, и ты выполняешь их заказ!

Пошел ты сам! никто меня не нанимал! Я сам к ним пришел! Ты даже не знаешь, через что я прошел, чтобы попасть к тебе, идиот!

Зачем? Теперь ты замарался, дол.б.

Мне некогда было думать. надо было вытаскивать!

Я тебя об этом не просил. Забирай свою колбасу и катись!

Я без тебя не уеду.

А я никуда не пойду! Рахмет. И вали отсюдова.

Снова пауза. Я опять отхожу к окну.

Что делать? с одной стороны, бездушная машина (опера, следователи, надзиратели), с другой мой друг, режиссер, который возомнил себя спасителем нации и сам лезет в петлю. Первые выполняют свою работу и лишь пожимают плечами: мол, что мы можем сделать? второй, похоже, сшил себе расписной саван и теперь примеряет, любитесь, как он в нем будет смотреться со стороны...

Он:

– Между прочим, мне здесь нравится. Перловку дают. И потом я везде чувствую себя свободным.

Я:

– Только давай без патетики. Тут сцены нет.

Он:

– Какая патетика? вот смотри, я похудел.

Я:

– Болат, умные говорили: нужно умереть молодым, но сделать это надо как можно позднее.

Есть такая порода людей, которые не взрослеют и на которых все остальные ездят. А они и довольны тащить. И первыми в пекло, если надо, не задумываясь. И будут гореть синим пламенем, а те, что рядом, не станут тушить. Греться будут.

В Жанаозене, в городском департаменте кнБ, я разговаривал с операми, знакомился с материалами уголовного дела и чувствовал себя, как еврей, читающий труды Геббельса. на очередной странице мелькнула фраза из перехвата, которую произнес один из фигурантов дела и которую я запомнил: «хорошо, что Атабаева посадили».

Возможно, я ошибаюсь, но я смотрю на эти вещи так: одна компашка предприимчивых людей бодается с другой, не менее предприимчивой, за место под солнцем. А посередине, между ними, стираются в порошок легковерные простодушные идеалисты.

Я не хожу на митинги. у меня на это нет времени. Я выражаю свои мысли другим способом. Художнику не место на нынешних баррикадах, искусственно сооружаемых политтехнологами. Если Художнику есть что сказать, он скажет это на своем языке, и его услышат. не слышно толпу, потому что ее голос тонет в общем шуме. Художнику не надо исходить слюной на площадях или у каменных постаментов. Это не означает, что у Художника не должно быть позиции. она позиция должна быть, несомненно. своя. но не групповая. не партийная. Группой только пионеры ходили. Или разбойники.

И если даже твое мнение совпадает с мнением той или иной партии, это не означает, что ты немедленно должен становиться членом этой партии. Художник должен находиться над схваткой, чтобы не терять остроты зрения. Так он видит дальше. И зорче. И это его Видение одинаково важно для всех противоборствующих сторон. А как только он расположился у трибуны, все, он уже не Художник. он член президиума. Разница большая.

Декабристы понимали это и всячески старались оградить Пушкина от своего восстания. Так это декабристы! Аристократы духа. Интеллигенция в высшем понимании этого слова. образованнейшая часть общества с невероятно высоким пониманием жертвенности. с кем из нынешних можно провести такую параллель?

Когда я вижу, как лазает по деревьям Амантайкажи со своими разоблачительными простынями, когда мне попадаются на глаза крикливые заголовки оппозиционных изданий, я ловлю себя на мысли, что все это несет за собой ту же смысловую нагрузку, что и хабаровские агитки. одна и та же партитура, просто оркестранты разные.

– Художник должен находиться над схваткой, чтобы не терять остроты зрения. Так он видит дальше. И зорче. И это его Видение одинаково важно для всех п – противоборствующий сторон. А как только он расположился у трибуны, все, он уже не Художник. Он член президиума. Разница большая.

Что их объединяет? И там, и здесь звучит одинаково фальшиво. Вразнобой. музыканты плохо попадают в ноты. Разнятся лишь заказчики. В одном случае платит государство, то есть власть. В другом сочувствующий элемент. Бывшие казнокрады, коррупционеры, беглые коммерсанты, которые ради дела перекрасились в оппозиционеров. между ними происходит вялая грызня. оппоненты кидаются друг в друга кашками, которые с большим удовольствием поставляют им любители легкой наживы. Электорат наблюдает: какое никакое зрелище.

Бойцы с обеих сторон предлагают, как минимум, две правды. Первая лубочная. санкционированная правда официального ТВ. на другом полюсе одинокая воинствующая правда телеканала «к+». Есть их печатные клоны: благонадежная «казправда» и сермяжная «Республика».

В этом смысле художники могли бы взять на себя роль тех самых мостов, посредников в диалоге, но власть не придумала ничего другого, как откреститься от неугомонных, забыть несговорчивых и купить слабовольных.

Но существует еще одна правда. Простая и не придуманная. И эта правда имеет свое не загримированное лицо. она живет своей жизнью и даже не подозревает, сколько красок тратится иной раз на макияж. И зачем это нужно вообще.

Я понимаю, зачем эти полуправды создают себе в подмогу подпорки в виде партий и объединений. скопом легче. Хорошо бы при этом учитывать, что для простого обывателя главная партия это его семья. Он отстаивает ее интересы и кровно заинтересован в том, чтобы программа его партии реализовалась в полном объеме. Для этого ему нужны работа и достойное жалование, чтобы растить детей и постараться дать им хорошее образование.

В партии обычного обывателя нет места лжи и шатким позициям. И он на многое пойдет ради своей партии. И он за то, чтобы в стране действовала разумная власть. он кровно заинтересован в безопасности и стабильности. он за сильное государство, где действует разум правых. И хорошо бы, если его правду все понимали одинаково. но это, к сожалению, утопия.

Люди у нас в стране по большей части не верят власти.

Почему?

Потому что весь ее инструментарий свелся к невнятным бормотаниям отдельных идеологов или же, наоборот, к лобовой, если не сказать топорной, пропаганде через дискредитировавшие себя средства массовой информации. в этом смысле художники могли бы взять на себя роль тех самых мостов, посредников в диалоге, но власть не придумала ничего другого, как откреститься от неугомонных, забыть несговорчивых и купить слабовольных. в итоге у меня в телефоне оказалось всего три человека, которым я позвонил в первый же день с вопросом: «слушай, Болат посадили, что будем делать?»

Честно говоря, я не удивился, когда его закрыли. Такой человек не может просто нравиться или не нравиться, устраивать или не устраивать. Его надо терпеть. Или любить. Иногда это почти одно и то же...

Короче, Атабаева изолировали от общества. А общество от него. следовательно, он, как сформулировали в следовательских протоколах, «социально вредный элемент». он опасен. Как же так получилось, что театральный режиссер стал представлять опасность для общества?

Мне понятно, почему органы решились на столь радикальные меры. наверное, у них были основания завести в отношении гражданина Атабаева уголовное дело и тащить его, больного, по этапу в июньскую жару через весь Казахстан... Но у меня не укладывается в голове одна простая вещь. Я не знал, что в жанаозенских событиях виноват Болат Атабаев. Я думал другие.

На мой взгляд, заниматься политикой в Казахстане все равно, что работать санитаром в хосписе: кругом неизлечимо больные люди, и все обнадеживают друг друга несбыточными обещаниями.

Атабаев говорил мне: «Политика всегда будет рядом, и ты никуда от нее не убежишь». Ну что ж, похоже, Болатога оказался прав. Я проиграл. Ну а кто выиграл? Атабаев, что ли?

Ну и кому это нужно было?

Никто не задумывался, почему сотни, тысячи моих современников, казахи, выдающиеся ученые, математики, врачи, программисты, деятели культуры и искусства, работают нынче под чужими флагами?

всюду по миру встречаются мне бывшие земляки. многие из них размышляют примерно одинаково: выбор свой они сделали не потому, что разлюбили свою родину, а потому, что государство не смогло предоставить им необходимые условия. вот и уехали. Проще говоря,

страна отказалась от их услуг. она сама сделала за них свой выбор. По разным причинам. И что же получается? А получается грустно: наше Прошлое покоится на чужих кладбищах, а наше Настоящее томится в тюрьме или обитает на чужбине.

На мой взгляд, заниматься политикой в Казахстане все равно, что работать санитаром в хосписе: кругом не излечимо больные люди, и все обнадеживают друг друга несбыточными обещаниями.

Да, трудно уважать наше государство. Не заслуживает оно уважения. Поскольку само не уважает своих граждан. И они, пожалуй, тоже не заслуживают уважения. За что их сегодня уважать? Так что стоит задуматься: прежде чем повышать в стране рождаемость, неплохо было бы вначале понизить вырождаемость.

Есть такие семьи: не могут друг без друга, родня все-таки, но и вместе жить немогуту. кровь связывает. но и через нее мы уже, оказывается, готовы переступить (стреляли же по своим). И пока я в Жанаозене читал материалы по делу Атабаева, то поражаюсь: как много в нем символических моментов, особенно в той его части, где жизнь театр.

Но никто, наверное, не будет оспаривать того факта, что Атабаев явление в нашей культуре. Творцов у нас хватает. Я бы даже сказал их много. А вот Личностей мало. Атабаев талантливый художник.

А вы знаете, что театр зародился почти одновременно с демократией? в Древней Греции. Правда, демократия там была своеобразной. как и театры. к примеру, в одном из театров Ионии был особый ряд для одноруких воинов. Перед ними сажали лысых рабов. Зачем? Шлепая по их лысыням, воины аплодировали. невольно напрашивается аналогия: контора не знала, как поступить с Атабаевым. в итоге закрыла, поскольку он сам это спровоцировал. Что же остается нам, зрителям? Аплодировать? как тем воинам калекам?

Можно спорить на тему политических взглядов Атабаева. можно поговорить о его вздорном характере. о его несносной натуре. но никто, наверное, не будет оспаривать того факта, что Атабаев явление в нашей культуре. Творцов у нас хватает. Я бы даже сказал их много. А вот Личностей мало. Атабаев талантливый художник. Почему мы не считаемся с этим бесспорным обстоятельством? А оно определяющее. Или у нас все так замечательно в театре? в искусстве? в культуре как таковой?

У нас сейчас в ходу такие кодовые понятия, как благонадежность, лояльность, чинопочтение. А что делать, если он не такой, как все?

Не таких, как все, казнят. Это правило. оно подтверждалось всей предыдущей историей человечества. но дело в том, что на плаху таких людей мы ведем толпой, ибо не ведаем, что творим. Был, конечно, Сталин со своей паранойей. в нашем случае он не совсем подходит, но в связи с ним мне вспоминается другое театральное Имя.

Мейерхольд.

Режиссер реформатор. Оригинальный постановщик... Закончил жизнь в изоляторе. Его расстреляли 2 февраля 1940 года. Перед расстрелом долго пытали.

Вот что он писал в своем письме товарищу Молотову:

«.. Меня здесь били больного шестидесяти шестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (.) Боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток.»

После трех недель допросов Всеволод Эмильевич подписал все нужные следствию показания.

Вспоминается жизнь и другого большого режиссера каплера. Его судьбу я знаю подробно от своих учителей. валерий Фрид учился у Алексея Яковлевича, потом тянул срок с ним в Инте, а потому знает многие детали каплеровского дела.

Так вот, Люся (так называли каплера друзья) был арестован в 1943 м, обвинен в связях с иностранцами и выслан на пять лет в Воркуту. на зоне работал фотографом. в 1948 году вернулся ненадолго в Москву, где вновь был арестован и отправлен в исправительно трудовой лагерь.

Сколько их пропало! носителей Знания. Просветителей. сколько слов проговорено на эту тему, а что толку? кто в итоге выиграл? Лишь упорно подтверждается старая истина: мирно живут лишь те, кому не за что драться.

Вот за что дрался, например, Мухтар Ауэзов?

В декабре 1919 года он работал в должности заведующего Инородческим подотделом Управления областного ревкома. («выходит, служил режиму», сделают вывод особо пристрастные.) в июле двадцатого его повысили до должности заведующего отделом. казалось бы, чего еще, живи себе. нет. в мае следующего Ауэзова арестовали «за неприятие энергичных мер по проведению в жизнь мобилизации киргизского населения».

После отсидки он вернулся и начал все с нуля. Дослужился до председателя семипалатинского губ исполкома. очень хлебная должность по тем временам. но вот мысли. взгляды. Рефлексии. к тому же человек творческий. Пишет. словом, Ауэзов оставил службу и стал публиковаться в журнале «Шолпан». Через некоторое время его исключили из партии большевиков за «нарушение партдисциплины и проявления национализма».

Начались гонения. стали пропадать друзья и соратники. Потом памятное знакомство с Ильясом Джансугуровым, которого расстреляют в 1938 году «за шпионаж в пользу Японии».

Не жизнь, а кошмар. А все зачем? Ты же Художник. Занимайся своим делом и не вмешивайся.

Между прочим, Пушкин, если уж я его помянул, придерживался именно такой точки зрения. невмешательства. но его тоже, что называется, вовлекли.

Сколько их пропало! Носителей Знания. Просветителей. Сколько слов проговорено на эту тему, а что толку? Кто в итоге выиграл? Лишь упорно подтверждается старая истина: мирно живут лишь те, кому не за что драться.

«Доброжелатели» сообщили властям, что у Пушкина есть «запретные тексты». Поэту грозила «исправительная» ссылка в соловецкий монастырь. но Пушкин, как мы знаем, был не дурак. он сам явился к столичному генералгубернатору м. А. милорадовичу и добровольно сдал тексты запрещенных стихотворений. Благодаря этому (а также заступничеству карамзина) весной 1820 года он отбыл в «мягкую, воспитательную» ссылку на юг. но любая ссылка, пусть и «мягкая», все одно наказание. А в Петербурге бурила жизнь. Декабристы собирались в тайные общества, вели разговоры на крамольные темы. Пушкин был близок со многими из них, переписывался с членами северного общества. впрочем, взгляды о месте Художника в обществе не разделял. Для поэтов декабристов литература была средством достижения политических целей. Для Пушкина она всегда оставалась таинственной областью «вдохновения, звуков сладких и молитв».

Позднее, уже в михайловском, до Пушкина дошла весть о подавлении восстания. Пять человек были казнены. сто двадцать сосланы на каторгу. среди них были его близкие друзья по лицу Пушин и кюхельбекер. Дело осложнялось еще и тем, что в бумагах почти каждого декабриста нашли произведения Пушкина, поэтому для его ареста были все основания. но николай I, зная о влиянии поэта на образованную часть общества, не пошел на это.

Оглушенный жестокостью властей, Пушкин позже напишет: «Я презираю отечество мое с головы до ног...»

Что я хочу сказать?

Большие художники часто оказываются в центре политических склок, и такая печальная закономерность живет издавна. нередко им приходится делать непростой выбор между личными отношениями и гражданской позицией.

Меня слегка смущает: почему мы вдруг стали так бережно относиться к нашей недавней истории, совершенно бездумно относясь к истории настоящей? Почему мы так легко уничтожаем героев нынешних, – чтобы наверняка возвеличить их потом?

В рядах Алашорды были и профессиональные политики, и большие художники. Далеко не на все явления жизни они смотрели одинаково, хотя и дружили. Часто спорили, а иногда даже оказывались в разных окопах. в итоге проигрывали все. И за каждым значительным именем стояла своя история. своя трагедия. Букейханов, Байтурсинов, омаров, кадырбаев, Дошанов, муратбаев, Рыскулов, сейфуллин, Шокай, Тынышпаев, Досмухамедов...

Список неполный. Их именами мы сейчас называем улицы своих городов. меня слегка смущает: почему мы вдруг стали так бережно относиться к нашей недавней истории, совершенно бездумно относясь к истории настоящей? Почему мы так легко уничтожаем героев нынешних, чтобы наверняка возвеличить их потом?

Да, Атабаев не подарок. он не ужился ни в одном из наших «официальных» театров. Его многие не любят и не переваривают. И я их по человечески понимаю. Атабаев часто бывает невыносим. он слишком много знает и слишком много говорит. но вот что писал Чаадаев в своих дневниках: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать».

У Атабаева, как назло, хорошее образование, и он это всякий раз демонстрирует. Германия наградила его медалью Гете. он первый казах, которому германское правительство официально присудило такую высокую награду. А что же мы? А мы совместными усилиями подвели его под монастырь. И арестовали за убеждения. Редко в наше время встретишь людей, сидящих за убеждения. обычно у нас сажают воров и взяточников. Причем ворами у нас зачастую называют не тех, кто своровал, а тех, кто попался.

А потом произошло то, что знают все. И дальнейшее развитие событий окончательно утвердило меня в том, что правда имеет не очень высокую цену в нашем обществе. обычно ее используют в качестве разменной монеты. И это поразительно. мы вернулись с ним домой, и разговоры вокруг его возвращения перешли вдруг в плоскость базарных выяснений. А как его выпустили? Почему? как такое могло произойти? кто заставил Атабаева пойти на сделку с властями? Турсунов, агент КНБ? Атабаева завербовали и он сдал всех остальных? Он проданся...

Получается, что все эти петиции, все эти сборища и возгласы: ах, такого человека (!), такого режиссера (!), с таким здоровьем (!) запихали в зиндан, да как они посмели, царские сатрапы, куда смотрит мировая общественность.

Вся эта страстная божба оппозиции, как оказалось, опять же, всего лишь повод пошуметь? Значит, он не нужен им на свободе? он нужнее им там, под арестом? нужна была жертва с именем? И пока Атабаев будет шлюмкать лагерную баланду, они здесь будут водить хороводы с транспарантами, размахивать флагами и орать в мегафоны заготовленные кричалки? сценарий сломался.

Я не говорю, что оппозиция не нужна. она нужна. она должна быть в этой стране, завешанной из конца в конец изображениями первого лица, в стране, погрязшей в коррупции и кумовстве, с удручающим уровнем образования и культуры, с низким потолком общественного сознания и общественного этикета. Да, оппозиция нужна.

Но не такая бестолковая деструктивная, несерьезная, шутовская. Даже если представить, что ей вдруг дать по рулить страной, то, думаю, через месяц другой они перегрызутся за портфели. Так что ничего толкового из этой затеи не выйдет. нет там никакого единства, а есть чьи то уязвленные амбиции. мало там таких, кто понастоящему болеет за этих несчастных семнадцать миллионов. не случайно многие деятели оппозиции постепенно перешли на сторону власти. Значит ли это, что они предали Идею? не исключено. но, полагаю, власть во многом сама создала себе оппозицию. Так удобнее. И спокойнее.

Хотя можно допустить и обратное: человек понял, что ошибся и оказался не с теми. он понял, что в этой беспомощной компании мало чего добьешься, и пошел в другую. Там он нужнее и пользы принесет больше. кому себе или власти это уже вопрос другой.

Я лично сторонюсь политики. стараюсь держаться от нее подальше. но, оказывается, даже Пушкин заблуждался: невозможно все время бежать от политики. Поэтому мне остается лишь обратиться к соратникам Атабаева, к оппозиционерам всех мастей и оттенков ну и заодно к силовикам следователям, оперативникам, прокурорам. ко всем тем, кто в этом деле оказался по разную сторону баррикад: «ребята! оставьте Атабаева в покое. Дайте ему заняться тем, чем он должен заниматься в первую очередь. он еще пригодится всем нам».

Что касается всего остального, то вы, наверное, думаете: вот, мол, свалил все в кучу и древние греки тут, и Пушкин, и АлашОрда. При чем здесь мы?

А при том, что ничего не изменилось со времен тех самых греков. мы забыли, что власть и Художник это вечное противостояние. Такова природа вещей. При обязательном условии что это настоящий Художник, а не прислужник. И не надо его поджигать, он сам порох. Его самый верный соратник одиночество, а к одиночеству партбилет не прилагается.

У хана всегда был рядом акын. Жырау. Поэт. который мог и должен был говорить правителю правду. Иногда за это награждали. случалось отрубали голову. Зависело от мудрости хана.

Мне не хочется употреблять выражений, что называется, с запашком. Как то: кровавый режим, политические репрессии, тоталитаризм... не стоит нагнетать. И я не собираюсь апеллировать к Западу им нет до нас никакого дела. У них по любому поводу свои расчеты. но факт остается фактом: если в стране сажают в тюрьму большого Художника, значит, не все в порядке в этой стране. И в этом нельзя винить только одну сторону. И я не хочу, чтобы казахская история до назарбаева выглядела, как жоктау с перерывами на юбилеи, а после превратилась в одно уголовное дело. Я хочу, чтобы сбылась программа обыкновенного гражданина Казахстана. Я хочу, чтобы государство научилось его уважать и ценить. Тогда есть шансы, что он ответит ему тем же. Пока же нам далеко до таких взаимоуважительных отношений.

Что касается места и дела Художника, то оно может быть где угодно: под запретом, на полке, в архивах, под сукном. но я твердо знаю одно: нельзя лишать Художника свободы.

Я лично сторонюсь политики. Стараюсь держаться от нее подальше. Но, оказывается, даже Пушкин заблуждался: невозможно все время бежать от политики.

Кирпич четырнадцатый

Жизнь как мероприятие

«Какое время на дворе таков мессия».

А. Вознесенский

Как-то один из моих знакомых олигархов на одной скромной посиделке, доверительно приобняв меня за плечо, произнес сакраментальную вещь:

– Ереке, сказал он, ты говори, говори, не бойся. все, что ты говоришь, мы разделяем.

– Что именно?

– Ну, о ситуации в целом.

– Серьезно?

– Да, вздохнул он. мы все так думаем, просто сказать не можем. Ты ведь понимаешь: нас за это по головке не погладят, а ты творческий. Тебя не тронут. Да и терять тебе нечего.

Замечательно сказал, считаю. во всяком случае, искренне.

А вообще я заметил: многие мои знакомые употребляют слово «творческий» в значении «малохольный». как бы не в себе человек. у него, знаете ли, такая легкая форма психического расстройства. местный дурачок. Шумный, но безобидный.

Возможно, в чем-то они правы. с картиной нынешнего мироустройства я действительно не в ладах.

Если честно, мне бы тоже хотелось оказаться в статусе когда есть что терять. когда «нечего терять» скучно. Гражданское мужество твое

Лишается диссидентского флера. но в словах моего доброго приятеля присутствовала суровая правда. Жаль, конечно, но это так.

С другой стороны, что значит «нечего терять»? Деньги, конечно, сила, но нельзя же все измерять в деньгах. Есть вещи, которые в деньгах не оценишь. Другое дело, когда у нас уже сформировалась в обществе установка, что все сводится в конечном счете к деньгам.

А как же чувства, вспомнят некоторые. Любовь? Уважение? Дружба? Свобода?

Ерунда. Просто этот романтический список идет по другому прайсу. Поэтому, если уж речь зашла о ситуации в целом, тут и в самом деле есть что сказать.

При таком раскладе я не за тех и не за этих. не за черных и не за белых. не за правых и не за левых. Я за правду. А правда состоит в том, что в датском королевстве давно уже все смешалось. И трудно разобрать, где правда, а где кривда. начнем с простого.

Вот кто мне объяснит что мы построили? в двух словах, просто, не сильно умничая.

Признаться, у меня заготовлены и другие вопросы. к примеру.

Разве можно такое вообще построить? И если это так, то неужели мы строили Это? Строить так значит строить против логики. Такое не строится. Разве можно осознанно построить хаос? Разве можно планомерно организовать абсурд? наверное, это наше особое понимание миро-порядка?

При таком раскладе я не за тех и не за этих. Не за черных и не за белых. Не за правых и не за левых. Я за правду. А правда состоит в том, что в датском королевстве давно уже все смешалось. И трудно разобрать, где – правда, а где кривда.

Хотя... определенный смысл в происходящем найти все-таки можно. Просто некая группа людей решила колонизировать страну и выжать из нее все. Именно колонизировать не иначе. И параллельно держать индейцев в страхе и подчинении. И методы соответствующие, естественно. Так что ничего удивительного в происходящем я не нахожу. Более того, у этой рок панк группы есть свой «дирижер». И внешне все выглядит вполне прилично. музыка их, правда, достала, но звук приглушить никто не берется.

Ну, хорошо, давайте попробуем без эмоций. как это произошло и что за всем этим стоит?

Вот у нас невероятное количество газет с журналами. А читать нечего. как так? Парадокс.

Все этих шутов и скоморохов раньше при дворах держали рядом со скотом. Нынче они пример для подражания.

Кумиры.

В них работает огромное количество профессиональных журналистов. о чем они пишут? Для кого? И для чего? Тоже странно.

Далее.

У нас куча сайтов, которые возникают и исчезают с перманентной периодичностью. на них пасется определенное количество читателей. все остальные а их большинство даже не знают об их существовании. Получается, это тоже некий закрытый клуб, своя тусовка, где штатные авторы являются одновременно и штатными читателями.

У нас непонятное количество телеканалов. Я не знаю точно сколько. А кто живет в нашем телевизоре?

В нашем телевизоре живут две категории героев: люди с человеческого дна, бомжи, проститутки, опустившиеся алкоголики, наркоманы и звезды, от которых в небе нашем все так тускло и беспросветно. Телевизионщики пытаются убедить нас в том, что они, эти звезды, наше все. Их личные жизни изучаются под увеличительным стеклом: где родилась, с кем развелась, от кого родила и с кем теперь живет.

Все этих шутов и скоморохов раньше при дворах держали рядом со скотом. нынче они пример для подражания. кумиры.

Когда, с какого времени они стали властителями дум? все эти эксперты, заседающие во всевозможных жюри, какие то стилисты, дизайнеры, продюсеры и типа певцы, на полном серьезе рассуждающие о вещах, в которых они, вращающиеся в своем убогом замкнутом кругу, ничего не смыслят. А ведь если разобраться, всю эту воинственную пошлятину надо увезти за сто первый километр и там держать под большим замком.

Все это называется информационным полем. мы в этом поле живем. как в душном алма-тинском смоге. Принюхались, придышались. вроде как не смертельно, но жизнь отравляет. впрочем, говорят, если цианит употреблять в малых дозах ежедневно, организм постепенно свыкается.

Не ручаюсь за точность формулировки, на себе не проверял, но сравнение вполне подходящее. музыка давно стала врагом человека. она лезет из всех щелей. Хотя, по сути своей, музыкой не является.

Это так. Фон. Чтобы не быть одному. Яркое тому подтверждение весь наш тойшубизнес. назвать это ужасом я не берусь. Я просто пытаюсь понять, что это такое вообще казахский образ жизни? (ну, хорошо, пусть Казахстанский.)

Характеризуя нынешнюю российскую действительность, известный российский психиатр Александр Бурхановский выделил две проблемы: деградация и дебилизация. Полагаю, все это применимо и к нам. возникает вопрос: это делается намеренно или все-таки случайно, по

незнанию? вроде бы с высоких трибун ставятся задачи весьма претенциозные, но кто их будет осуществлять? вот эти, что ли? Или те, кто на них смотрит и «васхищается»? Еще один парадокс.

Теперь предметно.

Представим молодую семью, которая живет в таком вот поле. У них родился ребенок. Чтобы вырастить его и поставить на ноги, им придется преодолеть невероятное количество искусственных преград.

Ну, во первых, вряд ли они смогут устроить ребенка без взятки в хороший садик. Помимо взятки существуют разные сборы.

Затем школа. Там то же самое, но с другими тарифами. современная школа это следующий уровень моральных унижений. вряд ли они найдут такую, где бы работали не озлобленные нищенскими зарплатами учителя.

Потом вуз.

Где в Казахстане остался такой вуз, в котором не разводят экзамены и зачеты? может быть, есть такой? Я лично не знаю. можно, конечно, не мучиться и сразу купить диплом. но чего в действительности стоит диплом, за которым нет реальных знаний?

И вот этот малообразованный полуспециалист, прошедший азы Казахстанской школы выживания, ни на секунду не расстающийся со своим айфоном, где записана вся эта «звездная муть», идет на работу. Допустим, в медицину... И долго тычет там иглой в поисках вены.

Или же в силовики. Бороться с преступностью в среде преступников.

В школу учить других детей тому, в чем сам мало что соображает.

Словом, он делает шаг во взрослую жизнь.

Но на этом уровне возникает новая цепь вопросов.

Сколько надо дать, чтобы устроиться на работу? в каждой сфере давно уже действует свой тариф. А надо ведь еще попасть в нужную команду. у нас ведь клановый стиль существования. По другому не выживешь. не будешь в команде, не будешь нигде. Просто хороший специалист не нужен. Хотя, как правило, работу всего отдела тащит именно такой фанатичный головастик. один. Это как во времена большевиков.

Характеризуя нынешнюю российскую действительность, известный российский психиатр Александр Бурхановский выделил две проблемы: деградация и дебилизация. Полагаю, все

это применимо и к нам.

Чтобы не гробить всю налаженную систему сразу, старых спецов до поры до времени оставляли на работе.

Что все это значит?

Это значит, что мы еще не вышли из дворового возраста, когда прав сильный. А кто у нас нынче сильный? Тот, кто у власти. А кто нынче у власти? Богатый. А кто нынче богатый? мы их знаем. как они стали богатыми? об этом мы тоже догадываемся. Лишь считанные из них заработали свои состояния по честному. на остальных денежки свалились в результате мутных движений.

Что пришлось преодолеть всем этим хозяевам жизни на пути к своему богатству? много чего. они действительно упертые люди. они прошли все: унижения, оскорбления, уничтожения и прочие страдания морально-нравственного и даже физического порядка. как итог: они уже привыкли жить и здравствовать в определенной позе.

Что в них воспиталось за все это время на пути к вершине пищевой пирамиды? Злоба, цинизм и спесь. как будет вести себя злобный, циничный, спесивый и богатый человек в той или иной ситуации? Правильно по ситуации. Тем более что ситуацию эту они создали сами. Потом они быстренько в ней мимикрировали и прекрасно себя ощущают в новой среде. новая среда это наше государство. И здесь не важен масштаб. важен принцип существования.

Недавно я где-то прочел: более тридцати процентов Казахстанской молодежи хотят покинуть Казахстан. Что означают эти тридцать процентов в широком смысле?

Те, кто в силах уехать, в большинстве своем ребята активные, способные, как правило, из состоятельных семей. Это не значит, что те, кто остается, плебс. нет. Просто это уже не лидеры. Это люди другого качественного порядка. А это значит, что у нашей страны тяжелые перспективы. Те детки, что являются ровесниками нашей независимости, начали уже свои служебные карьеры. с каким багажом знаний они их начали я уже сказал. С чем они столкнулись при трудоустройстве тоже.

А кто будет управлять тогда этой страной? Те, кто нынче носит портфели за своими боссами. Что это за люди? в какой среде они обитают и что они видят? какие понятия формируют их взгляды на жизнь?

Я не нагнетаю. И не расшатываю лодку. Дело в том, что у этой лодки давно пробито днище, и мы медленно идем ко дну. мы, собственно, уже там. Просто мы так боимся его пугающей темноты, что боимся лишний раз туда заглядывать.

Некоторые говорят: «Подождем, когда он уйдет».

Мне удивительно. ну и что? Что вам с того? Что изменится? Проблема то уже не в нем, а в нас. Система уже выстроена. она называется монархическая клептократия, если по умному. Чтобы ее изменить, нужен Ли куан Ю. Или Ганди. И не один Ганди, а несколько. один не справится. Его съедят свои же. нужна команда единомышленников с чистыми руками и прозрачной совестью. Для появления таковых никаких предпосылок я не вижу. Поэтому, как реалист, я не могу утверждать, что дальше будет хуже. но лучше вряд ли. Посадив репей, ты не можешь надеяться, что вырастет роза.

А кто будет управлять тогда этой страной? Те, кто нынче носит портфели за своими боссами. Что это за люди?

В какой среде они обитают и что они видят? Какие понятия формируют их взгляды на жизнь?

За нынешними агашками партшколы. А за партшколой опыт и реальное умение действовать. они и действовали. никто из них не сидел сложа руки. они сделали все, что смогли: обеспечили детей кое-каким барахлом, продали все, что можно было продать, и купили все, что можно было купить. Следующее поколение управленцев затюканные ущербные рвачи, подпорченные вирусом каннибализма. не все, конечно. не все. но в подавляющем своем большинстве. А большинство, как известно, это ржавчина. Плесень. А плесень непобедима. Из этого мы выходим на следующий разговор о несовершенстве власти.

Вы знаете, у всякой власти есть свои несовершенства. власть в принципе не может быть по своей природе совершенной. но из всех властей я бы лично предпочел несовершенство европейской власти.

Однако тут есть одно «но». одно должно соответствовать другому. наше население, я сознательно не употребляю слово «народ», не может претендовать на европейскую власть. нет для этого никаких оснований, товарищи. казахская интеллигенция, читай элита, аристократия, в основе своей до сих пор живет с фольклорным сознанием: когда прав бай или байский сынок. к тому же сознание это отягощено пост колониальным синдромом.

Некоторые говорят: «По дождем, когда он уйдет». Мне удивительно.

Ну и что? Что вам с того? Что изменится? Проблема то уже не в нем, а в нас. Система уже выстроена. Она называется монархическая клептократия, если по умному. Что бы ее изменить, нужен Ли Куан Ю. Или Ганди. И не один Ганди, а несколько.

Все остальные, скажем так, пассажиры нижней палубы, проблемами высшего порядка не интересуются. Это значит, что ни те ни другие никогда не сунутся с претензиями к пассажирам первого класса. они будут кушать свой бешбармак, ходить на свои тои и горланить свои песни. Это значит, что они будут цепляться за свой хрупкий мир, полагая, что в этом относи-

тельном спокойствии и кроется истинное счастье. Это значит, что рабами можно оставаться и в свободной стране. можно даже любить свои оковы, покрыв их медным налетом. оттого на концертах кайратнуртаса полный аншлаг. Это как раз таки не феномен, как считают некоторые. И не явление. Это диагноз.

Помнится, как-то Бибигуль Ахметовна Тулегенова неосторожно высказалась, что не считает этого орла певцом, так на нее накинулись всей стаей фанаты «звезды» и чуть не заклевали. Это я к чему?

Когда умерла Жанна Фриске, вой, который подняли российские СМИ, тут же подхватили местные и на все лады оплакивали средненькую, в общем-то, певицу. когда умер Герольд Бельгер, последний честный человек в этой стране, воя не было, а были скромные похороны. на второй день о нем все уже забыли. Это тоже диагноз.

Что в итоге?

В итоге о Блоке.

Неожиданно, да? А я сейчас часто думаю о нем.

Мы потеряли начало начал. Мы потеряли нравственные ориентиры. Мы потеряли понятия о чести и совести.

Мы забыли, как выглядит правда. Мы забыли, чем она вообще отличается от правдоподобия.

Когда революция, которую Блок очень ждал, победила, в стране наступили тяжелые времена. Голод. Разруха и т. п. Чтобы как-то прожить, Блок читал лекции о западном искусстве матросам и красноармейцам. Ему платили булкой хлеба и куском рыбы. он почитал так некоторое время свои лекции в махорочном дыму, среди харчков и матросского мата, а потом вдруг заболел. неизвестной болезнью. врачи никак не могли установить причину. Так и умер. Пришел домой, лег на кровать и уже не смог подняться.

«Поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем». Эти слова, сказанные Блоком на пушкинском вечере незадолго до смерти, быть, может, единственно верным диагнозом его болезни.

В пушкинской своей речи Блок еще говорил: «Покой и воля. они необходимы поэту для освобождения гармонии. но покой и волю тоже отнимают. не внешний покой, а творческий. не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл».

Чуть позднее Андрей Белый в письме в. Ф. Ходасевичу рассказывал: «Дорогой Владислав Фелицианович... Блока не стало... Умер он в полном сознании. Эта смерть для меня роковой бой часов: чувствую, что часть меня самого ушла вместе с ним. Ведь вот: не видались, почти не говорили, а просто «бытие» Блока на физическом плане было для меня как орган зрения или слуха; это чувствую теперь. орангутангом душа жить не может. И смерть Блока для меня это зов».

В дневнике Корнея Чуковского есть такая запись: «он ничего не делал только пел. Через него непрерывной струей шла какая-то бесконечная песня. И потом он остановился и тотчас же стал умирать. Его песня была его жизнью. кончилась песня, и кончился он».

Мне лично думается, что Блок умер как-то «вообще» оттого, что не мог больше жить. он просто не мог больше дышать. он просто задохнулся. он умер от смерти.

И сегодня, во всей этой кутерьме с девальвациями, инфляциями, громкими судебными процессами и прочими напастями, со всеми этими олимпиадами, универсиадами и ЭксПо, с этим фальшивым насквозь «Хабаром» и тошнотворным кТк, со всем этим грандиозным фарисейством, двадцать пять лет сидя по самые ноздри во лжи и лицемерии, я думаю о том, что мы потеряли нечто большее, чем деньги или образование. Больше, чем память или страх перед лжесвидетельством. Больше, чем шанс стать понастоящему свободными и самодостаточными. мы потеряли начало начал. мы потеряли нравственные ориентиры. мы потеряли понятия о

чести и совести. мы забыли, как выглядит правда. мы забыли, чем она вообще отличается от правдоподобия.

Мы не сразу поняли, что есть сахар и есть сахарозаменитель. мы обманулись, прикормились и забыли вкус оригинала. мы утратили чувство меры. Чувство гармонии. мы не можем уже отличить одно от другого, подлинник от пустышки. Мы больше не вглядываемся, мы просматриваем. Мы не смеемся, мы ржем. Мы не вникаем, мы осведомляемся. мы не учимся, мы потребляем информацию. в стране больше нет культуры и ее носителей. вместо нее есть поддельная культурка и ее инфицированные распространители. Мы больше не видим, что все это есть параллельная реальность, но никак не сам предмет. не жизнь сама, а как бы жизнь понарошку. Жизнь как казенное мероприятие. И вот эта жизнь понарошку как-то незаметно вытеснила все живое и установила свои правила.

Выходит, в нашей жизни не осталось ничего настоящего?

Меня не покидает ощущение, что мы давно уже превратились в посмешище. Мне часто бывает стыдно за свою родину. Меня давно покинуло чувство благоговейного восторга от слов и поступков моих дедов и прадедов. Это было слишком давно. А сегодня ничего не остается, как прикрывать свою наготу демонстрацией дешевых понтов. И много пыли. слишком много пыли, господа.

И как-то тяжело стало дышать. Душновато. Грязи много. И чересчур развелось шутов и скоморохов. они уже везде: в политике и экономике, в правительстве и министерствах, в газетах и телевизорах... Одетые, обутые, сытые, жутко косноязычные, часто богатые и по случаю надменные.

Может показаться, что я все напутал. свалил все в кучу. нет, дорогие мои. Здесь все взаимосвязано. выступление президента с трибуны ООН напрямую связано с тем, что и как у нас обсуждается в парламенте, рассматривается в судах, идет по телику, пишется в сетях и поется с эстрадных подмостков. одно неотделимо от другого. все это определяет качественный уровень страны и тех, кто в ней проживает. Просто мы живем в соседних колхозах, но все внутри одного большого райцентра.

Проблема в том, что мы хотим «казаться», а не «быть». нам хочется, чтобы все сверкало и было чисто. Чтобы хорошо пахло и не ломалось. Чтобы все было якобы ништяк. Якобы...

Но мы ничего не делаем в реальности. мы просто начинаем косить под них. Для начала мы завешиваем всю страну бодрыми лозунгами. Затем мы обклеиваем алюкобондом фасады своих домов, не слишком заботясь о том, что коровник на заднем дворе прохудился и жутко воняет. мы переодеваемся в Их одежды и ездим в Их машинах по своим пыльным дорогам. А потом закручиваем лампочку на единственный столб посреди нашего колхоза и строго следим за тем, чтобы ее не спали.

Короче, мы ставим себе задачу «войти в их число», но вороватые наши соседи, краснея и стесняясь своих привычек, косятся на ту самую единственную лампочку, что висит посреди нашего колхоза и жутко действует всем на нервы. особенно по ночам. когда-нибудь ее все-таки сп...т, и, боюсь, настанет крошечная тьма. Что тогда будем делать?

Проблема в том, что мы хотим «казаться», а не «быть». Нам хочется, чтобы все сверкало и было чисто. Чтобы хорошо пахло и не ломалось. Чтобы все было якобы ништяк. Якобы...

Но мы ничего не делаем в реальности. Мы просто начинаем косить под Них.

Кирпич пятнадцатый

По следам Мустафы

«Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Ин. 15:13).

Эпитафия на могиле Мустафы Шокая

Было это сравнительно недавно, лет десять назад.

Нас с Сергеем Бодровым попросили «подлечить» сценарий к фильму «Мустафа Шокай».

«Подлечить» фактически означало переписать. Поскольку то, что было написано, к профессиональному киносценарию отношения не имело. Как говорят киношники, сценарий был неснимабельный. А запуск уже был на носу.

И вот засели мы, значит, в одном из домов отдыха под Алма-Атой «лечить неизлечимый сценарий», и в один из дней к нам неожиданно нагрянуло тогдашнее руководство почти в полном составе. Оказалось, на студии снова ЧП. Американцы во главе с Иваном Пассером по каким-то причинам бросили работу над «кочевниками» и уехали. Не знаю, почему так случилось, но фильм в любом случае надо заканчивать. Другими словами спасать.

Что ж. у нас такое тоже бывает: сценарии не пишут, а лечат. Фильмы не снимают, а спасают. Дело это не новое, а Сергей человек отзывчивый. Ну он и пошел.

А я остался с Мустафой.

Полез в архивы смотреть, работа неподъемная. Прежде всего это относилось к масштабу личности. И тогда я решил ничего не выдумывать, а просто пройти его путь. Путь Мустафы. От начала и до конца.

Сел в поезд и поехал в Кызылорду. Там, в области, была когда-то станция слутобе. неподалеку от нее и ютился аул Мустафы. на самом берегу Сырдарьи.

Здесь он родился. в семье был пятым. самым младшим. как и многие дети того времени, поначалу обучался у муллы. Тот его

А я остался с Мустафой. Полез в архивы смотреть, работа неподъемная. Прежде всего это относилось к масштабу личности. И тогда я решил ни чего не выдумывать, а просто пройти его путь. Путь Мустафы. От начала и до конца.

Все время поучал: не ходи, мол, в русскую школу, «а то наденут на тебя крест и превратишься в кафыра. Забудешь родной язык и обычаи».

Мустафа не послушался и поступил в ташкентскую гимназию. с отличием ее окончил. Если не ошибаюсь, даже с золотой медалью. Губернатор края генерал Самсонов предлагал ему должность в своей канцелярии, но Шокай отказался и уехал в Санкт-Петербург учиться на юриста. Там, в университете, по большому счету, и началось его восхождение.

Сейчас уже многие факты его биографии довольно подробно изложены в отечественной историографии. Кому интересно можно посидеть, покопаться. меня же больше интересовало: что же это за человек был такой? откуда взялся и как мог появиться в такой глуши?

Впрочем, ломоносовы с циолковскими тоже не графья, поди и оксфорды не оканчивали...

Из Кызылоры я отправился далее в Ташкент. оттуда в Петербург, потом в Баку, Тифлис, Стамбул, Париж, Ножан и Берлин. Здесь, в столице Германии, земной путь мустафы Шокая закончился.

Чтобы пройти его дорогой, мне понадобилось чуть больше трех месяцев. Мустафа же прожил 51 год.

Похоронили его на турецком кладбище османидов.

Рядом с могилкой сплошной забор. За ним трасса. на надгробном камне надпись по немецки: «Здесь покоится мой незабвенный супруг мустафа Шокайбей оглы. 21.1.1941. ЮН. 15.13». («нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих». Ин. 15:13.)

Что запомнилось из всего этого путешествия? вернее, чем бы хотелось поделиться.

Пока я незримо следовал за Мустафой, я открывал по ходу много нового и необычного. ну, во первых, я открыл для себя человека, который двигался наперекор своей судьбе, весьма отчетливо представляя ее неотвратимость. с упорством фаталиста. с одной стороны, это вызывало интерес, с другой недоумение.

Ну, к примеру, мне непонятно, как его могла полюбить такая ослепительная женщина, как Мария Яковлевна Горина. оперная дива. Петербургская аристократка в пятом поколении.

Ну в самом деле. ведь красавцем Мустафу, честно говоря, не назовешь. обыкновенный. на районного Акима похож. Значит, было в нем что-то особенное. Чего не увидишь глазами, а только сердцем.

Тем более в тот момент Мария была замужем за блестящим офицером, краевым прокурором. Жила в стабильном достатке и привычной роскоши: огромный особняк, балы, светское общество...

Я не мог себе представить, как она могла взять и променять все это на беспокойную жизнь с революционером, за которым охотятся, чтобы повесить. Или расстрелять. Причем цели его утопичны, а будущее туманно. Да и времена на дворе, прямо скажем, непростые. революция, погромы, голод, разруха.

Мне до сих пор кажется, что выбор Марии Яковлевны заслуживает отдельного художественного романа. Или фильма. Подвиг ее во имя любви вполне сопоставим с жертвенностью жен декабристов.

Помнится, в какой-то момент им предстояло расстаться. Причем непонятно получится еще раз встретиться или нет. рядом с мустафой уже просто опасно было находиться. но Мария, выждав какое-то время, пустилась в опасное путешествие через всю степь: где-то на санях, где то на подводах, а где-то и пешком, чтобы встретиться в условленном месте, на берегу Каспия. уже оттуда они на барже уплыли в Турцию и оказались в относительной безопасности. короче, это настоящее приключение, в одном материале не перескажешь.

Словом, ради мустафы Мария бросила все. И мужа, и дом, и карьеру, и все остальное. А пока металась по зимней степи, жестоко простудила горло. Петь она уже потом не могла.

Когда жили в эмиграции, снимали квартиру в Париже. Мустафа подрабатывал корректором в газете «Дни», которую редактировал керенский. они были знакомы с ним еще по Петербургу. когда Керенский возглавлял временное правительство, он предлагал Мустафе портфель министра юстиции. Так высоко он его ценил. А после, уже в Париже, когда работали в одной редакции, они поссорились. Из-за мутной статьи, которую Керенский решил опубликовать. Мустафа был против и уволился по собственному.

Переехали в Ножан. Это под Парижем. Бедствовали. Денег не было. И тогда Мустафа съездил куда-то в деревню и обменял свой единственный пиджак на курицу с петухом. Притащил все это хозяйство домой и скотил что-то вроде загончика. Марию хотел обрадовать...

Было время, когда они решили устраивать платные обеды на дому. надо было как-то выживать. Мария Яковлевна ходила на базар за продуктами, варила дома щи. Мустафа расставлял нехитрую мебель: столы и стулья. к ним любили ходить столоваться эмигранты.

Вообще, Мустафа фигура противоречивая. Мало о ком ходило и до сих пор ходит столько кривотолков. Для одних он святой. Для других предатель и отщепенец.

Я встречался с некоторыми людьми весьма преклонного возраста во Франции, Германии, Польше, Турции. все они когда-то сидели в концентрационных лагерях и в прошлом имели отношение в Туркестанскому легиону. всех их в свое время Мустафа спас от верной смерти. они говорят о нем как о своем отцеспасителе. Так евреи вспоминают Шиндлера.

Дело в том, что в самом начале войны немцы создали специальный департамент остминистерии, который занимался вопросами востока. Рейхсвер видел в Мустафе организатора и вдохновителя Туркестанского легиона, потому что именно Мустафа Шокай к тому времени считался идейным вождем тюркского мира. Его уважали, к нему прислушивались, и он пользовался всюду непререкаемым авторитетом. Даже Сталин называл его своим личным врагом.

Так вот. в первые месяцы войны в плен попало огромное количество советских солдат, поскольку опыта боевых действий в отличие от немецких у них еще не было. нацисты пообещали Мустафе после окончания блицкрига серьезные преференции и предложили собрать мусульманскую армию из числа военнопленных. среди них были в основном представители тюркских национальностей: узбеки, татары, киргизы, уйгуры.

Мустафа поехал по лагерям разговаривать. кто-то соглашался, переходил, а кто-то бросался на него с кулаками.

По разному складывалось.

В любом случае, многих Мустафа тогда вытащил. Многие выжили.

Как-то ему даже пришлось спасать бойцов евреев, выдав их за мусульман. у тех имелись, скажем так, «вещественные доказательства». все они были обрезанные. вот уж если Бог решит помочь, то он найдет способ как. на тот раз еврейский бог пришел на помощь в лице лидера туркестанского движения.

Но все же создать легион Мустафе так и не пришлось. (Формирование армии из числа военнопленных связано с именем вели каюмхана.) Переговоры

Я встречался с некоторыми людьми весьма преклонного возраста во Франции, Германии, Польше, Турции... Все они когда-то сидели в концентрационных лагерях и в прошлом имели отношение в Туркестанскому легиону. Всех их в свое время Мустафа спас от верной смерти. Они говорят о нем как о своем отцеспасителе. Так евреи вспоминают Шиндлера.

С немецким командованием зашли в тупик. Шокай настаивал на том, чтобы солдат Туркестанского легиона не использовали в военных целях. Другими словами, чтобы их не отправили заново на фронт, но уже в составе немецких подразделений. вермахт был против. в частности, риббентроп. в итоге в декабре 1941го мустафа скончался при загадочных обстоятельствах. в акте о смерти написано: «Тиф». но Мария Яковлевна всю жизнь считала, что его отравили.

Умер мустафа в клинике с символическим названием «виктория». видимо, и здесь судьба решила улыбнуться ему своей кривой улыбкой.

К чему я все это вспоминаю?

Видите ли, я намеренно опускаю здесь все то, что есть в исследованиях. Еще раз повторю: меня прежде всего интересовал человек, а не легенда. Так вот, мне думается, что Мустафе не повезло как человеку.

Ну, во первых, Бог не дал ему детей. И потом, от него отвернулась родня. Друзья. Почти все. Да, круг общения у него был довольно широк, но в душе он был глубоко одиноким чело-

веком. на родине боялись даже упоминать его имя, потому что за этим моментально следовал арест.

Мустафа очень любил свою землю, но вынужден был покинуть ее. он хотел ей счастливой судьбы, но, опять же, обстоятельства складывались против. он мечтал о великом ее будущем, но его мечте не суждено было сбыться. До конца своих дней он числился во врагах собственного народа. советская пропаганда работала без перебоев. Лишь сравнительно недавно его реабилитировали. Если не ошибаюсь, в числе последних его великих однодельцев-алашординцев.

В АлмаАте его именем назвали почему то небольшую улочку, которая ведет на кенсай. Что само по себе странно и нелепо. Фигур такого масштаба, как Шокай, у нас не так много. Если не сказать, что их фактически нет.

Мустафа мыслил глубоко. В чем-то пророчески. Еще тогда он предвидел нынешние трансформации. в своих книгах и журнальных статьях он предупреждал, что нет ничего страшнее для нации, чем духовная ассимиляция. Потеря корней. он говорил о необходимости объединения тюркских народов. И прежде всего здесь в Центральной Азии. обосновывал он свои идеи общей культурой и общей историей. как видим, его опасения в чем-то оправдались: мы уже отгородились друг от друга колючей проволокой, прочертили границы, опустили шлагбаумы, отпечатали свои деньги и о жизни ближайших родственников узнаем по российским телеканалам.

Сейчас мы пытаемся заново открыть себя. В то же время нас соблазняют достижениями Запада. как всегда недостижимыми (если их вообще нужно достигать).

Мустафа говорил о том, что потеря оригинальности, самобытности и подражательство породят стереотипность мышления. Безликость. Размытость. Что и происходит сейчас. он хотел, чтобы мы вошли в мировое сообщество через парадные двери, а не ломились туда через задний проход.

Что сбылось из его опасений?

Нас лишили права выбора. За нас выбирали другие случайные поводыри, на которых нельзя было положиться. Это было ошибкой. В чем и состоит вся драма. Теперь, чтобы двигаться вперед, мы вынуждены возвращаться назад. Восстанавливать память. Историческое сознание. Язык. Вспоминать все то, что составляет нравственный облик целого народа. конечно, это нелегко. к тому же многое потеряно уже безвозвратно.

В этой связи меня занимают некоторые вещи. Мысленно я провожу параллели с сегодняшним днем.

Нынче снова в тех же Европах проживают оппоненты теперешней власти. Тот же кажегельдин, например. кстати, тоже бывший председатель правительства, как и Мустафа когда-то (Мустафа Шокай был премьерминистром кокандского правительства).

Или тот же Аблязов. Тоже министр . кажется, энергетики, если не путаю. между прочим, он сейчас в Париже. надо же, какое совпадение...

Есть и другие.

Врагами народа их пока не объявляют, но хорошего о них в официальных СМИ тоже не говорят. не думаю, что кому-то из них придется менять последний пиджак на курицу несущую, но их судьбам я тоже не завидую. Чужбина не сахар. По себе знаю. Да и не слишком я знаком с деталями их историй. Поэтому однозначные выводы делать не имею права. Я лишь смотрю на ситуацию со стороны. И думаю: а сколько же нынче таких? Тех, кто вынужден был бежать и прятаться. вдали от родины. всех и не упомнишь. А жаль. ведь умные мужики все. Деятельные. сколько пользы могли бы стране принести. А вон оно как вышло.

Правда, смысл нынешней конфронтации, надо признать, несколько иной. Я имею в виду сам характер противостояния. Природу конфликта. И мотивы, опять же. Цели.

Для себя я понимаю это так: разные банды бились за место под солнцем. Победила та, что оказалась ловчее и проворнее. Даже мустафа не мог предвидеть такое. он не мог предполагать,

что землю его разорвут на сотню маленьких медвежат и растащат каждый в свою берлогу. Он всю жизнь боролся, представляя себе другое будущее. Явно не такое, как сейчас. к сожалению, потомки не оправдали его надежд. во всяком случае, нынешние. может быть, те, кто придет после, окажутся совестью. И умнее.

Между прочим, мустафа не хотел быть политиком. он хотел быть историком. мечтал заниматься прошлым своей многострадальной земли. Хотел писать книги и учить детей.

Не получилось.

Он всю жизнь боролся, представляя себе другое будущее. Явно не такое, как сейчас. К сожалению, потомки не оправдали его надежд. Во всяком случае, нынешние. Может быть, те, кто придет после, окажутся совестью. И умнее...

Кирпич шестнадцатый

Жизнь президента Уругвая это ад нашего районного Акима

«...Был участником леворадикального партизанского движения Тупамарос, был схвачен и провел в военных тюрьмах 14 лет.

...Мухику называли elpresidente mas pobre «самый бедный президент». Мухику жертвовал на благотворительность почти всю свою президентскую зарплату, что делало его самым бедным (или самым щедрым) президентом в мире.

Из \$12 500, которые президент получал каждый месяц, он оставлял себе только \$1250. «Мне вполне хватает этих денег, уверяет Мухику, должно хватать, потому что доходы многих уругвайцев намного ниже».

Из биографии 40го президента Уругвая

Хотим мы или не хотим, но занавес опускается. наступает финальная часть саги. все ждут, а некоторые уже вовсю суетятся, подсчитывая свои шансы в надежде на главное кресло страны. не думаю, что буквально все зависит от того, кто в него сядет. караван набрал ход, и навязанные правила прочно засели в наших подкорках. Изменения, конечно, будут, но вряд ли значительные. Уйдут последние носители совковых привычек, вымоются агашки старого поколения, придет новая, усовершенствованная генерация агашек с не меньшим апломбом, но с убойным аппетитом. Перманентная драчка за угоды по-прежнему останется главной национальной забавой, поскольку внутренняя бескровная война это наше естественное состояние...

Чего следует опасаться?

Даже с учетом всего вышеизложенного продолжится ли генеральная линия? Если продолжится, начнется очередная волна миграции. Скорее всего, уже последняя.

Большая барахолка плавно перейдет в следующую стадию своего развития со всеми попутными составляющими.

второй немаловажный вопрос: сколько потребуется времени будущим рулевым на то, чтобы заново расставить шлагбаумы private property? Этот вопрос останется открытым надолго. он во многом и определит, куда мы двинемся дальше: вперед или, опять же, назад.

Дело усложняет еще один немаловажный фактор. Есть выражение: «Цезарю позволено все, поэтому он должен быть скуп в своих желаниях». к несчастью, комплекс Цезаря у нас живет практически в каждом втором.

И вот теперь представьте себе государство, состоящее сплошь из цезарей. Причем скрытый цезарь намного заносчивее и амбициознее цезаря явного.

Маленький человек, главный персонаж русской классической литературы герой прошлого. Лузер и лох.

Кстати, такой человек есть. Живет в уругвае. И зовут его Хосе Мухика. от всех остальных обычных уругвайцев Хосе отличается тем, что является... президентом страны. Во всем остальном как бы это сказать.

Уйдут последние носители совковых привычек, вымоются агашки старого поколения, придет новая, усовершенствованная— генерация агашек с не меньшим апломбом, но с убойным аппетитом.

Перманентная драчка за угожья по-прежнему останется главной— L«национальной забавой.

Когда-то Хосе партизанил, несколько раз был ранен, отсидел 14 лет в военных лагерях. в должность президента вступил в марте 2010го. от положенной ему роскошной резиденции отказался и поселился на небольшой ферме за пределами столицы. До сих пор таскает воду из колодца, работает на земле, выращивает цветы. При этом получает довольно приличную для Уругвая зарплату. что-то около 12 тысяч долларов в месяц. отдает ее бедным. себе оставляет примерно 700 долларов. все богатство Мухики автомобиль «фольксваген жук» 1987 года, трехногая собака Мануэла и половина активов супруги земельный участок, трактор, дом. короче, жизнь президента Уругвая это ад нашего районного Акима.

Экстравагантность господина Мухики может вызвать снисходительные улыбки: мол, какая страна, таков и президент. но Уругвай находится на 48 м месте в рейтинге стран мира по уровню жизни населения (Казахстан на 68 м)! средняя продолжительность жизни мужчин 76 лет (у нас и до 70 неотягивают). но вот в чем от нас Уругвай безнадежно отстал, так это в количестве миллиардеров.

Ну, хорошо. Допустим, Мухика это крайность. Есть и другой пример. самая влиятельная женщина мира, по версии Forbes, Ангела Меркель живет в многоквартирном доме. в стандартной квартире. вдвоем со своим мужем. одежду и обувь покупает сама. отпуск оплачивает сама. Под Берлином у нее есть своя дача. Личная, а не государственная. конечно, нуждающейся фрау Меркель не назовешь, но по немецким стандартам ее можно отнести к крепкому среднему классу Германии. кстати, надбавку к своей зарплате Меркель получила лишь через 12 лет после вступления в должность.

Мысленно закрываю глаза и хочу представить наших в обувном магазине... В трехкомнатной стандартной квартире. На даче с тяпкой... ничего не получается.

Стоит ли в такой перспективе возвращаться к вопросам культуры и нравственности? образования? как бы это ни звучало наивно стоит. Более того, при таком раскладе они приобретают еще большую важность. конечно, всяк по разному видит задачу высшего просвещения. одни ищут в знании всеобщее благоденствие. Другие власть над миром. Тот же глобализм, если вы помните, начинался с европейского просвещения.

К чему это я?

Необходимо вернуть людей к книге, к своей мифологии, к своим духовным истокам. к вере. Говоря о вере, я имею в виду духовные поиски человека. Духовные практики. они помогают бороться с инстинктами. Других рецептов пока не придумано. Иначе создатели новых религий, собирающие под свои знамена многомиллионные армии адептов, современные дьяволы типа Джобса с их надкусанными яблоками окончательно вытеснят из человеческих душ истинную веру. они уже посадили паству на свои игрушки, подсунули золотых тельцов и развернули ход человеческой мысли в выгодную им сторону...

Самая влиятельная женщина мира, по версии Forbes, Ангела Меркель живет в многоквартирном доме. В стандартной квартире. Вдвоем со своим мужем. Одежду и обувь покупает сама. Отпуск оплачивает сама. Под Берлином у нее есть своя дача. Личная, а не государственная.

Нынешнее поколение управленцев показало, на что оно способно. мало кто из них читал Мукагали и слушал Шопена. многие из них, как мы видим, прочно освоили терминологию

биржевых сводок, но в целом это ситуацию не меняет. Я знаю одного такого бастыка, который искренно полагает, что моцарт играл за «спартак».

Помнящие известную басню вряд ли станут пересаживать таких исполнителей с места на место. Хорошо бы провести правильную селекцию: петушки к петушкам, а раковые шейки в сторону. Нужно еще учесть, что у нас жива традиция двигаться скопом. Наверняка очередной баскарма придет не один. Он приведет с собой преданных земляков. Те, в свою очередь, приведут не менее достойных аульчан. Хорошо бы при этом, если среди вновь прибывших окажутся люди с подлинной трудовой биографией, а не только «племянники жены» с ламинированным дипломом доктора политологии. При таком раскладе изменить ситуацию можно. у мечты есть шанс сбыться при условии, что грамотные аульчане будут правильно понимать задачи образования и культуры. согласитесь, страна ускользающей правды зрелище неприглядное и постыдное.

У Будды есть: «самая большая ошибка в жизни человека потерять самого себя». мои дорогие аульчане должны понимать: чтобы найти себя, придется выключить на время iPad, поубавить громкость телевизоров, уменьшить количество и убожескую помпезность тоев, послушать напоследок стариков, которые сохранили здравый ум и трезвую память, вернуться из прошлого в день настоящий, забыть навязшую в зубах спасительную мантру, которая начинается со слов «благодаря Елбасы», забыть подражать и попытаться выразить собственные мысли. надоело это ребяческое самолюбование. Безудержный восторг от самих себя. наши лекари заврались мы глубоко больны. Это факт. метастазы расползлись по всему организму и поразили все жизненно важные органы, в первую очередь сердце и мозг. не нужно обманываться: мы не изменились. мы просто сменили одни печали на другие. несомненно, печали нынешние в каком-то смысле устраивают нас больше, чем те прежние. но и здесь не все так просто.

По сути, нам нужно все начинать сначала. как если бы свобода обрушилась на нас вчера. И мы еще молоды. как народ и как страна. на карте мира нас прописали недавно, поэтому мы так торопимся самоутвердиться. мы спешим. мы хотим понравиться. нам хочется, чтобы нас тоже пустили в круг. но я уверен: не нужно подстраиваться. надо строить. надо выздоравливать. очиститься. все-таки хочется пожить у себя. Пожить с чувством собственного дома. У рыб и птиц это называется хомингом. как у людей, не знаю. но это очень важное чувство. может быть, одно из самых главных. Его можно сравнить только с любовью к матери. с любовью к своей земле. какое бы имя она теперь ни носила...

Нынешнее поколение управленцев показало, на что оно способно. Мало кто из них читал Мукагали и слушал Шопена. Многие из них, как мы видим, прочно освоили терминологию биржевых сводок, но в целом это ситуацию не меняет. Я знаю одного такого бастыка, который искренно полагает, что Моцарт играл за «Спартак»...

Кирпич семнадцатый

Трудности перевода

«Старый алматинский двор. Многоквартирный дом. Из окна четвертого этажа показывается женщина. Ищет глазами малолетнего сына. Тот сидит в песочнице с машинкой. Мать зовет: Абылай! Быстро домой! Тамак ішеміз!

Мальчишка кричит в ответ:

Щаз не могууу! Мен песадамын!»

«Пальтолар, курткалар, пуховиктер»

(вывеска в магазине).

«Участкелік полиция пункты»

(табличка на углу улиц АльФараби Маркова).

(Из пособий по ведению банковского дела)

«Excelде курсорды бір клеткадан баска клеткага жылжытып отыру ншін курсорды баскару клавишалары колданылады».

(Из программ по обучению работе на компьютере)

Я ребенок. Я еще маленький. В нашем ауле много солнца, а в садах растет апорт. Под крышей дома ласточки свили гнездо, и оттуда высовываются крохотные клювики на тоненьких стебельках вместо шей.

Возле центральной усадьбы, напротив двухэтажной конторы, висит огромный портрет добродушного человека в мятой фуражке. Человек хитро улыбается, а может, просто щурится от солнца. Под портретом красным выведено почему то имя соседского мальчишки Слава. Рядышком еще четыре буквы. Покрупнее КПСС.

На день рождения мне подарили жеребенка, и счастья в моей жизни стало больше. Я знал, что он когда-нибудь вырастет и станет настоящим тулпаром. Я оседлаю его и полечу в открытую степь навстречу знойному ветру. И когда случится байга, я обязательно приду первым. И отец будет гордиться мной. Такой была моя мечта...

Но однажды где-то далеко далеко просвистел невидимый поезд, и воздух пропитался гарью. Следом в нашем доме появились гости. У нас всегда было полно гостей. но эти были особенные. Я не видел их раньше. они пришли к нам улыбочивые, загорелые, забавные, с запахом дорогих одеколонов, шуршанием невесомых платьев и блеском шелковых носков. они говорили на чужом языке, смешно ели и громко смеялись. они сразу нам понравились, такие простодушные и любопытные. они посидели за нашими низенькими дастарханами, потыкали вилками бешбармак, послушали наши песни, сфотографировались с моим жеребенком и пообещали прийти еще.

И они не обманули. они вернулись. но уже с подарками. мы распахнули перед ними скрипучие ворота своих скромных дворов, и они въехали в нашу жизнь на «поршах» и «тойо-

тах», ворвались в наше босоное детство с зажатым куском рафинада в ладони и предложили взамен анчоусы с омарами. они вломились в наш неказистый уют семейными снимками на фоне своих роскошных особняков, отчего нам вдруг стало тесно в наших приземистых домах. мы легко отказались от рафинада и распробовали «сникерсы». мы переоделись во все теплое и удобное, выбросили сандалии, из которых в растопырку торчали грязные пальцы, и перестали донашивать за старших братьев штаны с оттянутыми коленками. мы стали слушать их песни, постепенно забывая свои, стали учить их языки, слегка стесняясь за свой. нас очаровали их выговор, недоступная легкость небрежных манер, неизменная веселость ухоженных лиц и улыбки.

А потом.

Потом мы переехали в большие города и стали во всем стараться походить на них. И у нас со временем стало неплохо получаться. К счастью, наши гости оказались людьми снисходительными. И терпеливыми. они не тряслись и не заботились о нас. не давили советами, не запрещали нам заблуждаться и не разговаривали лозунгами. они смотрели на нас, как на заигравшихся детей, и опять улыбались. За их улыбками ощущалась великая сила. наверное, так выглядит взрослость. мы чувствовали это превосходство, а потому старались казаться лучше, чем есть. нас манил их мир, загадочный и щедрый, праздничный и беззаботный. в нем, казалось, нет тех проблем, которые всю жизнь тяготили наших многострадальных отцов. нам казалось, что они давным давно решили все эти проблемы и знают главный секрет этой жизни. И если у нас она состояла из маленьких радостей и больших огорчений, у них все выглядело наоборот.

Нас мучила зависть. они смотрелись умнее и красивее нас. у них были ответы на все наши глупые вопросы. мы грезили их фильмами и вырезали из журналов фотографии их любимых актеров. нам нравились их чемпионы: черные и мужественные. нам нравились их правители: простые и доступные. они могли позволить себе ходить в рубашках с расстегнутым воротом и петь в толпе их общие песни. они все казались нам такими не замороченными и в то же время такими недостижимыми...

А где-то вдалеке стучал колесами поезд, и нам так хотелось хотя бы краешком глаза посмотреть на него.

А потом.

Потом.

Повзрослев, мы отрастили волосы до плеч, стали исподтишка потягивать травку и научились танцевать шейк. мы забросили поднадоевшую домбру и переключились на гитары. мы выкинули «Приму» и стали курить сигареты, на которых был нарисован их чабан, то есть ковбой. они стали хвалить нас и подбадривать. А нам всегда нравилось, когда нас хвалили. И мы старались. мы стали чаще улыбаться, потому что устали их подозревать. мы стали развязнее, поскольку так мы больше походили на них. Иногда, правда, нас настораживали их шутки насчет подуставших хмурых вождей в одинаковых серых костюмах на мавзолее. Даже их генсек любил травить анекдоты про нас с высоких трибун. они незлобиво острили на этот счет, употребляли какие то непонятные слова: тоталитаризм, коммунистический режим, идеологические шоры.

И однажды!

Однажды им удалось уговорить нас взглянуть на мир под другим углом. И нам открылась совершенно другая картина! оказалось, все это время нас вели не туда и строили мы не то. оказалось, что все эти могущественные пенсионеры в униформе воры и разбойники. Чужаки и временщики. настоящие правители так себя не ведут, они болеют за своих. И мы скинули плохих вождей с высоких трибун, выбрали хороших и отгородились от бывших соседей колючим забором.

Гостям так понравились эти перемены, что многие из них перебрались к нам. они открыли здесь свои офисы и напросились к нам на постой.

К тому времени мы закончили институты, пережились, и у нас родились дети. вместе с детьми появились на свет новые слова: кооперация, приватизация, акционирование...

Неожиданно наши деньги превратились в пыль. нам становилось все труднее и труднее сводить концы с концами. но наши преданные гости не переставали улыбаться и по дружески хлопали по плечу. они говорили, что все это временно, что все это они уже проходили много раз и надо потерпеть и что инфляция (тоже новое слово) имеет свойство появляться и исчезать. как грипп или понос. И мы верили. Потому что нам тоже хотелось научиться принимать удары судьбы невозмутимой ухмылкой и на все тяжелые вопросы отвечать нестигаемым: «окей!»

Вскоре они объяснили нам, что бизнес не порок и что деловые люди это не жулики, как говорили раньше, а предприниматели.

Мы ринулись представлять. Это оказалось делом непростым и даже опасным. в подъездах резали людей, а наиболее удачливых предпринимателей стреляли прямо на улицах как бешеных собак. но они сказали, чтобы мы не паниковали и что у них было то же самое. когда-то. И что весь этот кошмар закончится, как только все поделится.

Наконец, когда все поделилось и утряслось, мы вернулись в свои унылые конторы. со временем в них стало меньше стен и больше стекла, хотя от этого они не стали прозрачнее. Появились кондиционеры: изящные и бесшумные. старые мы выкорчевали из прогнивших рам и установили новые: на стены и потолки. вслед за кондиционерами мы очень скоро набили наши отремонтированные офисы и всем прочим ихним: бойлерами и микроволновками, факсами и ксероксами, электрочайниками и кофеварками. Заставили все столы компьютерами, в которые загрузили их программы. Быстро пересели с опостылевших «москвичей» в их «мерседесы» и «лексусы». к тому времени у нас прижились их деньги, которые мы прозвали на свой манер баксами. С этих баксов на нас строго смотрели их великие отцы. на этих деньгах была написана знаменательная фраза: «мы верим в Бога». мы мало слышали об их Боге. мы больше верили им. мы думали, что боги это они.

Через пару лет они научили нас новым словам: демократия, парламент, плюрализм... Нам было тяжело усваивать всю эту науку, но мы уже разглядели тот самый поезд. он прогрозился совсем рядом, параллельным курсом, сверкая никелем и манящими бликами феерических огней.

Нам захотелось прокатиться. ну хотя бы разочек! ну хотя бы в одном из последних вагонов! ну хотя бы до ближайшей станции!..

Они улыбнулись в очередной раз своими ослепительными улыбками и взяли нас с собой. И у нас сразу захватило дух от скорости. нам стало дурно с непривычки. некоторые совсем потеряли голову и стали вести себя неприлично. стали пропадать ложки в вагоне-ресторане. Потом исчезли разные блестящие штучки в купе и коридорах. кто-то даже попытался открутить на ходу колесо. Пришлось остановиться, чтобы высадить воришек и придать всему первоначальный вид. многие пребывали в замешательстве. но они в очередной раз проявили благородство, улыбнулись подбадривающими улыбками и произнесли другое волшебное слово: «Индепендент!»

И все слегка опьянели от дразнящего вкуса этого сладкого слова. Так они снова вдохнули в нас силы, и мы вновь включились в волнительный азарт погони за далеким недостижимым безоблачным счастьем.

И нас не пришлось уговаривать. мы сами подбросили в топку угля и понеслись на всех парах. мы не успевали думать и считали, что со всем остальным разберемся по дороге, поскольку были заняты новым важным делом. мы строили город. новую столицу. в самом центре степи. как когда-то они свой. ведь они тоже в свое время построили город посреди пустыни, который со временем превратился в столицу мирового игорного бизнеса. мы возводили второпях дома и здания. Такие же, как у них. мы старательно повторили черты всех их узнаваемых символов, и скоро в нашей столице появились маленькие копии всех их главных городов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.